

А 120
223
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1-76
Ф 15498

МІРЪ ГРЕЗЪ.

(Le monde des rêves)

801-15

1038

Д-ра СИМОНА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Г. Паперна.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія газеты «Новости», Екатерининскій каналъ, д 113.

1890.

43

A $\frac{190}{223}$

$\frac{190}{223}$

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Общая характеристика сновидѣній	1
II. Сновидѣніе и чувства	13
III. Сновидѣніе и организмъ	26
IV. Сновидѣніе и умственная дѣятельность	39
V. Зрительная галлюцинація. — Физиологическая теорія этой галлюцинаціи	57
VI. Невидимки и голоса. — Новый взглядъ на психическія галлюцинаціи и маниакальную безсвязность рѣчи	76
VII. Галлюцинаціи общаго чувства, обонянія и вкуса. — Галлюцинаціи въ области полового чувства. — Упыри	92
VIII. Физиологическія галлюцинаціи	111
IX. Гипнагогическія галлюцинаціи	127
X. Сомнамбулизмъ и сомнамбулическое видѣніе	145
XI. Экстазъ.	158
XII. Гипнотизмъ	174
XIII. Иллюзии	194
XIV. Искусственный рай	213
XV. Рагль или галлюцинація пустыни	230
XVI. Мозгъ и грезы	238

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го марта 1890 г.

45677-0

2014142201

ГЛАВА I.

Общая характеристика сновидѣній.

Изъ явленій, наблюдаемыхъ во время сна, сновидѣніе принадлежитъ къ числу наиболее интересныхъ. Въ глазахъ врача-психіатра этотъ интересъ усиливается замѣчательной аналогіей, существующей между сновидѣніемъ и галлюцинаціей и бросающейся въ глаза при самомъ поверхностномъ сравненіи этихъ двухъ проявленій душевной дѣятельности. Этотъ интересъ и побудилъ насъ приступить къ изученію природы сновидѣній, несмотря на всю трудность и запутанность вопроса.

Какъ извѣстно, сновидѣнія являются всего чаще въ началѣ сна и незадолго до пробужденія. Въ этомъ обстоятельстве нѣтъ ничего удивительнаго. Напротивъ того, было бы совершенно непонятно, если бы сновидѣніе сопровождало полное прекращеніе дѣятельности головного мозга, которое и составляетъ, повидимому, глубокій сонъ. То состояніе пониженной дѣятельности головного мозга, которое предшествуетъ сну и пробужденію, должно представлять, — если можно такъ выразиться, — истинную арену сновидѣнія.

Сущность сновидѣнія состоитъ въ появленіи мозговыхъ образовъ, смутное или отчетливое воспоминаніе о которыхъ сохраняется у насъ по пробужденіи. Эти образы могутъ быть или чисто-чувственными или символическими обра-

зами (образами-знаками); обѣ категоріи образовъ могутъ также существовать одновременно. Въ первомъ случаѣ мы присутствуемъ при болѣе или менѣе связныхъ сценахъ, мы видимъ, иногда,— правда, довольно рѣдко— слышимъ, испытываемъ разнообразныя ощущенія. Во второмъ — мы ассоціируемъ идеи, разговариваемъ, сочиняемъ.

Какъ извѣстно, образы, рождающіеся во время сна, подвергаются чрезвычайно быстро видоизмѣненію. Эта трансформация совершается,— точно также, какъ при галлюцинаціяхъ, о чемъ будетъ рѣчь позднѣе,— путемъ полной смѣны образовъ, и это, по нашему мнѣнію—случай наиболѣе частый. Въ другихъ случаяхъ образъ метаморфозуется: различныя его части послѣдовательно исчезаютъ и замѣняются обрывками другихъ образовъ, изъ соединенія которыхъ составляется новый образъ.

Образы, являющіеся во снѣ, воспроизводятъ предметы, видѣнные въ состояніи бодрствованія, часто незадолго передъ тѣмъ, иногда же въ столь отдаленную пору нашей жизни, что мы утратили о нихъ всякое воспоминаніе. Появленіе образовъ странныхъ, не встрѣчающихся обыкновенно въ жизни, зависитъ отъ сопоставленія образовъ или обрывковъ образовъ, которые во внѣшнемъ мірѣ встрѣчаются только раздѣльно. Справедливость этого доказывается тѣмъ, что въ самыхъ фантастическихъ грезахъ, въ самыхъ странныхъ ассоціаціяхъ намъ удается нерѣдко различить элементы, заимствованные у того или другого одушевленного или неодушевленного предмета и вошедшіе въ составъ чудовищнаго образа, внушающаго намъ удивленіе и ужасъ.

Я помню сонъ, давно уже заинтересовавшій меня съ этой точки зрѣнія. Днемъ я встрѣтилъ одну особу очень малаго роста и долго разговаривалъ съ нею, причемъ обратилъ вниманіе на довольно оригинальный ея костюмъ. Въ ту же ночь я видѣлъ во снѣ лицо такого же роста и въ такомъ же костюмѣ; но глаза лица, видѣннаго мною во снѣ, совсѣмъ не были похожи на глаза реальнаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто прекрасныхъ глазъ моей знакомой я увидѣлъ глаза, имѣвшіе форму шара и необычайно вы-

дававшіеся изъ орбитъ. Благодаря странности образа, мнѣ нетрудно было отыскать вызвавшій его моментъ. Утромъ я долго разматривалъ статуэтку, изображавшую какое-то японское чудовище съ такими же точъ въ точъ глазами.

Такимъ образомъ, элементы сновидѣній даются дѣйствительностью. Прибавлю, что образъ, являющійся намъ во снѣ, стоитъ въ крайне тѣсномъ отношеніи къ воспринятому передъ тѣмъ чувственному образу. Онъ, точнѣе говоря, воспроизводитъ его вполне и совершенно. Это, въ сущности,— то же воспріятіе, сохранившее все свои достоинства и недостатки, зависящіе отъ большаго или меньшаго совершенства чувственныхъ аппаратовъ, принесшихъ его къ нервному центру и подѣйствовавшихъ при посредствѣ послѣдняго на сознаніе.

А. Мори въ своемъ интересномъ трудѣ о „снѣ и сновидѣніяхъ“ подмѣтилъ эту особенность являющихся во снѣ образовъ, благодаря которой они въ точности воспроизводятъ чувственные образы, воспринятые въ состояніи бодрствованія. Мори даетъ, однако же, этому факту объясненіе, съ которымъ мы не можемъ согласиться. „Я близорукъ, говоритъ онъ, и плохо вижу; въ окно я не могу ясно различить лицъ, проходящихъ по улицѣ. И вотъ во снѣ мнѣ нѣсколько разъ снилось, что я чрезъ свое окно вижу людей и точно также не могу различить ихъ. Конечно, воображаемой близорукости нѣтъ; дѣло просто въ томъ, что воспоминаніе о моемъ плохомъ зрѣніи заставляло меня плохо видѣть и во снѣ.¹⁾“ Наблюдатель вѣрно подмѣтилъ интересный фактъ, но съ объясненіемъ его мы согласиться не можемъ. По нашему мнѣнію, ученый академикъ видѣлъ во снѣ смутные образы, не благодаря воспоминанію о слабости своего зрѣнія. Такъ какъ эти образы были восприняты неправильно и смутно его несовершеннымъ зрительнымъ аппаратомъ, то они и предстали вновь передъ его сознаніемъ во время сна съ тѣмъ же смутнымъ характеромъ.

¹⁾ А. Мори. *Сонъ и сновидѣнія*. Перев. А. Пальховскаго. Москва, 1867 стр. 149.

Нерѣдко случается, что въ сновидѣннн, какъ и въ галлюцинаціи, образы представляютъ размѣры абсолютно ненормальные. То вы видите во снѣ людей крошечнаго роста, настоящихъ карликовъ, то передъ вами являются предметы колоссальныхъ размѣровъ. Въ послѣднемъ случаѣ сновидѣніе нерѣдко принимаетъ грозный характеръ. Вы переживаете то же, что переживалъ Гулливеръ у Бродиньяговъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ обитателей страны гигантовъ. Когда грезящему приходится принимать дѣятельное участіе въ сновидѣннхъ подобнаго рода, его изумленіе и испугъ могутъ доходить до столбняка.

Гдѣ причина появленія въ сонныхъ грезахъ этихъ чудовищныхъ образовъ? Въ большинствѣ случаевъ, конечно, она отъ насъ ускользаетъ. Иногда, однако же, намъ удается отыскать объясненіе въ ассоціаціи различныхъ чувственныхъ впечатлѣннй. Извѣстно, напримѣръ, что сдавленіе какого либо члена влѣдствіе неудобнаго положенія, которое онъ сохранялъ въ теченіи долгаго времени, вызываетъ у насъ ощущеніе громадной тяжести, и членъ, напр. рука, кажется намъ имѣющимъ необыкновенные размѣры. Зрительные грезы, въ которыхъ различныя части тѣла спящаго кажутся ему имѣющими сверхъестественные размѣры, быть можетъ, связаны съ тактильными (осязательными) образами, зависящими отъ случайнаго и смутно сознаваемаго сдавленія этихъ частей. Я не рѣшаюсь утверждать это, такъ какъ у меня нѣтъ соотвѣтствующихъ наблюденій; я думаю, однако же, что самая строгая критика не найдетъ въ этомъ предположеніи ничего противорѣчащаго научнымъ даннымъ.

Мы разсматривали до сихъ поръ, главнымъ образомъ, зрительные образы. Перейдемъ къ образамъ слуховымъ и осязательнымъ, занимающимъ по частотѣ своего появленія въ сновидѣннхъ второе мѣсто. Несравненно рѣже встрѣчаются образы вкусовые и обонятельные. Въ особенности послѣдніе являются только въ исключительныхъ случаяхъ.

Хотя появленіе слуховыхъ образовъ во снѣ не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе подобныя сновидѣння гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ можно было бы думать. Въ самомъ

дѣлѣ, если внимательно анализировать сновидѣння, въ которыхъ происходитъ разговоръ въ нашемъ присутствіи или мы разговариваемъ сами, мы замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ слуховые образы отсутствуютъ. Мы понимаемъ лицо, съ которымъ разговариваемъ, но не слышимъ его голоса; мы разговариваемъ сами, но у насъ отсутствуетъ сознаніе—то странное сознаніе, какимъ мы обладаемъ во снѣ,—звука нашихъ словъ: слуховые образы отсутствуютъ. Мы не можемъ не напомнить здѣсь о тѣхъ помѣшанныхъ, которые утверждаютъ, что съ ними разговариваютъ мысленно. Они тоже не воспринимаютъ звуковыхъ образовъ и, подобно спящему, сознаютъ идеи, которыя они отказываются признать исходящими изъ собственнаго мозга и приписываютъ воображаемымъ лицамъ. Сновидѣння такого рода встрѣчаются довольно часто. Приведу одинъ сонъ, видѣнный мною.

Я находился въ громадной залѣ. Передо мной стоялъ старикъ-профессоръ, серьезной наружности, читавшій многочисленной аудиторіи лекцію о новыхъ теоріяхъ, придавшихъ такой интересъ современной физикѣ. Черная доска была покрыта чертежами и вычисленіями, которыя профессоръ продолжалъ производить въ моемъ присутствіи. Я слѣдилъ за его изложеніемъ, я видѣлъ его жесты, но не слышалъ ни одного слова и ясно сознавалъ это; но, какъ часто бываетъ во снѣ, это странное обстоятельство казалось мнѣ вполне естественнымъ.

Повторяю, въ описанномъ сновидѣнн слуховые образы отсутствовали. Это было чисто-интеллектуальное сновидѣніе, состоявшее изъ символическихъ образовъ и сопровождавшееся образами зрительными. Съ аналогичнымъ явленіемъ мы встрѣтимся далѣе, говоря о галлюцинаціяхъ, въ которыхъ отсутствуютъ слуховые образы и которые Беллярже назвалъ *психическими галлюцинаціями* ¹⁾. Изучая сновидѣння, мы, такимъ образомъ, почти на всякомъ шагѣ наталкиваемся на аналогіи между сонными грезами и раз-

¹⁾ Baillarger. *Des hallucinations et des causes, qui les produisent.* Paris, 1846.

личными проявлениями помѣшательства. Вернемся къ сновидѣніямъ, въ составъ которыхъ входятъ слуховые образы.

Въ этихъ сновидѣніяхъ слуховой образъ воспринимается дѣйствительно. Въ сознаниі грезащаго является то голосъ собесѣдника, то шумы всякаго рода. Часто эти слуховые образы исчезаютъ вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ зрительными образами; возникаютъ новые образы и фантазмагорія сновидѣнія проносятся со своими обычными видоизмѣненіями, съ неожиданной смѣной чувственныхъ образовъ. Иногда, однако же, слуховой образъ настолько яркъ, что вызываетъ пробужденіе. Сюда относятся, преимущественно, сновидѣнія потрясающаго характера. Когда вамъ снится, что въ васъ стрѣляютъ изъ пистолета, много основаній ожидать, что за этимъ сновидѣніемъ немедленно послѣдуетъ пробужденіе. Субъективное ощущеніе бываетъ иногда такъ сильно, что въ ушахъ проснушагося звучитъ еще грезившійся ему звукъ,—онъ его еще слышитъ. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ настоящимъ галлюцинаторнымъ сновидѣніемъ, и это лишній разъ доказываетъ, что сновидѣніе и галлюцинація—два явленія, по существу, тождественныя. Сказанное о слуховыхъ образахъ вполне приложимо и къ зрительнымъ образамъ сновидѣній, — аналогичное явленіе наблюдается и здѣсь, когда эти образы достигаютъ извѣстной интенсивности. Д-ръ Льебо рассказываетъ, что однажды онъ видѣлъ во снѣ пожаръ и продолжалъ его видѣть по пробужденіи ¹⁾. Сходный фактъ наблюдался мною у одного лица съ очень живымъ воображеніемъ. Объ одномъ врачѣ рассказываютъ, что озабоченный болѣзнью своего ребенка онъ заснулъ въ креслѣ и увидѣлъ во снѣ гигантскаго павіана. Въ испугѣ онъ проснулся и продолжалъ нѣсколько секундъ видѣть павіана, явившагося ему во снѣ ²⁾.

¹⁾ Liebault. *Du Sommeil et des états analogues, considérés surtout au point de vue de l'action du moral sur le physique.* 1866.

²⁾ Macario. *Du Sommeil, des rêves et du somnambulisme.* См. также: Tissot. *L'Imagination, ses bienfaits et ses égarements surtout dans le domaine du merveilleux.* Paris. 1868.

Прикасаемся ли мы къ предметамъ, являющимся намъ во снѣ,—другими словами, случается ли намъ имѣть дѣло во снѣ съ осязательными образами? Образы эти воспринимаются нами не часто, но всежь-таки воспринимаются. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они—пріятнаго характера, на примѣръ, въ сладострастныхъ грезахъ; въ другихъ, напротивъ того, они вызываютъ непріятное чувство: мы прикасаемся къ звѣрю съ косматою шерстью или съ влажной, скользкой кожей, какъ часто бываетъ во время кошмара. Иногда мы ощущаемъ какъ бы ударъ о необычайно твердое и неуступчивое тѣло, въ другихъ случаяхъ намъ кажется, будто намъ наносятъ удары. Замѣчу здѣсь же, что извѣстныя осязательныя ощущенія, испытываемыя при галлюцинаціяхъ въ сферѣ полового чувства, не всегда носятъ пріятный характеръ. То же явленіе, но несравненно рѣже, встрѣчается въ эротическихъ сновидѣніяхъ.

Существуетъ ощущеніе, часто испытываемое во время сна, трудно поддающееся классификаціи и которое, однако,—какъ мнѣ кажется,—должно быть отнесено къ числу осязательныхъ образовъ. У спящаго является ощущеніе, какъ будто онъ летаетъ, падаетъ въ бездонную пропасть, уносится въ безпредѣльное пространство. Для меня несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, относящимися къ сферѣ общаго чувства. Мы лучше уяснимъ себѣ это ощущеніе, часто испытываемое во снѣ, если обратимся къ одному очень интересному явленію, носящему нѣрѣдко патологическій характеръ, но наблюдаемому иногда и у совершенно здоровыхъ людей,—я говорю о головокруженіи. Оно проявляется въ различныхъ случаяхъ въ крайне разнообразныхъ формахъ. Есть, однако же, форма головокруженія, при которой лицу, подверженному этому страданію, кажется, будто оно уносится съ большей или меньшей быстротой, несется въ разныя стороны или совершаетъ вращательное движеніе. Мы увидимъ впоследствии, что этотъ видъ головокруженія обусловленъ, по всей вѣроятности, галлюцинаціей осязательнаго характера и представляетъ одну изъ формъ гипнагогической галлюцинаціи въ сферѣ общаго

чувства. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть замѣчательной аналогіи между ощущеніями, испытываемыми при головокруженіи, и тѣми ощущеніями, являющимися во время сна, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Выше я указалъ, что сновидѣнія, имѣющія какое-либо отношеніе къ образамъ обонятельнымъ и вкусовымъ, наблюдаются не часто. Брилья-Саваренъ отмѣтилъ рѣдкость появленія чувственныхъ образовъ этого рода. „Рѣдко, говоритъ онъ, ощущенія, испытываемыя нами во снѣ, принадлежатъ къ числу ощущеній обонятельныхъ и вкусовыхъ. Когда вамъ снится цвѣтникъ или дугъ, вы видите цвѣты, но они не пахнутъ; когда вы сидите за столомъ, вы видите кушанья, но не ощущаете ихъ вкуса ¹⁾“. Какъ мы увидимъ ниже, мнѣніе это справедливо только отчасти. Вѣрное, въ общемъ, по отношенію къ обонятельнымъ ощущеніямъ, оно оказывается несравненно менѣе справедливымъ, когда дѣло идетъ объ ощущеніяхъ вкусовыхъ. Впрочемъ, даже съ обонятельными ощущеніями мы встрѣчаемся въ цѣломъ рядѣ сновидѣній; ниже мы приведемъ нѣсколько сновъ этого рода, заимствованныхъ у Макаріо и Мори. Первый замѣтилъ даже, что въ двухъ случаяхъ, которые онъ приводитъ, обонятельное ощущеніе продолжалось нѣкоторое время по пробужденіи, такъ что и здѣсь мы встрѣчаемъ ту замѣчательную аналогію, — вѣрнѣе говоря, тождество — между сновидѣніемъ и галлюцинаціей, которую мы отмѣтили, говоря о другихъ чувственныхъ образахъ, входящихъ въ составъ сновидѣнія.

Безсвязность — одна изъ чертъ, обыкновенно наблюдаемыхъ въ сновидѣніи. Образы, сцены смѣняются другъ друга безъ всякаго порядка. Иногда, впрочемъ, дѣйствіе въ сновидѣніи развивается правильно, сцены слѣдуютъ одна за другой въ извѣстной послѣдовательности, разговоры, въ которыхъ мы принимаемъ участіе или которые слышимъ, логически-связны, такъ что мы съ трудомъ можемъ отли-

¹⁾ Brillat-Savarin. *Physiologie du goût*. Существуетъ русскій переводъ.

чить ихъ отъ проявленій умственной дѣятельности въ состояніи бодрствованія. Мы увидимъ ниже, чему слѣдуетъ приписать эту особенность извѣтнаго ряда сновидѣній. Но даже и въ снахъ, абсолютно безсвязныхъ, удастся нерѣдко отыскать реальное, хотя и совершенно искусственное, звено, связующее различныя сцены, входящія въ составъ сновидѣнія. Мори, котораго намъ придется цитировать еще неоднократно, рельефно указалъ на эту ассоціацію образовъ, входящихъ въ составъ сонныхъ грезъ. Мы приведемъ здѣсь цѣликомъ одно мѣсто изъ его книги, гдѣ ученый академикъ показываетъ, при посредствѣ какихъ своеобразныхъ переходовъ представленія грезащаго слѣдуютъ одно за другимъ и порождаютъ другъ друга.

„Послѣ паломничества (*pèlerinage*) въ Иерусалимъ или Мекку и цѣлаго ряда приключеній, мною забытыхъ, говоритъ Мори, я очутился на rue Jacob у химика Пельтье (*Pelletier*), который во время разговора далъ мнѣ цинковую лопатку (*pelle*), послужившую мнѣ конькомъ, на которомъ я проѣзжался въ послѣдующемъ сновидѣніи, болѣе мимолетномъ, чѣмъ предшествующія, и которое я не могъ припомнить. Вотъ три идеи, три главныхъ сцены, которыя, очевидно, связаны между собою словами: *pèlerinage*, *Pelletier* и *pelle*, — т. е. тремя словами, начинающимися одинаково и ассоциировавшимися, конечно, по созвучію. Слѣдовательно, эти слова послужили связью для сновидѣнія, повидимому, весьма безсвязнаго. — Однажды я сообщилъ объ этомъ наблюдении одному знакомому мнѣ лицу, которое отвѣчало мнѣ, что оно весьма живо помнитъ сонъ такого же рода. Слова: *jardin* (садъ), *Chardin* и *Janin* такъ тѣсно ассоциировались въ его умѣ, что оно во снѣ послѣдовательно видѣло *Jardin des Plantes*, гдѣ встрѣтило путешественника по Персеи *Chardin*, который далъ ему, къ его большому удивленію (не знаю, было ли это влѣдствіе анахронизма) романъ *Jules Janin'a* — „*L'âne mort et la femme guillotinée...*“. Привожу еще примѣръ, заимствованный мною изъ своихъ собственныхъ наблюдений и тоже указывающій на неправильную ассоціацію. Я думалъ о словѣ „кило-

метръ“ (*kilomètre*) и думалъ такъ много, что во снѣ увидѣлъ, что я иду по дорогѣ и читаю надписи на столбахъ, означающихъ разстояніе, вычисленное на эту путевую мѣру. Вдругъ я нахожу себя на вѣсахъ, употребляемыхъ пряничниками, и на одну изъ досокъ которыхъ какой-то человекъ накладывалъ килограммы (*kilos*), чтобы узнать мой вѣсъ; потомъ, не знаю уже какъ, этотъ прячничникъ сказалъ мнѣ, что мы не въ Парижѣ, а на островѣ *Gilolo*, о которомъ, признаюсь, я очень мало думалъ во всю свою жизнь. Тогда мое вниманіе перенеслось на второй слогъ этого слова и я, перемѣняя, такъ сказать, ногу, оставилъ первый слогъ и сталъ кататься на второмъ. Мнѣ снились одинъ за другимъ нѣсколько сновъ, въ которыхъ я видѣлъ цвѣтокъ лобелію (*lobelia*), генерала Лопецъ (*Lopez*), о печальной кончинѣ котораго на Кубѣ я только что прочелъ,— и, наконецъ, я проснулся, играя въ *лото*. Я пропускаю нѣсколько промежуточныхъ обстоятельствъ, о которыхъ во мнѣ не сохранилось яснаго воспоминанія и которымъ, по всей вѣроятности, служили темами подобныя же созвучія. Но отъ этого способъ ассоціаціи идей въ этомъ случаѣ представляется не менѣе очевиднымъ. Эти слова,—употребляющіяся, конечно, не ежедневно,—послужили связью для идей совершенно не сходныхъ ¹⁾“.

Этотъ остроумный и тонкій анализъ представляетъ значительный интересъ. Мы видимъ здѣсь искусственное, но вполне реальное звено, связующее разнородныя и безсвязныя сцены сновидѣнія. Символическіе образы, тѣсно связанные другъ съ другомъ общимъ слогомъ, такъ сказать, порождаютъ другъ друга и вызываютъ появленіе чувственныхъ образовъ, символами которыхъ они являются. А такъ какъ одинъ образъ, одинъ символическій, условный образъ,—можно было бы сказать даже, обрывокъ образа,—можетъ стать основой, опредѣляющей сцѣпленіе, ассоціацію образовъ, входящихъ въ составъ сна, то этимъ и объясняется крайняя безсвязность сценъ, смѣняющихся въ сознаніи грезящаго. Между

¹⁾ Тамъ-же, стр. 120 и сл. русскаго перевода.

видѣніями существуетъ реальная связь, но это—связь чисто-материальная, а потому совершенно нелогическая.

Я сейчасъ сказалъ, что нѣкоторыя сновидѣнія, о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже, характеризуются замѣчательной связностью. Но даже въ тѣхъ снахъ, въ которыхъ рѣчь, произносимая кѣмъ либо изъ дѣйствующихъ лицъ послѣдовательна, богата логически-правильными и строго научными доказательствами, нерѣдко удается подмѣтить какую-нибудь странную, ненормальную и забавную подробность. Лицо, говорившее дѣльно и умно, вдругъ оказывается въ крайне комическомъ положеніи, совершаетъ рядъ самыхъ эксцентрическихъ выходокъ. Читатели, которые зададутъ себѣ трудъ припомнить нѣкоторые изъ видѣнныхъ ими сновъ, признаютъ справедливость этого замѣчанія.

Заканчивая общій обзоръ сновидѣній, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, сколько времени дѣйствительно длятся сновидѣнія, которыя порой такъ сложны, такъ богаты событиями, такъ длинны, что иногда кажется, будто переживаешь цѣлую жизнь. Довольно многочисленныя и точныя наблюденія показываютъ, что достаточно нѣсколькихъ мгновений, чтобы передъ нашимъ духовнымъ взоромъ прошли тысячи событий.

Мори передаетъ, что въ теченіи нѣсколькихъ мгновений, протекшихъ между паденіемъ на его шею стрѣлки отъ кровати и послѣдовавшимъ почти немедленно велѣдъ за этимъ пробужденіемъ, онъ видѣлъ во снѣ событія изъ эпохи террора, присутствовалъ при сценахъ убійствъ, предсталъ предъ революціонный трибуналъ, былъ судимъ, приговоренъ къ смерти и казненъ на эшафотѣ при громадномъ стеченіи народа. Для всѣхъ этихъ происшествій потребовалось всего нѣсколько секундъ.

Еще одинъ, послѣдній фактъ.

Однажды вечеромъ, Казимиръ Бонжуръ, присутствуя на представленіи своей пьесы, заснулъ отъ усталости и нездоровья. Во снѣ онъ присутствовалъ на представленіи всей своей драмы, слѣдилъ съ понятнымъ интересомъ за развитіемъ дѣйствія и различными ощущеніями публики. Нако-

нецъ, пьеса кончается среди оглушительныхъ аплодисментовъ. Бонжуръ просыпается и къ удивленію своему слышитъ, что на сценѣ произносятся первые стихи первой сцены; всѣ перипетіи, протекавшія передъ его глазами, заняли, такимъ образомъ, всего нѣсколько секундъ.

ГЛАВА II.

Сновидѣніе и чувства.

Говоря, что большинство сновидѣній возникаетъ самымъ неожиданнымъ образомъ, что единственная причина ихъ— дѣятельность мозговыхъ клѣточекъ, функционирующихъ во время сна при условіяхъ, которыя физиологіи не удалось еще достаточно выяснитъ,—мы только констатируемъ фактъ и сознаемся въ своемъ невѣжествѣ. Если, однако же, причины большинства сновидѣній неизвѣстны и, по всей вѣроятности, еще долго останутся неизвѣстными, то, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, происхожденіе ихъ удастся прослѣдить самымъ осязательнымъ образомъ. Разнообразіемъ причинъ, порождающихъ сновидѣнія, можно даже воспользоваться для ихъ классификаціи.

Сновидѣніе нерѣдко представляетъ очевидную связь съ тѣмъ, что занимало умъ въ состояніи бодрствованія. Умъ, сильно сосредоточенный на извѣстныхъ идеяхъ или образахъ, сохраняетъ во время сна то же направленіе дѣятельности. Воля не оказываетъ тутъ ни малѣйшаго вліянія. Мы имѣемъ здѣсь движеніе, раньше сообщенное образамъ и идеямъ,—движеніе, котораго не остановилъ сонъ и которое продолжается еще въ теченіи извѣстнаго времени.

Причиной сновидѣнія съ давнихъ поръ уже считаютъ особое состояніе организма, дающее начало образамъ, кото-

рыми овладѣваетъ смутное сознание грезящаго и преобразуетъ ихъ.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сновидѣнія возникаютъ благодаря дѣйствительно воспринятымъ во время сна чувственнымъ возбужденіямъ, вызывающимъ образы, видоизмѣняющіеся въ соотвѣтствіи съ безсвязными перипетіями сновидѣнія.

Все эти различные моменты могутъ, понятно, дѣйствовать одновременно. Тогда являются смѣшанныя сновидѣнія, которыя, однако же, легко отнести въ ту или другую группу, смотря по тому, какая изъ производящихъ причинъ преобладаетъ.

По моему мнѣнію, это — классификація естественная и основанная на точномъ наблюденіи. Если многія сновидѣнія, повидимому, не входятъ ни въ одну изъ названныхъ группъ, то это зависитъ, какъ мнѣ кажется, отъ затрудненій, какія мы часто встрѣчаемъ, когда желаемъ опредѣлить условія, — все условія, — сопровождающія возникновеніе сновидѣнія.

Займемся прежде всего сновидѣніями, возникающими подъ вліяніемъ чувственныхъ возбужденій.

Наибольшее количество ощущеній, воспринимаемыхъ нами во время сна, принадлежитъ къ числу ощущеній слуховыхъ и тактильных, главнымъ образомъ, послѣднихъ. Затѣмъ слѣдуютъ ощущенія зрительныя, обонятельныя и вкусовыя.

Наконецъ, существуетъ рядъ сновидѣній, связанныхъ съ возбужденіями въ области общаго чувства. Мы займемся ими въ концѣ.

Слухъ. Слухъ во время сна сохраняетъ замѣчательную впечатлительность къ внѣшнимъ раздраженіямъ. На этомъ основаніи онъ и былъ названъ — быть можетъ, слишкомъ образно — *часовымъ спящаго*. Фактъ, тѣмъ не менѣе, совершенно вѣренъ и естественно, поэтому, что образы, возникающіе благодаря раздраженію слухового органа, нерѣдко играютъ важную роль въ нашихъ сновидѣніяхъ. Иногда сновидѣніе возникаетъ благодаря слуховому впечатлѣнію;

въ другихъ случаяхъ, это впечатлѣніе вноситъ только новый элементъ въ измѣчивую картину, проходящую передъ сознаніемъ спящаго. „Если вы присутствуете во снѣ на дуэли, говоритъ Вальтеръ-Скоттъ, шумъ, который вы дѣйствительно слышите, становится выстрѣломъ изъ пистолета, которымъ обмѣниваются противники. Если ораторъ произноситъ во снѣ рѣчь, то воспринимаемый имъ шумъ превращается въ рукоплесканія воображаемой аудиторіи. Если вы находитесь во снѣ среди руинъ, шумъ зависитъ отъ паденія развалинъ ¹⁾“. Одно лицо, часто видящее сны, сообщило мнѣ много фактовъ въ томъ же родѣ. Трескъ горящихъ дровъ, трескъ мебели, часто наблюдаемый при извѣстной температурѣ окружающей среды, превращался во снѣ въ ружейные и пистолетные выстрѣлы, производимые кѣмъ либо изъ дѣйствующихъ въ сновидѣніи лицъ.

Если слуховое впечатлѣніе можетъ входить въ сновидѣніе эпизодически, вносить въ него какой либо элементъ, то, съ другой стороны, нерѣдко это впечатлѣніе создаетъ сновидѣніе во всемъ его объемѣ, порождаетъ цѣлую картину, представляющую подчасъ полное соотвѣтствіе съ интенсивностью воспринятаго слухомъ впечатлѣнія. Я припоминаю сонъ, который съ этой точки зрѣнія стоить, кажется мнѣ, того, чтобы привести его здѣсь.

Я видѣлъ людей колоссальнаго роста, сидѣвшихъ за обѣденнымъ столомъ, и слышалъ страшный шумъ, который производили ихъ челюсти, ударяясь одна о другую. По пробужденіи оказалось, что шумъ, который производили въ сновидѣніи челюсти гигантовъ, — не что иное, какъ галопъ лошади, скакавшей подъ моимъ окномъ. Вызвано ли было сновидѣніе этимъ шумомъ? Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться и, по всей вѣроятности, интенсивность шума обусловила появленіе зрительнаго образа необыкновенныхъ размѣровъ.

Приведу еще одно сновидѣніе, обязанное своимъ возникновеніемъ точно также слуховому впечатлѣнію. Часть

¹⁾ Вальтеръ-Скоттъ. *Демонологія*.

своей жизни я провелъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Во многихъ учрежденіяхъ этого рода, время вставанія, обѣда, различныхъ занятій регулируется ударами колокола, и я помню сонъ, вызванный утреннимъ звономъ. Подъ вліяніемъ звона я увидѣлъ во снѣ церковь, въ которой совершался обрядъ вѣнчанія. Я видѣлъ высокіе своды, зажженные свѣчи, толпу зрителей, священниковъ и новобрачныхъ; колокола радостно и весело звонили. Картина была полная и, какъ видно изъ приведенныхъ частностей, носила—что случается рѣдко—радостный характеръ. Дѣло происходило весной, утромъ, при теплой погодѣ. Я склоненъ думать, что отъ этого обстоятельства зависѣлъ свѣтлый характеръ сновидѣнія.

Тутъ же замѣчу, что въ послѣднемъ, приведенномъ мною, сновидѣніи господствующая нота дана была слуховымъ впечатлѣніемъ, но что на характеръ сновидѣнія вліяло не одно оно. Сѣтчатка глаза возбуждалась, сквозь вѣки лучами восходящаго солнца. Нетрудно, впрочемъ, опредѣлить, какіе изъ образовъ, входившихъ въ составъ сна, были вызваны однимъ, какіе—другимъ впечатлѣніемъ. Содержаніе картины возникло подъ вліяніемъ слухового впечатлѣнія; свѣтлый характеръ образовъ, самый тонъ картины,—если можно такъ выразиться,—обусловливался, по всей вѣроятности, впечатлѣніемъ зрительнымъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ, слуховое впечатлѣніе, входя существеннымъ составнымъ элементомъ въ фантазматическую сновидѣнія или порождая, по своему воспріятію, рядъ различныхъ сценъ, — нарастаетъ въ нихъ болѣе или менѣе значительно или просто видоизмѣняется, но, во всякомъ случаѣ, сохраняетъ нѣкоторые первоначальные признаки. Такъ, напр., трескъ мебели или горящихъ дровъ превращается въ ружейные или пистолетные выстрѣлы; галопъ лошади—въ шумъ, производимый гигантскими челюстями. Иногда, однако же, слуховое впечатлѣніе, давшее начало сновидѣнію, исчезаетъ въ немъ безслѣдно. Грезящій не слышитъ никакого звука, хотя являющійся ему во снѣ зрительный образъ, очевидно, порожденъ слуховымъ впечатлѣніемъ.

Иллюстраціей этого рода сновидѣній можетъ служить слѣдующій сонъ.

Я гостилъ въ деревнѣ у друга. Ночью того же дня, когда я пріѣхалъ, мнѣ снилось, будто я нахожусь на лугу, по которому тихо и важно прогуливаются великолѣпные страусы, гигантскія куры, *моа*, чудовищныхъ, почти страшныхъ размѣровъ. Когда я проснулся немного времени спустя, я безъ всякаго труда открылъ причину, вызвавшую этотъ сонъ: въ недалекомъ разстояніи отъ себя я слышалъ крикъ пѣтуха, кудахтанье куръ. Въ всякаго сомнѣнія, что эти звуки вызвали образы, входившіе въ составъ разсказаннаго сновидѣнія.

Наконецъ, бываютъ случаи, когда слуховое впечатлѣніе состоитъ не изъ простого шума, а изъ словъ, которыя—не являясь въ сновидѣніи—вызываютъ рядъ образовъ, стоящихъ въ тѣсной связи съ этими словами. Слова, по видимому, не воспринимаются смутнымъ сознаниемъ грезящаго въ качествѣ словъ, а переводятся на зрительные или иного рода образы. Такъ Рейль разсказываетъ, что одна особа видѣла во снѣ все, что ей говорили во время сна на ухо. Сходный фактъ сообщаетъ Мори: однажды, когда онъ заснулъ, братъ его сказалъ: „возьми спичку“, и Мори увидѣлъ сонъ, въ которомъ искалъ спичекъ. Здѣсь происходитъ то же, что совершается съ нами на-яву, когда, слушая разсказъ объ интересномъ происшествіи, мы представляемъ себѣ все его перипетіи. Символическій слуховой образъ превращается въ зрительный образъ, которому онъ эквивалентенъ.

Прежде чѣмъ перейти къ сновидѣніямъ, связаннымъ съ другими чувственными возбужденіями, скажу нѣсколько словъ о сходныхъ сновидѣніяхъ, видимыхъ одновременно нѣсколькими лицами подъ вліяніемъ воспріятія одного и того же звука. Радовъ разсказываетъ, что однажды ночью во время грозы почти всѣмъ путешественникамъ, находившимся въ одной гостинницѣ, снилось, будто на дворъ въѣзжаютъ экипажи съ новыми путешественниками. Бурдахъ, приводя этотъ разсказъ, прибавляетъ, что, находясь

однажды ночью во время грозы въ гостинницѣ, онъ видѣлъ сонъ, будто ѣдетъ темной ночью по скалистой дорогѣ, окруженной пропастями. Его спутникъ видѣлъ тотъ же сонъ съ небольшимъ дополненіемъ: ему снилось, будто почтальонъ бросилъ путешественниковъ на дорогѣ.¹⁾ Это сходство въ содержаніи сновидѣній зависѣло, какъ мнѣ кажется, отъ того, что спящіе были озабочены однимъ и тѣмъ же. Тождество положеній обусловило въ обоихъ разсказанныхъ случаяхъ сходство заботъ и интересовъ. Этотъ фактъ—вліяніе сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ,—которымъ мы пользуемся здѣсь для объясненія происхожденія нѣкоторыхъ сновъ, связанныхъ со слуховыми впечатлѣніями, встрѣтится намъ еще въ сновидѣніяхъ, вызываемыхъ другими чувственными впечатлѣніями, преимущественно осязательными.

Осязаніе. Изъ всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній осязательныя даютъ, повидимому, начало наибольшему числу сновидѣній. Причина этого понятна. Осязательныя впечатлѣнія получаютъ нами со всей поверхности нашего тѣла, а различныя, подчасъ неудобныя, положенія, принимаемая человѣкомъ во время сна, даютъ поводъ къ возникновенію ощущеній болѣе или менѣе болѣзненныхъ. Нерѣдко ничтожныя царапинки, случайныя боли, зависящія отъ легкихъ поврежденій кожныхъ покрововъ, являются исходными пунктами для чувственныхъ раздраженій. Эти раздраженія, достигая мозга, порождаютъ образы, которые или войдутъ въ фантазмагорію уже начавшагося сновидѣнія или начнутъ собою рядъ картинъ, смѣняющихъ одна другую обычнымъ для сновидѣній порядкомъ. Я приведу здѣсь нѣсколько сновидѣній, которыя возникли, благодаря осязательнымъ впечатлѣніямъ, или же въ которыхъ вліяніе осязательныхъ впечатлѣній настолько очевидно, что участіе ихъ въ произведеніи образовъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Одинъ изъ моихъ друзей, занимавшійся тогда географіей, изучалъ въ одинъ очень теплый вечеръ только что

вышедшую изъ печати карту озеръ внутренней Африки и истоковъ Нила. Послѣ этого онъ легъ въ постель и почти тотчасъ же заснулъ. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, былъ очень теплый и онъ скоро сильно вспотѣлъ. По его словамъ, проснувшись, онъ увидѣлъ, что потъ ручьями течетъ по его тѣлу. Передъ пробужденіемъ онъ видѣлъ сонъ: ему снилось, будто на немъ лежитъ громадная географическая карта; онъ различалъ синеватый цвѣтъ рѣкъ, отчетливо выдѣлявшихся на картѣ, плотно облежавшей все его тѣло. Едва ли нужно говорить, что эта карта и рѣки были не что иное, какъ рубашка и потъ, которымъ обливался мой пріятель.

Приведу еще одинъ случай, представляющій нѣкоторыя особенности, но не менѣе интересный.

У одной моей знакомой была на пальцѣ небольшая рана, которая, вслѣдствіе неосторожнаго пользованія большой рукой, воспалилась. Вечеромъ была сдѣлана перевязка. Не знаю, по какому поводу, — быть можетъ, подъ вліяніемъ разговора, въ которомъ она принимала участіе днемъ, —моей знакомой снилось ночью, будто она занята приготовленіями къ балу. Она убирала вазы, развѣшивала гирлянды, разставляла горшки съ цвѣтами и т. д. Часъ бала приближался, между тѣмъ повсюду кругомъ лежали обрывки цвѣтовъ и листьевъ. Нужно было торопиться и спящей овладѣло тягостное чувство страха, что она не успѣетъ подобрать всѣ лепестки и листья, раскиданные по паркету и мебели. Ей снилось, будто она торопливо собираетъ весь этотъ соръ и, проснувшись, она увидѣла, что торопливо срываетъ съ руки повязку, наложенную плохо, развязывающуюся и вызвавшую неприятное чувство давленія въ рукѣ.

Тутъ же замѣчу, что въ происхожденіи сновъ часто играютъ роль два момента. Въ самомъ дѣлѣ, если въ разсказанныхъ случаяхъ чувственное раздраженіе очевиднымъ образомъ вліяетъ на происхожденіе того или другого сновидѣнія, то въ нихъ приходится считаться и съ другимъ моментомъ—вліяніемъ интересовъ, поглощающихъ въ данную минуту наше вниманіе, вліяніемъ направленія мысли.

¹⁾ Burdach. *Traité de Physiologie*, trad. Jourdan. Paris, 1837—41.

Въ одномъ изъ этихъ сновидѣній умъ спящаго находится еще всецѣло подѣ влияніемъ научныхъ изысканій, въ другомъ преобладающую роль играютъ заботы свѣтской жизни. Можно даже сказать, что направленіе умственной дѣятельности спящаго составляетъ въ обоихъ случаяхъ основу, такъ сказать, тему сновидѣнія, чувственное же впечатлѣніе входитъ въ него только эпизодически.

Не всегда однако же дѣло происходитъ такимъ образомъ и нерѣдко въ чувственномъ впечатлѣніи мы должны видѣть единственную производящую причину сновидѣнія.

Одному лорду, о которомъ разсказываетъ Вальтеръ-Скоттъ,¹⁾ снилось, будто привидѣніе схватило его за руку и старается стащить его съ кровати; какъ выяснилось по пробужденіи, спящій сжималъ въ одной своей рукѣ другую. Одно лицо, тѣла котораго во время сна коснулась мышъ и которое увидѣло во снѣ косматого звѣря страшной наружности, видѣло все это, конечно, въ зависимости отъ испытаннаго ощущенія. Наконецъ, сонъ, видѣнный мною, въ которомъ я видѣлъ мужскіе сапоги и узенькія дамскія ботинки, былъ вызванъ давленіемъ, которому подвергалась одна моя нога.

Въ приведенныхъ сновидѣніяхъ содержаніе сна стоитъ въ связи съ порождающимъ его чувственнымъ впечатлѣніемъ. Мы видимъ тутъ однако же только связь; между зрительнымъ образомъ и вызывающимъ его осязательнымъ ощущеніемъ нѣтъ соответствія. Между тѣмъ порой случается, что осязательное впечатлѣніе вызываетъ зрительный образъ, стоящій въ полномъ соответствіи съ воспринятымъ осязательнымъ образомъ. На меня произвелъ сильное впечатлѣніе одинъ сонъ такого рода, видѣнный мною нѣсколько времени тому назадъ.

Я видѣлъ во снѣ игральную кость обыкновенныхъ размѣровъ; образъ былъ яркъ, различался мною ясно и отчетливо. Почти тотчасъ же я проснулся и съ удивленіемъ замѣтилъ, что держу между пальцами одѣяла, сложенное такъ,

что поверхности складокъ вызвали у меня точное ощущеніе кубическаго тѣла, величиной приблизительно съ игральную кость. Такимъ образомъ, воспринятое осязательное ощущеніе обусловило здѣсь появленіе зрительнаго образа тѣла, способнаго вызвать такое же осязательное ощущеніе.

Случаи въ этомъ родѣ рѣдки. Обыкновенно между производящимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и образомъ, видимымъ во снѣ, существуетъ только извѣстная связь, позволяющая намъ отыскать въ вызванныхъ образахъ очевидный слѣдъ впечатлѣнія, подѣйствовавшаго на спящаго. Прибавлю, что эта связь между производящимъ впечатлѣніемъ и фантастическимъ образомъ сновидѣнія проявляется иногда въ проходящихъ передъ грезящимъ сценахъ крайне оригинальнымъ образомъ. Приведу въ видѣ иллюстраціи слѣдующій случай.

Въ одномъ, крайне мучительномъ, сновидѣніи я видѣлъ два столбика золотыхъ монетъ, расположенные рядомъ и различной вышины. Подѣ влияніемъ нелѣпой ассоціаціи идей, которую мнѣ не удалось прослѣдить, для меня было въ высшей степени важно уравнивать эти столбики. Но, не смотря на все мои усилія, я никакъ не могъ этого достигнуть. Эта невозможность вызвала у меня крайне тягостное чувство, которое, все нарастая, заставило меня проснуться. Одна моя нога оказалась охваченной складками одѣяла, такъ что ноги лежали на различныхъ уровняхъ и я никакъ не могъ ихъ сблизить. Усилія, которыя я дѣлалъ, стараясь ихъ сдвинуть, вызвали въ одной ногѣ довольно сильную боль, и сновидѣніе перевело на свой своеобразный языкъ физическое ощущеніе, смутно воспринятое моимъ сознаніемъ во время сна.

Сдѣланному мною выше замѣчанію, что чувственные впечатлѣнія являются часто исходной точкой сновидѣнія, можно было бы противопоставить довольно естественное возраженіе. Можно было бы сказать, что при внимательномъ изслѣдованіи тѣ ощущенія, которыя я считаю истинной причиной сновидѣнія, едва ли можно признать таковой, такъ какъ за ними почти всегда немедленно слѣдуетъ пробуж-

¹⁾ Вальтеръ-Скоттъ. *Демонологія*.

деніе, особенно при сновидѣніяхъ довольно сложныхъ; можно, слѣдовательно, думать, что эти ощущенія играютъ въ сновидѣніи только случайную роль, вызывая окончательную катастрофу. Я выше указала, что часто дѣло дѣйствительно происходитъ такимъ образомъ, что нѣкоторыя ощущенія слѣдуетъ считать производящимъ моментомъ только для извѣстныхъ эпизодовъ сновидѣнія. Но сдѣлавъ эту оговорку, я не придаю приведенному выше возраженію никакого серьезнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, образы смѣняются въ сновидѣніи необыкновенно быстро и эта быстрота ихъ смѣны вызываетъ часто, какъ мы видѣли выше, представленіе о большой продолжительности сновидѣнія, для всѣхъ многочисленныхъ перипетій котораго достаточно одно-ко же нѣсколькихъ секундъ.

Зрительныя впечатлѣнія рѣдко воспринимаются во время сна, а потому можно было бы думать, что сновидѣнія, вызываемыя этими впечатлѣніями, крайне рѣдки. Тѣмъ не менѣе, они встрѣчаются и бываютъ случаи, когда нельзя сомнѣваться въ томъ, что образы, входившіе въ составъ сновидѣнія, вызваны возбужденіемъ зрительнаго аппарата.

Я занималъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ комнату, выходящую окнами на востокъ. Я очень люблю свѣтъ и желая наслаждаться при пробужденіи живымъ и радостнымъ блескомъ, отбрасываемымъ на всѣ предметы лучами восходящаго солнца, запрещалъ спускать въ комнатѣ шторы. Мнѣ часто случалось тогда видѣть во снѣ зданія, залитыя потоками ослѣпительнаго свѣта. Всѣ образы, входившіе въ составъ этихъ сновидѣній, были необыкновенно ярки и свѣтлы, передо мной проходили оживленныя, радостныя сцены.

Не всегда впрочемъ сны, вызываемыя свѣтовыми впечатлѣніями отъ солнечныхъ лучей, носятъ пріятный характеръ. Все зависитъ, по всей вѣроятности, отъ интенсивности впечатлѣнія и, быть можетъ, приходится иногда считаться съ настроеніемъ спящаго въ данный моментъ. Въ самомъ дѣлѣ, Макаріо рассказываетъ, что одна молодая женщина, уснувшая въ комнатѣ, куда проникали солнечныя лучи, видѣла сонъ, въ которомъ ослѣпительный

свѣтъ рѣзалъ ей глаза и она старалась спастись отъ него, убѣгая въ темныя уголки комнаты и судорожно сжимая вѣки. Напомнимъ въ заключеніе объ одномъ опытѣ Мори, показывающемъ, что на характеръ образовъ влияетъ не только интенсивность, но и качество свѣтового впечатлѣнія. Когда на глаза спящаго дѣйствовалъ свѣтъ, проходившій черезъ красную бумагу, онъ видѣлъ во снѣ бурю, — разражалась гроза и сверкали молніи.

Обонятельныя и *вкусовыя* впечатлѣнія рѣдко вызываютъ сновидѣнія. Это зависитъ, по всей вѣроятности, исключительно отъ того, что соответствующія раздраженія рѣдко дѣйствуютъ во время сна. Въ самомъ дѣлѣ, интересные опыты, производившіеся Прево въ Женевѣ, д'Эрве и Мори, показываютъ, что впечатлѣнія изъ области занимающихъ насъ теперь чувствъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ вызывали сновидѣнія, въ которыхъ легко было опредѣлить обнаруженное ими влияніе. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ этихъ опытовъ, упомянемъ только о томъ, что Мори подъ влияніемъ запаха одеколона увидѣлъ во снѣ, будто онъ находится въ парфюмерномъ магазинѣ, а потомъ очутился въ Каирѣ въ лабораторіи Жана Фарина. Зажженная спичка послужила поводомъ для сновидѣнія, въ которомъ во время морского путешествія корабль взлетѣлъ на воздухъ. Дѣло не ограничивается этимъ. Изъ наблюденій маркиза д'Эрве можно, повидимому, заключить, что одни и тѣ же вкусовыя и обонятельныя раздраженія могутъ обусловить воспроизведеніе сходныхъ сновъ. Впрочемъ, фактъ этотъ не представляетъ чего либо исключительнаго, — то же имѣетъ мѣсто въ сновидѣніяхъ, вызываемыхъ слуховыми впечатлѣніями. Какъ бы то ни было, изъ сказаннаго видно, что если вкусовыя и обонятельныя ощущенія рѣже даютъ поводъ къ возникновенію сновидѣній, чѣмъ другія чувства, то объясняется это, какъ мы указали выше, очень просто тѣмъ, что вкусъ и обоняніе сравнительно рѣже подвергаются раздраженію у спящаго.

Мнѣ остается разобрать сновидѣнія, возникающія подъ влияніемъ внутреннихъ болѣзненныхъ ощущеній, въ зави-

симости, такимъ образомъ, отъ возбужденій въ области *общаго чувства*.

Многіе сны этого рода состоятъ изъ странныхъ, безсвязныхъ сценъ, носящихъ нерѣдко тягостный характеръ; болѣзненное ощущеніе входитъ въ вызванное имъ сновидѣніе случайно и эпизодически. Вѣроятно, всякому случалось во время болѣзни видѣть этого рода сны и правильно объяснять ихъ возникновеніе. Я не сталъ бы здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ, если бы нѣкоторыя изъ такихъ сновидѣній не представляли особенности, на которой стоитъ остановиться. Постараюсь быть, по возможности, болѣе краткимъ.

Часто случается, что боль, испытываемая спящимъ, вызываетъ сонъ, причѣмъ онъ видитъ себя больнымъ и страданіе сосредоточено въ той же части тѣла, изъ которой исходитъ болѣзненное ощущеніе. Воспринятый образъ является, такимъ образомъ, болѣе или менѣе точнымъ, нерѣдко преувеличеннымъ, воспроизведеніемъ дѣйствительно существующаго страданія. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: спящій боленъ и знаетъ, что онъ боленъ; онъ живо чувствуетъ боль и чувствовалъ ее еще тогда, когда не спалъ. Интереснѣе слѣдующая особенность.

Нѣкоторымъ лицамъ случается видѣть во снѣ, что они тяжело больны, они просыпаются совершенно здоровыми, но нѣсколько времени спустя заболѣваютъ той же болѣзнию, которая имъ грезилась во снѣ. Такъ, Конрадъ Геенеръ видѣлъ во снѣ, что змѣя укусила его въ грудь съ лѣвой стороны и, спустя нѣкоторое время, въ томъ же мѣстѣ явилось серьезное и глубокое страданіе. Тестъ, бывший министромъ въ царствованіе Луи-Филиппа, за три дня до смерти видѣлъ во снѣ, что онъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, и спустя три дня, въ самомъ дѣлѣ, умеръ отъ удара. Галліенъ рассказываетъ объ одномъ больномъ, которому снилось, что у него одна нога—каменная; спустя нѣкоторое время, у него сдѣлался параличъ той же ноги. Одна молодая женщина видитъ во снѣ предметы смутно, какъ бы въ туманѣ, и въ скоромъ времени заболѣваетъ

серьезнымъ разстройствомъ зрѣнія. Макарію, у котораго мы заимствуемъ все выше приведенные факты, рассказываетъ, что ему пригрезилось во снѣ, будто у него болитъ горло. Онъ проснулся совершенно здоровымъ, но спустя нѣсколько часовъ заболѣлъ крайне болѣзненнымъ воспаленіемъ миндалевидныхъ железъ.

Эти факты заслуживаютъ вниманія. На основаніи ихъ можно думать, что во время сна извѣстнаго рода факты воспринимаются вѣрнѣе, чѣмъ въ состояніи бодрствованія. Можно ли на основаніи этого приписать сновидѣнію значеніе пророчества? Если бы мы вздумали видѣть въ приведенныхъ фактахъ нѣчто сверхъестественное, это свидѣтельствовало бы только о крайне ошибочномъ ихъ пониманіи. Все дѣло просто въ томъ, что внутреннія ощущенія воспринимаются неравненно яснѣе при отсутствіи внѣшнихъ раздраженій. Что касается до представлений о грядущихъ событіяхъ, то ихъ слѣдуетъ считать продуктомъ смутной для самаго субъекта озабоченности извѣстными событіями въ однихъ случаяхъ, совершающейся во время сна безсознательной церебраціи въ другихъ, о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить впослѣдствіи. Если эти представленія во снѣ выражаются, главнымъ образомъ, въ сценахъ и образахъ, то это зависитъ отъ частоты, отъ преобладанія этого рода проявленія мозговой дѣятельности во время сна.

ГЛАВА III.

Сновидѣніе и организмъ.

Существуетъ, какъ мы сказали, категория сновидѣній, возникающихъ въ умѣ спящаго, благодаря впечатлѣніямъ, получаемымъ отъ внутреннихъ органовъ. Изученіе этихъ сновидѣній представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, съ той точки зрѣнія, что между состояніемъ органа, изъ котораго исходитъ впечатлѣніе, и вызываемымъ умственнымъ образомъ часто наблюдается тѣсная связь. Древнимъ фактъ этотъ былъ извѣстенъ и мы знаемъ, что Гиппократъ извлекалъ изъ сновъ, видимыхъ нѣкоторыми больными, цѣнныя діагностическія и прогностическія указанія. ¹⁾ Если въ наше время врачи, благодаря болѣе вѣрнымъ и точнымъ результатамъ, получаемымъ при посредствѣ современныхъ научныхъ методовъ, не имѣютъ надобности прибѣгать къ даннымъ этого рода, то однако же и теперь можно встрѣтить у патологовъ-клиницистовъ указанія на страшныя сновидѣнія, которымъ подвержены лица, страдающія органическими пороками сердца. Связь, существующая между извѣстной категоріей сновидѣній и опредѣленными состояніями организма, очевидно, невольно бросается въ глаза

¹ Hippocrate, *Oeuvres*, traduction E. Littré.

наблюдателю. Намъ предстоитъ разсмотрѣть, каково это отношеніе и какъ его слѣдуетъ понимать.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, напомнимъ прежде всего, что во внѣшнемъ выраженіи всякой страсти, всякой эмоці принимаютъ участіе опредѣленные органическіе аппараты. Такъ, обращаясь къ одному виду эмоці, мы видимъ, что при страхѣ сердце усиленно бьется, а когда это чувство нарастаетъ до степени ужаса, дыханіе становится прерывистымъ, появляется дрожь, волосы встаютъ дыбомъ и т. д. Въ виду этого, мы на основаніи ряда наблюденій считаемъ себя вправе установить слѣдующій законъ: *Когда во время сна органическій аппаратъ, служащій для выраженія извѣстной страсти, переходитъ, почему бы то ни было, въ динамическое состояніе, въ которомъ онъ обыкновенно находится при проявленіи этой страсти, то сновидѣніе, возникающее при этихъ условіяхъ, будетъ состоять изъ умственныхъ образовъ, соответствующихъ той же страсти.*

Съ другой стороны, извѣстныя потребности, извѣстныя инстинкты имѣютъ свою исходную точку, свою точку возбужденія, если можно такъ выразиться, въ опредѣленныхъ функціональныхъ аппаратахъ, и одновременно съ проявленіемъ извѣстной потребности, извѣстнаго инстинктивнаго импульса, — что происходитъ, когда соответствующій аппаратъ находится въ специальномъ динамическомъ состояніи, — являются обыкновенно болѣе или менѣе ясныя, болѣе или менѣе сознательныя умственныя проявленія, относящіяся къ функціи, служащей для удовлетворенія этихъ инстинктовъ, этихъ потребностей организма. Такъ, голодъ вызываетъ мысль о столѣ, уставленномъ кушаньями, жажда вызываетъ мысленный образъ прохладительныхъ и пріятныхъ на вкусъ напитковъ, наконецъ, при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, обусловленныхъ продолжительнымъ воздержаніемъ отъ питья, въ особенности же продолжительнымъ лишеніемъ всякой жидкой пищи, обманчивыя перспективы громадныхъ водныхъ бассейновъ, свѣтлыхъ фонтановъ, бурныхъ потоковъ жестоко мучили несчастныхъ путешествен-

никовъ. Что представляютъ, въ сущности, эти галлюцинаціи, какъ не тѣ же — только болѣе интенсивныя — образы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ?

Умственные образы, которыми сопровождается проявленіе всякой потребности, возникаютъ, какъ я уже говорилъ, до известной степени самопроизвольно; они являются помимо нашей воли, внезапно возникаютъ въ умственномъ полѣ зрѣнія. Мы сознаемъ ихъ часто, только внимательно припоминая ихъ. Въ виду этого, а также того, что сонъ представляетъ особенно благоприятный моментъ для бессознательной церебраціи, мы найдемъ въ высшей степени естественнымъ, что известная категория представлений, входящихъ въ составъ сновидѣній, подчиняется слѣдующему закону: *Состояніе дѣятельности, возбужденія, даже страданія какого либо аппарата, служащаго для выполнения известной органической функціи, будетъ часто сопровождаться во время сна умственными образами, имѣющими связь съ проявленіемъ этой функціи.*

Сновидѣнія, обусловленные органическими пороками сердца. Потрясающій характеръ этихъ сновидѣній былъ, какъ сказано выше, отмѣченъ всеми старинными патологами. Въ новѣйшее время выдающійся врачъ, д-ръ Сосеротъ въ Люневиллѣ, собралъ интересныя наблюденія, подтверждающія и отчасти дополняющія старинныя наблюденія по этому предмету. Но объясненіе, данное этимъ ученымъ, приписывающимъ тягостный характеръ сновидѣній и страшныя галлюцинаціи больныхъ, страдающихъ органическими пороками сердца, вліянію на мозгъ усиленной артеріальной пульсаціи, по моему мнѣнію, не можетъ быть принято. Какъ бы то ни было, факты стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, а разъ они наблюдаются вѣрно, то сохраняютъ свою цѣнность, несмотря на ошибочное толкованіе,

Если страшныя сны часто вызываются органическими пороками сердца, то и временное нарушеніе правильной дѣятельности центральнаго органа кровообращенія — нервное сердцебиеніе — можетъ вызвать явленія того же рода. Я долгое время страдалъ нервнымъ сердцебиеніемъ, усилив-

шимся отъ куренія табака. Въ этотъ періодъ, подъ вліяніемъ чисто функціональнаго нервнаго расстройства, мнѣ случилось видѣть во снѣ, что меня преслѣдуютъ враги, отъ которыхъ я спасаюсь съ трудомъ послѣ долгаго ряда опасныхъ приключеній; я просыпался въ припадкѣ нервнаго сердцебиенія. Такимъ образомъ, функціональное страданіе сердца, могущее возникнуть подъ вліяніемъ страшныхъ происшествій, вызывало здѣсь умственные образы, носившіе такой же характеръ. Я предвижу возможность возраженія, что образъ, входившій въ составъ сновидѣнія и возникшій подъ вліяніемъ случайной причины, могъ со своей стороны вызвать припадокъ сердцебиенія, о которомъ я говорилъ. Возраженіе это правдоподобно и отрицать возможность чего либо подобнаго трудно. Такъ какъ, однако же, мы сейчасъ увидимъ, что сновидѣнія могутъ возникать подъ вліяніемъ известныхъ состояній организма, которыя не могутъ быть обусловлены однимъ сновидѣніемъ, то мы имѣемъ, думается мнѣ, право заключить по аналогіи, что въ разбираемомъ нами случаѣ сердцебиеніе было причиной сновидѣнія, а не обратно.

Сновидѣнія, вызываемыя страданіями дыхательныхъ органовъ. Сновидѣнія, обусловленные известными состояніями дыхательныхъ путей, носятъ подобно сновидѣніямъ, возникающимъ влѣдствіе расстройствъ кровообращенія, специальный характеръ. Обыкновенно передъ грезящимъ проходятъ тяжелыя сцены, ему угрожаетъ страшная опасность, отъ которой ничто не можетъ его спасти. Одна особа, пользовавшаяся вообще удовлетворительнымъ здоровьемъ, но часто страдавшая бронхитомъ, всякій разъ при заболѣваніи своей привычной болѣзью, видѣла сны слѣдующаго рода. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна ей грезилось, будто она перенесена въ дикую мѣстность вдали отъ людской помощи. Ею овладѣвало тягостное чувство, — она чувствовала приближеніе страшной опасности. Вдругъ являлся всадникъ свирѣпой наружности, который бросался за нею въ погоню. Бѣгство было немыслимо и врагъ уже почти настигалъ ее, когда она просыпалась съ трудомъ дыша. Во время сна въ брон-

хоть больной накопилось слизистое отдѣляемое, и затрудненіе дыханія, зависѣвшее отъ чисто-физической причины, вызвало въ ея умѣ представленіе о страшныхъ сценахъ, которыя въ дѣйствительности вызвали бы точь въ точь такое же затрудненіе дыханія. По выдѣленіи мокроты сонъ становится спокойнымъ, страшные сны исчезали.

Всѣмъ извѣстно, что разстройства пищеваренія сопровождаются обыкновенно чувствомъ тяжести. Сонъ при этомъ бываетъ прерывистъ, послѣ сна различной продолжительности человекъ часто просыпается въ состояніи кошмара. При этомъ спящему кажется, будто на груди у него лежитъ громадная тяжесть, которая вотъ-вотъ раздавитъ его, будто врагъ отвратительной наружности наступилъ ему колѣномъ на грудь, будто звѣрь колоссальныхъ размѣровъ сдавливаетъ и душитъ его, будто рухнувшая стѣна погребаетъ его подъ своими развалинами. Сразу трудно догадаться, какая связь существуетъ между этими страшными образами и разстройствами пищеваренія, и, дѣйствительно, непосредственной связи здѣсь нѣтъ. Если, тѣмъ не менѣе, при этихъ условіяхъ возникаютъ страшные сны, то объясняется это тѣмъ, что при переполненіи желудка—частой причинѣ разстройствъ пищеваренія—дыханіе обыкновенно затруднено, такъ что эти сны принадлежатъ къ разсматриваемой категоріи сновидѣній.

Въ сновидѣніяхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, нарушеніе нормальной дѣятельности дыхательнаго аппарата вызываетъ образы, стоящіе въ связи съ чувствомъ, которое, возникнувъ, вызвало бы такое же стѣсненіе, затрудненіе дыханія. Въ сновидѣніяхъ, къ которымъ мы теперь перейдемъ, то же разстройство дѣятельности разсматриваемаго аппарата, согласно со вторымъ установленнымъ нами закономъ, порождаетъ комбинаціи образовъ, въ которыхъ спящій или другое, совершенно чужое ему, лицо производятъ дѣйствія, имѣющія цѣлью облегчить страданіе, испытываемое спящимъ.

Одинъ молодой человекъ, подверженный припадкамъ астмы, всякій разъ, когда съ нимъ во время сна дѣлается

припадокъ удушья, видитъ во снѣ, будто онъ совершилъ длинное путешествіе при удушливой и жаркой погодѣ. Онъ видитъ во снѣ, что задыхается, обливаема потомъ и скидываетъ съ себя часть одежды, чтобы доставить себѣ нѣкоторое облегченіе. Мнѣ самому случалось видѣть сны, относящіеся, повидимому, къ разсматриваемой категоріи. Однажды мнѣ снилось, будто я изо всѣхъ силъ дую на огромнаго жука и съ большимъ трудомъ успѣваю немного сдвинуть съ мѣста это насѣкомое, находящееся на бумагѣ, на которой я пишу. Я просыпаюсь и замѣчаю, что въ самомъ дѣлѣ съ замѣтнымъ усиліемъ стараюсь выдохнуть воздухъ, чтобы расклеить склеившіяся во снѣ губы. Въ другомъ случаѣ мнѣ снится, будто я нахожусь въ крайне тѣсномъ пространствѣ, грудь моя сдавлена съ обѣихъ сторонъ каменными столбами и, несмотря на всѣ мои усилія, я не могу высвободиться изъ тѣснаго заключенія. Проснувшись немного времени спустя, я замѣчаю, что съ трудомъ дышу вслѣдствіе насморка, которымъ я тогда страдалъ. Наконецъ, однажды мнѣ снится, будто я пью изъ стакана воду и при этомъ нѣсколько находившихся въ водѣ песчинокъ попадаетъ мнѣ въ гортань. Я чувствую себя дурно, мнѣ кажется, что я задыхаюсь. Проснувшись, я вижу, что въ самомъ дѣлѣ съ трудомъ дышу оттого, что одѣяло надвинулось мнѣ на самый ротъ.

Выше я замѣтилъ, что во снѣ страдаетъ не всегда то же лицо, которое страдаетъ въ дѣйствительности. Вотъ любопытный образчикъ сновидѣнія такого рода. Одна особа, страдавшая уже нѣсколько лѣтъ припадками астмы и заснувшая во время приступа болѣзни, увидѣла во снѣ улицу, поднимающуюся въ гору, по которой движется тяжелая карета. Удушливый зной. Лошади выбились изъ силъ, онѣ съ трудомъ двигаются и, наконецъ, одна изъ нихъ падаетъ. Несчастное животное съ трудомъ дышетъ, оно обливаема потомъ. Кучеръ съ чудовищными усиліями старается поднять лошадь, и спящій помогаетъ ему. Въ эту минуту лицо, видѣвшее сонъ, просыпается: оно все въ поту и страдаетъ отъ сильнаго припадка астмы.

Сновидѣнія, стояція въ связи съ желудочно-кишечными разстройствами. Эти сновидѣнія встрѣчаются часто у лицъ, страдающихъ разстройствомъ пищеваренія, на примѣръ, желудочной диспепсией. Они состоятъ обыкновенно изъ вкусовыхъ образовъ, сопровождаемыхъ зрительными сценами, имѣющими связь съ дѣятельностью органа вкуса. Одна молодая дама, страдавшая диспепсией, которую я просилъ сообщать мнѣ свои наблюденія по этому предмету, рассказала мнѣ, что, когда она страдала небольшою диспепсией, что происходитъ довольно часто, ей случалось видѣть во снѣ, будто она находится въ кондитерской и видитъ тамъ множество лицъ, покупающихъ всякаго рода пирожное. Сама она слѣдовала ихъ примѣру и наѣдалась вволю пирожнымъ съ сильнымъ запахомъ апельсинныхъ цвѣтовъ. Вкусовое ощущеніе у лица, рассказывавшаго мнѣ этотъ сонъ, бывшее вначалѣ пріятнымъ, вскорѣ дѣлалось крайне тягостнымъ, — являлось невыносимое чувство тошноты.

Нерѣдко вкусовой образъ, который мы видѣли въ описанномъ снѣ, совершенно отсутствуетъ. Моро (de la Sarthe) рассказываетъ объ одной дамѣ, которая, страдая крайне тяжелой формой желудочнаго невроза, всякій разъ, когда засыпала хотя бы на нѣсколько секундъ, видѣла во снѣ, будто въ ея желудкѣ находится окорокъ или другая, болѣе или менѣе трудно варимая, пища. Повидимому, эта дама не испытывала во снѣ никакого вкусового ощущенія. Мори, у котораго приведено нѣсколько сновидѣній или гипнагогическихъ галлюцинацій, возникшихъ подъ вліяніемъ болѣе въ желудкѣ, рассказываетъ одинъ сонъ, видѣнный имъ, когда онъ страдалъ припадками этого рода; онъ видѣлъ во снѣ столъ съ остатками обѣда. Мори не упоминаетъ при этомъ о какихъ бы то ни было вкусовыхъ ощущеніяхъ. Я могу сообщить нѣсколько сновидѣній такого же характера, видѣнныхъ мною и въ которыхъ вкусовые образы точно также отсутствовали. Я видѣлъ столъ, уставленный различными кушаньями, за которымъ сидѣло нѣсколько лицъ и обѣдало; въ обѣдѣ я не принималъ участія. Я долженъ однако же прибавить, что обыкно-

венно дѣло происходитъ иначе и, когда страданіе желудка вызываетъ у меня во снѣ образы той категоріи, о которой мы говоримъ, они часто сопровождаются вкусовыми образами. Но, какъ въ упомянутомъ выше наблюденіи, получающееся ощущеніе непріятно.

Зрительные и иного рода образы, связанные съ функцией питанія, вызываются не однимъ только чувствомъ тяжести вслѣдствіе разстройствъ пищеваренія или болѣю вслѣдствіе страданія желудка, — голодъ также вызываетъ видѣнія этого рода. Баронъ де-Тренкъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ ¹⁾, что, почти умирая съ голоду въ тюрьмѣ, куда его заключили, онъ всякую ночь видѣлъ во снѣ послѣ ряда приключеній, которыхъ я не стану здѣсь описывать, покрытый яствами столъ. Предъ нимъ находились изысканнѣйшія кушанья, самыя тонкія вина. Сидя среди гостей, онъ готовился утолить мучившій его голодъ, но въ тотъ же моментъ пробужденіе уносило его изъ міра иллюзій и возвращало печальной дѣйствительности.

У Мори мы находимъ одинъ сонъ такого же рода. Однажды, когда онъ по случаю нездоровья соблюдалъ строгую діету, ему снилось, будто онъ находится на роскошномъ банкетѣ. Вокругъ него сидѣло много гостей и онъ различалъ смутный стукъ тарелокъ и вилокъ, который обыкновенно слышится во время многолюднаго обѣда.

Если болѣзненные ощущенія въ области желудка легко порождаютъ образы, стоящіе въ связи съ функцией питанія, то такое же вліяніе оказываютъ и разстройства кишечника. Не имѣя возможности привести личные наблюденія по этому предмету, я заимствую у писателей, пользующихся заслуженнымъ авторитетомъ, два наблюденія, не оставляющія, какъ мнѣ кажется, сомнѣнія насчетъ дѣйствительности вліянія, оказываемаго страданіями кишечника на мозговые образы, входящіе въ составъ сновидѣнія.

Первое изъ этихъ наблюденій принадлежитъ Брандису.

¹⁾ Le baron de Trenck. *Mémoires*.

Онъ сообщаетъ, что одна женщина, которой снилось, будто она приняла ревеню, испытала дѣйствіе этого лекарства ¹⁾. Бурдахъ, цитирующій это наблюденіе ²⁾, совершенно справедливо замѣчаетъ, что Брандисъ принялъ причину за слѣдствіе, что вкусовой образъ былъ несомнѣнно вызванъ кишечнымъ разстройствомъ, а не обратно.

Второй фактъ, столь же убѣдительный, сообщенъ Макарію; къ нему приложимо то же замѣчаніе, что и къ разсказу Брандиса. Одной дамѣ три раза въ различное время снилось, будто она слышитъ сильный запахъ чесноку, и всякій разъ она просыпалась въ припадкѣ жестокой колики. Могутъ возразить, что въ приводимомъ случаѣ слѣдовало бы скорѣе ожидать вкусовыхъ образовъ, но возраженіе это мало состоятельно. Обоняніе, не будучи столь тѣсно связано съ функціей питанія, какъ вкусъ, тѣмъ не менѣе стоитъ къ ней въ крайне близкихъ отношеніяхъ; какъ извѣстно, многія кушанья перестаютъ намъ нравиться, когда у насъ притуплено обоняніе.

Сновидѣнія, стояція въ связи съ половымъ чувствомъ. Эти сновидѣнія, очень частыя въ періодъ возмужалости, состоятъ изъ сладострастныхъ образовъ. Прибавлю, что сновидѣнія этого рода—и это придаетъ имъ особый интересъ—представляютъ самый поразительный примѣръ того, въ какомъ тѣсномъ и взаимномъ отношеніи стоятъ другъ къ другу состояніе органическаго аппарата и тѣ или другіе умственные образы. Такъ какъ трудно, излагая этотъ предметъ со всеми подробностями, оставаться въ должныхъ границахъ, то я и принужденъ ограничиться однимъ этимъ замѣчаніемъ.

Мнѣ бы слѣдовало еще разсмотрѣть рядъ случаевъ, представляющихъ любопытныя особенности и подтверждающихъ законы, установленные мною въ началѣ настоящей главы,

¹⁾ Brandis, *Pathologie oder Lehre von den Affecten des lebenden Organismus*. Kopenhagen, 1813.

²⁾ Burdach, trad. Jourdan, tome V, p. 214.

но я опасаясь утомить читателя слишкомъ большимъ числомъ наблюденій ¹⁾.

Мы разсмотрѣли отношенія важнѣйшихъ органическихъ функцій къ сновидѣніямъ, и приведенные примѣры, по моему мнѣнію, достаточно ясно доказываютъ, что между состояніемъ органическаго аппарата и мозговыми образами, входящими въ составъ сновидѣнія, существуетъ крайне тѣсная связь. Эта тѣсная связь, это отношеніе выражаются двумя вышеустановленными законами, которые можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: *во время сна всякій органический аппаратъ, перейдя въ определенное динамическое состояніе, порождаетъ мозговые образы, соотносительные съ этимъ состояніемъ.*

Удивляться этой тѣсной связи, существующей между состояніемъ органическихъ аппаратовъ и мысленными образами, входящими въ составъ сновидѣнія, можно только позабывъ о томъ, какая тѣсная связь существуетъ между идеями, мозговыми образами, различными душевными состояніями, съ одной стороны, и всемъ организмомъ, съ другой. Связь эта изучалась преимущественно съ точки зрѣнія вліянія духа на тѣло, но она носитъ и обратный характеръ.

Вліяніе тѣла на духъ. Вліяніе тѣла на духъ, наблюдаемое нами во время сна, проявляется и въ состояніи бодрствованія, хотя и въ иной формѣ, легче поддающейся на-

¹⁾ Приведу, однакоже, слѣдующій фактъ, ясно указывающій, что если организмъ будетъ находиться по какому бы то ни было поводу въ динамическомъ состояніи, сопровождающемъ обыкновенно проявленіе извѣстной эмоціи, то этого достаточно, чтобы въ сновидѣніи явился зрительный образъ, имѣющій отношеніе къ этой эмоціи. Однажды я легъ спать не совсемъ здоровымъ и во снѣ увидѣлъ, будто нахожусь въ Парижѣ на народномъ праздникѣ среди многочисленной толпы съ ребенкомъ, ввѣреннымъ моему попеченію. Мое вниманіе было чѣмъ-то на минуту отвлечено и вдругъ ребенокъ исчезъ. Я въ ужасѣ, я дрожу отъ страха и безпокойства, у меня является ощущеніе, такъ называемой «гусиной кожи». Я просыпаюсь въ сильномъ ознобѣ съ той же гусиной кожей, которую я ощущалъ въ своемъ тревожномъ снѣ. У меня начиналась лихорадка, благодаря которой и возникла эмоція чисто-нравственнаго характера и образы, о которыхъ я говорилъ.

блюденію. Въ самомъ дѣлѣ, давно уже совершенно справедливо замѣчено, что внѣшнія проявленія какой либо страсти легко вызываютъ у человѣка чувствованія и идеи, соотвѣтствующія этой страсти. „Всякая душевная эмоція, говоритъ Дюгалдъ-Стьюартъ, оказываетъ замѣтное дѣйствіе на тѣло; точно также, придавая нашему лицу какое-либо вполне опредѣленное выраженіе, сопровождающееся аналогическими жестами, мы начинаемъ до извѣстной степени испытывать эмоцію, соотвѣтствующую искусственному выраженію, приданному чертамъ нашего лица. Боркъ увѣряетъ, что часто имъ овладѣвалъ гнѣвъ все въ болѣе и болѣе сильной степени по мѣрѣ того, какъ онъ воспроизводилъ внѣшніе признаки этой страсти, и я не сомнѣваюсь, что у большинства людей этотъ опытъ будетъ сопровождаться тѣми же результатами. Говорятъ, что, когда Кампанелла, знаменитый философъ и великій физиономистъ, желалъ знать, что происходитъ въ душѣ другаго лица, онъ старался по возможности точнѣе подражать его позѣ и выраженію лица, сосредоточивая при этомъ все свое вниманіе на собственныхъ ощущеніяхъ¹⁾“. Что мимика вліяетъ на эмоціи, на мозговые образы, доказывается также опытами Брэда²⁾ и Азама³⁾, въ которыхъ пациенты, подъ вліяніемъ приданныхъ имъ опредѣленныхъ позъ, испытывали эмоціи, соотвѣтствующія этимъ позамъ. Факты эти стоятъ прочно и въ нихъ нельзя сомнѣваться, если къ нимъ относиться безъ предубѣжденія. Внѣшнее проявленіе страсти, воспроизведенное искусственно, вызываетъ, слѣдовательно, мозговые образы, порождаемые той же страстью. Но что представляютъ собою въ общемъ факты, изученные въ этой главѣ, законы, установленные нами на основаніи этихъ фактовъ, какъ не выраженіе того же вліянія тѣла на духъ? Въ одномъ слу-

¹⁾ Dugald-Stewart. *Éléments de la philosophie de l'esprit humain*. trad. Peisse.

²⁾ Braid. *Neurypnologie ou traité du sommeil nerveux*.

³⁾ Azam. *Hypnotisme, double conscience et altérations de la personnalité*. Paris. 1887.

чаѣ передъ нами внѣшняя оболочка тѣла, въ другомъ—внутренніе органы; вотъ и вся разница, и, мнѣ кажется, нѣтъ никакого основанія думать, будто между внѣшними органами и органомъ мысли существуетъ болѣе тѣсная связь, болѣшая взаимность, чѣмъ между внутренними органами и тѣмъ же мозговымъ органомъ, такъ какъ внутренніе аппараты часто приходятъ въ дѣятельное состояніе подъ вліяніемъ страсти. Взаимная связь между состояніемъ внутреннихъ органовъ и душевною дѣятельностью чаще ускользала отъ наблюдателей, такъ какъ она глубже и менѣе бросается въ глаза, но реальность ея не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Хотя въ различныхъ приведенныхъ выше наблюденіяхъ связь между возбужденнымъ состояніемъ извѣстнаго органическаго аппарата и сновидѣніемъ рѣзко выражена, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ думать, будто состояніе возбужденія внутреннихъ органовъ должно непременно сопровождаться сновидѣніемъ. Все дѣло въ степени возбужденія и, по всей вѣроятности, возбужденіе должно достигнуть извѣстной интенсивности, чтобы могъ возникнуть мозговой образъ.

Ошибочно было бы также думать, будто специфическій, если можно такъ выразиться, характеръ образовъ и сценъ всегда проявляется съ тою рѣзкостью, какую мы видѣли въ цитированныхъ случаяхъ. Помимо даннаго впечатлѣнія, исходящаго изъ опредѣленной точки тѣла, къ мозгу приносятся тысяча разнородныхъ впечатлѣній, которыя могутъ уничтожить или ослабить тотъ или другой образъ, входящій въ составъ сонной грезы. Отъ этого зависитъ, по всей вѣроятности, рѣзко выраженная безсвязность нѣкоторыхъ нашихъ сновидѣній, безсвязность, на усиленіе которой вліяютъ еще ассоціаціи соедѣнныхъ образовъ, вызывающихъ другъ друга и увеличивающихъ беспорядочность сценъ, проходящихъ передъ грезящимъ. Иногда въ сновидѣніяхъ, абсолютно безсвязныхъ, удается отыскать исходную точку, данную органическимъ впечатлѣніемъ. Но, быть можетъ, чаще оказывается совершенно невозможнымъ отыскать это первона-

чальное возбужденіе, хотя оно и существуетъ въ дѣйстви-
тельности,—до такой степени оно отгѣсняется на задній
планъ хаосомъ перипетій сновидѣнія. Какъ бы то ни было,
я желалъ предупредить читателя, что явленія далеко не
такъ просты, какъ онъ склоненъ, можетъ быть, думать.

ГЛАВА IV.

Сновидѣніе и умственная дѣятельность.

Рядомъ со сновидѣніями, о которыхъ мы говорили, —
сновидѣніями, возникающими подъ вліяніемъ внѣшнихъ
возбужденій или стимуловъ, исходящихъ изъ внутреннихъ
органовъ, — существуютъ сны другого рода, зависящіе, по-
видимому, исключительно отъ мозговой дѣятельности. Эти
сновидѣнія характеризуются опредѣленнымъ, послѣдователь-
нымъ и логическимъ теченіемъ и проявляющаяся въ нихъ
умственная дѣятельность носить почти тотъ же характеръ,
что и во время бодрствованія. Сновидѣнія, въ которыхъ
грезящій создаетъ произведеніе искусства или рѣшаетъ на-
учную задачу или трудный и запутанный вопросъ изъ жи-
тейской практики, принадлежатъ къ этой категоріи снови-
дѣній, точно также какъ и т. наз. *пророческіе сны*.

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, считаю нужнымъ ска-
зать нѣсколько словъ о томъ, что называется *безсознатель-
ной церебраціей, церебральнымъ автоматизмомъ, отра-
женной мозговой дѣятельностью*. Всякому, кто работалъ
головой, случалось, вѣроятно, наблюдать, что работа мозга
часто совершается безъ нашего вѣдома, безъ вмѣшательства
воли, по крайней мѣрѣ, въ тѣ или другіе моменты нашей
жизни. Съ фактами этого рода мы встрѣчаемся почти еже-
минутно. Школьники обыкновенно заучиваютъ свои уроки

вечеромъ и заявляютъ не безъ основанія, что такимъ образомъ они затверживаютъ ихъ несравненно легче. Урокъ, выученный ими вечеромъ, они знаютъ на слѣдующее утро лучше и тверже, чѣмъ наканунѣ. Лица, которымъ приходится бороться съ трудностями, представляющимися при изученіи иностранныхъ языковъ, могли наблюдать сходное явленіе. Если дневныя занятія, обязанности, связанныя съ ихъ положеніемъ, заставляютъ ихъ прервать на время учебныя занятія, то, возвратившись къ нимъ, они не безъ удивленія открываютъ, что знакомы съ предметомъ лучше, чѣмъ до прекращенія занятій. То же явленіе наблюдается при болѣе самостоятельномъ трудѣ, при литературной работѣ или при рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Если работающій встрѣтилъ какое либо затрудненіе и бросаетъ на время занятія, то послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, когда умъ самостоятельно продѣлалъ всю работу, онъ съ болѣе легкой легкостью, какъ бы шутя, преодолеваетъ препятствіе, которое казалось ему непреодолимымъ. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, не лишнее значенія. Очень часто въ этихъ случаяхъ бессознательной церебраціи мысли первоначально сообщается толчокъ, извѣстное направленіе, подъ вліяніемъ котораго мозговая дѣятельность приходитъ въ концѣ концовъ къ результатамъ болѣе совершеннымъ. Если поэтъ говорить:

Je trouve au coin d'un bois le mot qui m'avait fui,
(въ уголкѣ лѣса я нахожу бѣжавшее отъ меня слово), то онъ тутъ указываетъ одновременно и на работу бессознательной церебраціи и на вызвавшее ее первоначальное усиленіе. Отсюда легко понять, что умственный трудъ, результатъ мозгового импульса, даннаго во время бодрствованія и прекращающагося во время сна, можетъ вызвать грезы, которыя будутъ до извѣстной степени образнымъ выраженіемъ проблемы, рѣшаемой спящимъ, того вопроса, который его занималъ.

Я говорю *образное выраженіе*, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ, сновидѣнія, которыми мы занимаемся въ настоящую минуту, часто сопровождаются зрительными, слуховыми обра-

зами и т. д., не уступающими по яркости и отчетливости тѣмъ образамъ, которые мы наблюдали въ двухъ предшествующихъ категоріяхъ сновидѣній. То спящему снится, будто онъ произноситъ рѣчь, въ которой излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій, то какое нибудь знакомое лицо подсказываетъ ему во снѣ рѣшеніе мучившей его загадки. Часто спящій видитъ во снѣ то, что озабочивало его наканунѣ, причемъ не слышитъ ни одного слова, — онъ присутствуетъ при пантомимѣ, изъ которой узнаетъ все, что желалъ узнать. Иногда, напротивъ того, мысль не сопровождается никакими зрительными сценами и отыскиваемое рѣшеніе задачи представляется во снѣ въ томъ же видѣ, какъ и во время бодрствованія. Есть впрочемъ основанія думать, что это встрѣчается сравнительно рѣдко.

Какъ бы то ни было, факты, приводимые нами ниже, показываютъ, что нѣкоторыя сновидѣнія возникаютъ именно такъ, какъ мы указали. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, основу сновидѣнія составляютъ мысли, обыкновенно сосредоточивающія на себѣ вниманіе спящаго, иногда же мы можемъ доказать, что наканунѣ онъ упорно работалъ надъ какимъ нибудь вопросомъ, вниманіе его было всецѣло поглощено какимъ либо дѣломъ, причемъ этотъ вопросъ и это дѣло имѣютъ тѣсное отношеніе къ содержанію сновидѣнія.

Прежде всего я займусь тѣми сновидѣніями, въ которыхъ спящій рѣшаетъ какой либо вопросъ, создаетъ художественное произведеніе. Относительно однихъ сновидѣній этой категоріи я ограничусь нѣсколькими словами, другія изложу подробнѣе.

Кондильякъ рассказываетъ, что въ то время, когда онъ приготовлялъ къ изданію свой *Cours d'étude*, если ему случалось лечь спать, прежде чѣмъ извѣстный отдѣлъ былъ вполне обработанъ, онъ находилъ по пробужденіи, что во время сна въ умѣ его сложилась окончательная редакція отдѣла.

Вольтеръ передаетъ, что однажды во снѣ онъ сложилъ цѣлую пѣснь *Генриады*, носившую совершенно иной харак-

теръ, чѣмъ написанная имъ пѣснь. Онъ замѣчаетъ по этому поводу: „Я говорилъ во снѣ вещи, которыя едва ли могъ бы сказать въ состояннн бодрствованія. Такимъ образомъ у меня были мысли, сложившіяся помимо моей воли и безъ всякаго участія съ моей стороны. Я былъ лишентъ и воли и свободы, и въ комбинаціи идей проявлялся талантъ, даже извѣстный геній“. Въ этомъ случаѣ рѣзко проявилась безсознательная дѣятельность мозга, та работа мысли, о которой я говорилъ въ самомъ началѣ главы и которая—какъ бы ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ великій писатель XVIII-го вѣка,—представляетъ только результатъ дѣятельности, первоначально направлявшейся волею, результатомъ того теченія мысли, которое совершалось въ состояннн бодрствованія. Вольтеръ, конечно, много разъ обдумывалъ „Генріаду“ и планъ, задуманный въ состояннн бодрствованія, но носившій тогда несовершенный и отрывочный характеръ, вылился во время сна въ окончательную форму, достигъ полного совершенства. Карданъ увѣряетъ, что одно изъ его сочиненій сложилось у него въ головѣ во время сна. Математикъ Мэнъянъ открывалъ во снѣ теоремы или доказательства извѣстныхъ уже теоремъ, а, по словамъ Крюгера, ему не разъ во снѣ случалось рѣшать сложныя задачи.

Бурдахъ сообщаетъ, что много разъ во время сна у него являлись идеи по разнымъ вопросамъ науки, составлявшей предметъ его изысканій,—идеи, которыя едва ли явились бы у него въ состояннн бодрствованія. Не касаясь здѣсь научнаго значенія идей кенигсбергскаго профессора, не соотвѣтствующихъ современному состояннн физиологнн, приведу здѣсь разсказъ Бурдаха. Эти идеи представляютъ реальный интересъ съ занимающей насъ точки зрѣннн уже по одному тому, что знаменитый физиологъ придавалъ имъ серьезное значеніе. „Часто, говоритъ Бурдахъ, у меня во снѣ возникали идеи, казавшіяся мнѣ настолько важными, что я просыпался. Во многихъ случаяхъ онѣ относились къ вопросамъ, которыми я въ ту пору занимался, но содержаніе ихъ было для меня совершенно ново. Такъ, когда

я писалъ свое большое сочиненіе о мозгѣ,¹⁾ у меня явилась во снѣ мысль, что искривленіе, образуемое спиннымъ мозгомъ въ мѣстѣ перехода его въ головной, указываетъ на антагонизмъ этихъ двухъ органовъ, такъ какъ оси ихъ перекрещиваются и ихъ токи встрѣчаются подъ угломъ, въ болѣе значительной степени приближающимся къ прямому у человѣка, чѣмъ у животныхъ, а это въ достаточной степени объясняетъ существованіе у человѣка способности стоять. 17 мая 1818 года мнѣ снилось, что въ головномъ мозгу существуетъ сплетеніе для пятой пары головно-мозговыхъ нервовъ, соотвѣтствующее пояничному и плечевому сплетеніямъ. 11 октября того же года у меня явилась во снѣ мысль, что форма свода съ тремя ножками зависитъ отъ формы лучистаго вѣнца (*corona radiata*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однакоже, эти идеи касались вопросовъ, надъ которыми я до той поры не размышлялъ, и тогда онѣ были еще смѣлѣе. Такъ, напр., въ 1811 году, когда я еще держался общепринятыхъ взглядовъ на кровообращеніе и занимался вопросами изъ совершенно иной области, у меня явилась во снѣ мысль, что кровь течетъ подъ вліяніемъ присущей ей силы, что она вызываетъ сердечныя сокращенія, такъ что считать сердце причиной кровообращенія такъ же нелѣпо, какъ приписывать теченіе ручья мельницѣ, которую онъ приводитъ въ движеніе. Изъ этихъ идей на-половину вѣрныхъ, которыя доставляли мнѣ столько наслажденія во время сна, приведу еще одну, такъ какъ она представляетъ въ зародышѣ взгляды, впоследствии мною развитые: 17 іюня 1822 года во время послѣобѣденнаго сна у меня явилась мысль, что сонъ, какъ и расслабленное состояннн мышцъ, представляетъ возвращеніе къ естественному состояннн и зависитъ отъ подавленія антагонистической дѣятельности. Полный радости отъ яркаго свѣта, который этотъ взглядъ, казалось мнѣ, проливалъ на цѣлый рядъ жизненныхъ явленій, я проснулся, но векорѣ

¹⁾ Burdach. *Vom Bau und Leben des Gehirns und Rückenmarks*. Leipzig 1818—25.

все сдѣлалось опять столь же неяснымъ, какъ прежде, до такой степени этотъ взглядъ шелъ въ разрѣзъ со всѣми моими тогдашними представленіями¹⁾).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ сновидѣніе не сопровождалось зрительными или слуховыми образами въ видѣ болѣе или менѣе сложныхъ сценъ, такъ часто сопровождающихъ сновидѣнія. Это случается, какъ я уже замѣтилъ, крайне рѣдко и я склоненъ думать, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ приведенныхъ случаевъ такіе зрительные и слуховые образы присутствовали, но писатели, у которыхъ мы заимствуемъ приведенные разказы, не считали нужнымъ упоминать объ нихъ.

Приведемъ еще одинъ знаменитый сонъ, въ которомъ бессознательная умственная работа сопровождалась крайне курьезной и фантастической сценой. Знаменитый композиторъ Тартини заснулъ послѣ тщетныхъ усилій окончить сонату. Воображеніе его продолжало работать во снѣ; онъ во снѣ опять занялся сонатой и впадалъ уже въ полное отчаяніе въ виду невозможности окончить ее, какъ вдругъ передъ нимъ предсталъ чортъ и предложилъ окончить сонату, если Тартини предастъ ему свою душу. Тартини принялъ предложеніе и чортъ съ замѣчательной прелестью и изяществомъ исполнилъ предъ нимъ сонату, о которой онъ столько думалъ. Тартини просыпается, въ восторгѣ бѣжитъ къ письменному столу и записываетъ на память композицію, которую онъ окончилъ во снѣ, предполагая, будто слышитъ ее въ чужомъ исполненіи²⁾).

Какъ появляются образы въ родѣ тѣхъ, какіе мы видѣли въ сновидѣніи Тартини? Въ силу какого механизма они возникаютъ? Мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ не потому, чтобы отвѣтъ былъ вообще невозможенъ, а потому, что обыкновенно въ случаяхъ, не наблюдавшихся самимъ изслѣдователемъ, подробности, которыя могли бы дать

ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ особенностей сновидѣнія, опускаются разказчикомъ, не придающимъ имъ особеннаго значенія. Возможно, что образъ чорта, принявшаго участіе въ творческой работѣ великаго композитора, возникъ, благодаря какой либо мысли, промелькнувшей въ его умѣ, благодаря какому либо видѣнному имъ художественному изображенію духа зла. Этотъ вопросъ имѣетъ впрочемъ только второстепенное значеніе. За то мы считаемъ нужнымъ лишній разъ обратить вниманіе читателя на условія, при которыхъ возникло сновидѣніе, на его происхожденіе. Мысль Тартини была поглощена музыкальной композиціей и, какъ часто случается, идея произведенія еще не созрѣла и онъ не могъ ничего написать. Во время сна — и помимо сна — начавшаяся работа была завершена и чудная композиція какъ бы вылилась изъ тайниковъ мозга музыканта. Если бы отсутствовало предшествующее усиліе, напряженіе умственной дѣятельности, то сновидѣніе не возникло бы. Доказательствомъ можетъ служить уже то, что эта своеобразная работа мозга проявляется въ областяхъ, представляющихъ специальный предметъ занятій того или другого лица, — Бурдахъ рѣшаетъ во снѣ физиологическіе вопросы, Мэньянъ — математическіе, Тартини пишетъ во снѣ музыкальное произведеніе и т. д.

Въ сочиненіяхъ Бернарда-де-Палисси мы находимъ, быть можетъ, еще болѣе поразительный примѣръ тѣхъ особенностей, которыя представляютъ сновидѣнія, возникающія подъ вліяніемъ привычнаго и дѣйствующаго въ данный моментъ направленія мысли. Одно изъ произведеній Палисси имѣетъ своимъ предметомъ, какъ извѣстно, земледѣліе и, по преимуществу, садоводство. Ему доставляетъ безконечное наслажденіе перечислять все, что онъ считаетъ полезнымъ соединить въ хорошо устроенномъ саду. Острова, ручейки, гроты, бесѣдки и т. д. составляютъ въ его книгѣ предметъ описаній наивныхъ, гениальныхъ и въ то же время удивительно законченныхъ; эти представленія въ такой сильной степени занимали умъ художника, что являлись ему во снѣ въ яркихъ и живыхъ образахъ. „Часто мнѣ случалось ви-

¹⁾ Burdach. *Traité de physiologie*, trad. Jourdan. Paris, 1839, tome V, p. 213.

²⁾ Briere de Boismont. *Des Hallucinations*.

дѣтъ во снѣ, пишетъ знаменитый керамистъ, будто я захожусь въ саду. Такъ, на прошлой недѣлѣ мнѣ снилось, будто мой садъ уже готовъ въ томъ видѣ, въ какомъ я тебѣ его раньше описалъ, будто я ѣмъ уже фрукты изъ этого сада и отдыхаю въ немъ ¹⁾“. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе различныхъ растений, кустарниковъ, овощей и плодовъ, которыми онъ любитъ въ этомъ саду и которые онъ описываетъ въ выраженіяхъ, обрисовывающихъ какъ бы физиономію предмета, специально ему свойственныя черты, какъ онъ воспроизводилъ ихъ въ своемъ гениальномъ трудѣ, который мы и теперь еще перечитываемъ съ наслажденіемъ.

Къ этой же категоріи относятся сновидѣнія, гдѣ другое лицо излагаетъ спящему соображенія, по которымъ онъ долженъ поступить такъ или иначе, совершить какой либо поступокъ или отказаться отъ него, одобряетъ и успокоиваетъ его. Видную роль въ этихъ сновидѣніяхъ играетъ нравственный элементъ: провозглашаемыя дѣйствующимъ въ сновидѣніи лицомъ истины принадлежатъ къ числу самыхъ возвышенныхъ и рѣчь его гармонируетъ съ величіемъ высказываемыхъ идей. Несомнѣнно, что эти идеи, эти доводы неоднократно являлись уму спящаго во время бодрствованія, и что во снѣ онъ является только болѣе могущественными, болѣе убѣдительными. Слѣдующій сонъ, видѣнный знаменитымъ итальянскимъ скульпторомъ, Бенвенуто Челлини, кажется мнѣ типическимъ въ этомъ отношеніи.

Брошенный врагами въ отвратительную темницу, Бенвенуто, лишенный самаго необходимаго, изнуренный болѣзною, проводилъ все свое время за чтеніемъ Библии, и это доставляло ему столько наслажденія, что, какъ онъ говорилъ, онъ ничего другого, если бы могъ, не дѣлалъ. Библия была его единственнымъ утѣшеніемъ. „Я впядалъ, продолжаетъ онъ, въ такое отчаяніе, когда сумерки лишали меня возможности читать, что лишилъ бы себя жизни, если бы у меня было подъ рукой оружіе“. Эта мысль покончить съ собой становилась съ каждымъ днемъ все упорнѣе и навязчивѣе, такъ

что Челлини совершилъ разъ попытку самоубійства, къ счастью окончившуюся неудачей. Въ слѣдующую ночь онъ увидѣлъ во снѣ прекраснаго юношу, который сказалъ ему съ упрекомъ: „Ты знаешь, Кто даровалъ тебѣ жизнь и ты хочешь преждевременно разстаться съ нею?“ Я отвѣтилъ ему, кажется, продолжаетъ Бенвенуто, что съ благодарностью признаю все благодѣянія Господа. „Почему же ты хочешь, возразилъ онъ, разрушить ихъ? Отдайся Его руководству, не теряй вѣры въ Его божественную благодать“. Я убѣдился, говоритъ Челлини, что ангелъ былъ правъ, и, увидѣвъ кусочки кирпича, заострилъ ихъ треніемъ одного о другой и при помощи ржавчины, снятой зубами съ замка, изъ которой приготовилъ нѣчто въ родѣ чернилъ, написалъ на разсвѣтѣ на поляхъ моей библии слѣдующій діалогъ между моей душой и тѣломъ:

Т ѣ л о .

„Отчего ты хочешь покинуть меня, душа моя? Развѣ небо, соединивъ насъ, дало тебѣ право покидать меня, когда тебѣ вздумается? Не уходи, гнѣвъ неба прошелъ“.

Д у ш а .

„Небо требуетъ этого и я буду еще нѣкоторое время твоей спутницей. Придутъ счастливые дни; я вижу, какъ занимается ихъ заря... ¹⁾“.

Я привелъ вмѣстѣ со сновидѣніемъ Челлини этотъ діалогъ, чтобы показать, каково было его душевное состояніе. Мысль о самоубійствѣ возникала у него, навѣрное, много разъ и онъ искалъ доводовъ, которые могли бы отклонить его отъ нея. Слова ангела были конечно только результатомъ его думъ, выраженіемъ его вѣрованій. Написанный имъ діалогъ между душой и тѣломъ передаетъ тѣ же думы, тѣ же вѣрованія въ иной формѣ.

Мы переходимъ къ сновидѣніямъ, не имѣющимъ ничего

¹⁾ Bernard de Palissy. *Oeuvres*.

¹⁾ Lamartine. *Benvenuto Cellini*.

общаго съ художественными или нравственными представ-
лениями, занимающими умъ спящаго, но приближающимся
къ разсмотрѣннымъ нами сновидѣніямъ по сходству или
даже тождеству способа ихъ возникновенія. Я имѣю здѣсь
въ виду сны, относящіеся къ событіямъ, представляющимъ
большую важность для спящаго и возникающимъ тогда,
когда это событіе долго и въ сильной степени поглощало
его вниманіе. Эти сновидѣнія состоятъ обыкновенно изъ
рядовъ образовъ, образующихъ сцены, въ которыхъ спящій
находитъ рѣшеніе загадки, тщетно отыскиваемое имъ во
время бодрствованія. И здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло
съ автоматическою дѣятельностью мозга, совершающеюся
подъ вліяніемъ предшествовавшей дѣятельности воли. Дви-
женіе здѣсь продолжается и достигаетъ окончательнаго ре-
зультата, когда воля—первая возбудительница этого дви-
женія—давно уже перестала дѣйствовать.

„Одинъ изъ моихъ друзей, рассказываетъ Аберкромби,
служившій кассиромъ въ одномъ изъ главнѣйшихъ глазо-
говскихъ банковъ, находился въ конторѣ, когда къ нему
обратилось одно лицо, требуя уплаты шести фунтовъ. Въ
конторѣ находилось нѣсколько лицъ, явившихся раньше и
дождавшихся очереди; но этотъ господинъ былъ такъ на-
зойливъ, такъ шумѣлъ, въ особенности же такъ надоѣлъ
всѣмъ своимъ заиканіемъ, что одинъ изъ присутствующихъ
попросилъ кассира удовлетворить его, чтобы поскорѣй отъ
него избавиться. Кассиръ исполнилъ просьбу съ нетерпѣ-
ливымъ жестомъ и не сдѣлалъ у себя отмѣтки объ уплатѣ.
Къ концу года—спустя восемь или девять мѣсяцевъ—ока-
залась трудность въ подведеніи счетовъ: недоставало шести
фунтовъ. Мой пріятель въ продолженіи нѣсколькихъ дней и
ночей старался открыть причину дефицита, но безуспѣшно.
Усталый, онъ вернулся домой, легъ спать и увидѣлъ во
снѣ, что находится въ конторѣ, что къ нему является заика
и всѣ обстоятельства этого случая всплыли передъ нимъ
съ замѣчательной ясностью. Онъ просыпается съ мыслью
объ этомъ сновидѣніи и въ надеждѣ, что ему удастся от-
крыть то, что онъ такъ долго и безуспѣшно старался выяс-

нить. Порывшись въ книгахъ, онъ дѣйствительно нашелъ,
что выданная заикѣ сумма не была внесена въ счетную
книгу и что она въ точности соответствовала дефициту“¹⁾.

Въ приведенномъ случаѣ то, что спящій открылъ, бла-
годаря сновидѣнію, было, въ сущности говоря, ему извѣстно,
но воля его долгое время была не въ силахъ пробудить
воспоминаніе, погребенное въ тайникахъ памяти. Такъ какъ
однако же, умъ его былъ сильно занятъ этимъ обстоятель-
ствомъ и долгое время напряженно работалъ въ одномъ и
томъ же направленіи, то мозговья клѣточки, въ которыхъ
сохранились ряды образовъ, связанныхъ съ предметомъ его
поисковъ, должны были благодаря этой работѣ, на первый
взглядъ непроизводительной, перейти въ дѣятельное со-
стояніе и вызвать въ сознаніи ясное представленіе о фактѣ,
упорно ускользавшемъ отъ вниманія въ состояніи бодр-
ствованія.

Пророческіе сны. Сновидѣнія къ анализу которыхъ
мы теперь переходимъ, возникаютъ подобно сновидѣніямъ
предшествующей категоріи, благодаря сосредоточенію вни-
манія на извѣстномъ вопросѣ и въ высокой степени воз-
буждаютъ любопытство публики влѣдствіе представляемаго
ими повидимому пророческаго характера. Въ этомъ вопросѣ,
какъ и во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ проявляется чу-
десный элементъ въ какой бы то ни было степени, лица,
занимающіяся ими, дѣлятся, смотря по складу ихъ мысли,
на два различныхъ лагеря. Одни съ болѣе или менѣе зна-
чительными оговорками допускаютъ присутствіе чудеснаго
элемента. Другіе отвергаютъ этотъ элементъ безусловно и
отказываются признать достовѣрность фактовъ, къ которымъ
онъ примѣшивается. Ошибаются, по нашему мнѣнію, и тѣ
и другіе. Если въ естественно-научномъ трудѣ приводятся
извѣстные факты и у насъ нѣтъ никакого основанія сомнѣ-
ваться въ правдивости наблюдателя и его умѣніи подмѣ-
чать явленія, то мы должны признать ихъ достовѣрность и
это нисколько не обязываетъ насъ объяснять ихъ при по-

¹⁾ Brierre de Boismont, *Des Hallucinations*, 3-me édition, Paris 1862

мощи гипотезъ, идущихъ въ разрѣзъ съ точными научными данными. Будучи убѣжденъ, что работающій въ извѣстной области науки не имѣетъ ни въ какомъ случаѣ права замалчивать относящіяся сюда факты, я приведу нѣсколько сновидѣній, трудно поддающихся истолкованію. Прежде всего, я разсмотрю сновидѣнія, въ которыхъ при несомнѣнно-пророческомъ ихъ характерѣ мы въ состояніи, однако же, открыть условія, сдѣлавшія предвидѣніе въ этой формѣ возможнымъ.

Факты и теоріи. Сновидѣнія, предсказывающія спящему наступленіе извѣстнаго событія и оправдывающіяся на дѣлѣ, вообще говоря, довольно рѣдки и, въ сущности, могутъ быть объяснены простымъ совпадениемъ. Въ самомъ дѣлѣ, различные образы представляются людямъ въ формѣ сновидѣній миллиардами и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что среди безконечно разнообразныхъ комбинацій, въ которыхъ является это громадное число образовъ, нѣкоторыя обнаруживаютъ соотвѣтствіе съ фактами дѣйствительной жизни. Сказаннаго было бы уже достаточно, чтобы ограничить участіе въ данномъ случаѣ чудеснаго элемента; введеніе этого элемента, мы надѣемся, окажется совершенно излишнимъ, когда мы выяснимъ условія, при которыхъ болѣею частью являются эти сновидѣнія; они войдутъ тогда въ категорію сновъ, возникающихъ благодаря напряженной работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько ближе разсмотрѣть сновидѣнія, которымъ приписывается пророческій характеръ, мы увидимъ, съ одной стороны, что лица, видѣвшія эти сны, находились въ тотъ моментъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ заботъ или напряженнаго ожиданія. Съ другой стороны, мы можемъ легко убѣдиться въ томъ, что открытые въ сновидѣніи факты, предсказанныя ими событія могли быть предусмотрѣны спящими на основаніи извѣстныхъ имъ обстоятельствъ или особенностей дѣйствительно совершившагося событія.

Я припоминаю довольно грустный случай, сообщенный мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и сохранившійся въ моей памяти, какъ одинъ изъ самыхъ очевидныхъ примѣровъ

того, какъ просто и естественно возникаютъ нѣкоторыя сновидѣнія, подтверждаемая вполнѣ событіями. Вотъ этотъ фактъ со всеми подробностями, ясно сохранившимися въ моей памяти.

Одна дама, жившая въ Кохинхинѣ, должна была уѣхать изъ Сайгуна на правительственной канонеркѣ, совершавшей тогда рейсы между главнымъ городомъ и внутренними городами колоніи. Впродолженіе всей ночи, предшествовавшей отъѣзду, она видѣла во снѣ кораблекрушенія и пожары; эти сновидѣнія прерывались вкрикиваніями, она просыпалась въ ужасѣ; потомъ, засыпая снова, она опять видѣла взлетающія на воздухъ суда, тонущіе корабли, пассажировъ, борющихся съ волнами. Отъѣздъ, тѣмъ не менѣе, состоялся. Но путешествіе принадлежало къ числу самыхъ несчастныхъ: паровой котелъ канонерки лопнулъ, дама получила страшные ожоги и умерла въ жестокихъ страданіяхъ.

Описанный фактъ достовѣренъ, въ сновидѣніи явственно выраженъ пророческій характеръ, такъ какъ, къ несчастью, предсказанная имъ катастрофа произошла дѣйствительно. Какой же выводъ можемъ мы на основаніи этого сдѣлать? Гдѣ искать объясненія—въ сверхъестественномъ вмѣшательствѣ или случайномъ совпадении? И то и другое оказывается въ данномъ случаѣ несоотвѣтствующимъ обстоятельствамъ. Фактъ объясняется крайне просто и съ этимъ согласится, по всей вѣроятности, читатель, когда я ему скажу, что о крайне плохомъ состояніи паровыхъ котловъ на правительственныхъ канонеркахъ все въ колоніи знали. Вполнѣ основательныя опасенія столь несчастно погибшаго лица и были причиною образовъ, являвшихся во снѣ въ теченіи всей ночи, предшествовавшей отъѣзду.

Въ приведенномъ случаѣ обстоятельства, вызвавшія сонъ, бросались въ глаза невольно. Въ фактахъ, которые я приведу ниже, эти обстоятельства ускользаютъ отъ насъ или, по крайней мѣрѣ, выступаютъ не такъ отчетливо. Слѣдуетъ ли по этому умолчать объ этихъ фактахъ и фактахъ той же категоріи? Ни въ коемъ случаѣ. Мы пытаемся только дать имъ удовлетворительное объясненіе,

избѣгая, какъ мы сказали выше, всякихъ рискованныхъ гипотезъ, оставаясь въ границахъ законной индукціи. Вотъ одно сно идѣніе такого рода:

У пастора Ульричи былъ другъ, исполнявшій тѣ же обязанности въ сосѣдней деревнѣ. Послѣдній сказалъ разъ Ульричи, что убѣжденъ въ близости своей смерти, несмотря на то, что совершенно здоровъ. Ульричи отнесся съ недо-вѣріемъ къ словамъ друга, потомъ пытался успокоить его. Нѣсколько дней спустя, Ульричи видитъ во снѣ, что лошадь, на которой ѣдетъ его другъ, понесла, что другъ его падаетъ и разбиваетъ себѣ голову о дерево на хорошо знакомой ему дорогѣ. Онъ просыпается въ слезахъ. Весь день онъ въ крайнемъ волненіи и убѣжденъ, что другъ его умеръ. Жена смѣется надъ нимъ и, стараясь развлечь, уводитъ его гулять. Уходя изъ дому, они говорятъ прислугѣ, по какой дорогѣ пойдутъ, такъ какъ Ульричи убѣжденъ, что за нимъ пришлютъ изъ сосѣдней деревни. Возвращаясь домой, они встрѣчаютъ на дорогѣ горничную, которая говоритъ Ульричи, что его зовутъ въ сосѣднюю деревню на крестины. Черезъ нѣсколько минутъ все выяснилось: другъ его умеръ въ пять часовъ вечера точь въ точь такъ, какъ снилось Ульричи утромъ въ шесть часовъ ¹⁾.

Вотъ и другой извѣстный фактъ въ томъ же родѣ: Однажды ночью принцессѣ Конти снилось, что одинъ изъ апартаментовъ ея дворца готовъ обрушиться и что ея дѣтямъ, спавшимъ тамъ, угрожаетъ опасность быть похороненными подъ развалинами. Она вся дрожитъ отъ ужаса, просыпается, зоветъ дамъ, спавшихъ въ уборной, рассказываетъ имъ свой сонъ и приказываетъ принести дѣтей къ ней. Тѣ сопротивляются и стараются убѣдить принцессу старинной поговоркой: „tous songes sont mensonges“ (все сны обманчивы), но принцесса настаиваетъ на своемъ. Гувернантки и кормилицы дѣлаютъ видъ, что готовы исполнить ея приказаніе, но тотчасъ же возвращаются назадъ и заявляютъ, что маленькіе принцы спятъ спокойнымъ сномъ.

¹⁾ Moritz приведено у Tissot.

что будить ихъ теперь было бы грѣшно. Принцесса, видя ихъ упрямство и подозрѣвая, что отъ нея хотятъ скрыть случившееся уже несчастье, приказываетъ подать себѣ платье. Тогда только дамы отправляются за принцами; не успѣли онѣ внести ихъ въ комнату матери, какъ потолокъ въ ихъ спальнѣ обрушился ¹⁾.

Какъ объяснить эти факты? Мы не находимъ здѣсь ни одного обстоятельства, которое могло бы дать ключъ къ пониманію этихъ сновидѣній, оказавшихся столь согласными съ дѣйствительностью. Между тѣмъ сны эти разсказаны подробно и можно думать, что, если бы разсказчику было извѣстно какое либо обстоятельство, могущее пролить свѣтъ на происхожденіе сновидѣнія, оно было бы приведено. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что рациональное истолкованіе этихъ сновидѣній возможно, если мы приведемъ ихъ въ связь съ другимъ любопытнымъ фактомъ интеллектуальной жизни, извѣстнымъ подъ именемъ предчувствія.

Предчувствіе. Къ предчувствію часто относилсь скептически. Трудно, однако же, закрывать глаза на извѣстные факты, речательствомъ въ достовѣрности которыхъ является искренность и уметвенное развитіе наблюдавшаго лица. Вотъ въ обѣломъ обзорѣ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ:

Одинъ молодой врачъ, предполагавшій навѣстить своихъ родителей, встрѣтилъ двухъ офицеровъ и условился отправиться вмѣстѣ съ ними въ почтовой каретѣ. Когда они уже сѣли въ карету, какая то сверхъестественная сила ²⁾ удержала врача. Его спутники замѣтили ему, что онъ сильно измѣнился въ лицѣ, и онъ отвѣтилъ, что не можетъ сѣсть въ карету. Тѣ хотѣли его посадить, но врачъ на-отрѣзъ отказался и заявилъ, что остается въ городѣ. Не успѣли они уѣхать, какъ препятствіе, помѣшавшее врачу

¹⁾ Подобныя же сновидѣнія мы находимъ у *Светонія*, Жизнь Августа, у *Цицерона*, de Divinatione, у *Валерія Максима* и др.

²⁾ Рѣчь здѣсь идетъ, очевидно, объ эмоціи, вызванной предчувствіемъ несчастья и, такъ сказать, парализовавшей путешественника.

продолжать путешествіе, исчезло. При первой же возможности онъ отправился въ дальнѣйшій путь. Подъѣзжая къ Эльбѣ, онъ замѣтилъ толпу народа — ему рассказали, что карета съ лошадьми упала въ воду и оба офицера утонули (Тиссо, loc. cit.).

Однажды аббатъ де-Монморенъ, войдя въ церковь св. Людовика и опустившись на колѣни, почувствовалъ вдругъ непреодолимую потребность перейти на другое мѣсто. Онъ сначала сопротивлялся, но внутреннее чувство все нарастало и становилось все настойчивѣе, такъ что онъ наконецъ уступилъ и перешелъ на другой конецъ церкви. Въ ту же минуту отъ сводовъ оторвался камень и упалъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ аббатъ.

Одной моей знакомой, отправившейся въ гости въ деревню, расположенную довольно далеко отъ имѣнія, въ которомъ она жила, пришла вдругъ въ голову мысль, что сестра ея, которую она оставила совершенно здоровой, опасно больна. Она тотчасъ же вернулась домой и узнала, что у сестры было сильное кровохарканье, вызвавшее опасенія за ея жизнь.

Извѣстно, что Сведенборгу, находившемуся тогда далеко отъ Стокгольма, пришла въ голову мысль, что въ Стокгольмѣ пожаръ. Дѣйствительно, въ это самое время Стокгольмъ былъ охваченъ пожаромъ.

Мнѣ извѣстенъ одинъ фактъ того же рода. Отецъ мой послѣ нѣсколькихъ часовъ отсутствія возвращался домой, какъ вдругъ у него явилась мысль, которой онъ никакъ не могъ отогнать отъ себя, что у него въ домѣ пожаръ. Онъ ускоряетъ шаги и встрѣчаетъ знакомаго, который сообщаетъ ему, что въ самомъ дѣлѣ полчаса тому назадъ у него загорѣлся домъ.

Что сказать по поводу этихъ фактовъ? Можно ли ихъ объяснить однимъ совпаденіемъ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это не подлежитъ сомнѣнію, въ другихъ — приписать все случайному совпаденію нельзя и однако же дать этимъ фактамъ объясненіе возможно. Въ самомъ дѣлѣ, оставаясь

на строго-научной точкѣ зрѣнія, мы имѣемъ полное право допустить, что *известныя сужденія*, опирающіяся на безсознательно усвоенныя нами представленія, *формируются, вырабатываются въ тайникахъ мозга, причемъ до сознанія доходитъ только конечный результатъ этого процесса* — заключеніе, и эти вполне законченныя сужденія, опирающіяся на доводы и послышки, которыхъ мы не знаемъ, кажутся намъ интуиціями и производятъ впечатлѣніе чего то сверхъестественнаго. Факты этого рода встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу, мы не замѣчаемъ ихъ только благодаря ихъ обыденности. Какъ часто при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ является у насъ въ первую же минуту представленіе о роли, которую оно будетъ играть въ нашей жизни! Какъ часто въ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ мы дѣйствуемъ, не сообразуясь съ представленіями внѣшней логики и какъ часто результатъ оправдываетъ наше рѣшеніе! Всякій изъ насъ слышалъ о врачебномъ тактѣ, о чутьѣ, объ интуиціяхъ полководца и государственнаго дѣятеля, а вѣдь, все это — результатъ безсознательныхъ интуицій, возникшихъ, благодаря привычкѣ рѣшать вопросы извѣстнаго рода. Что всего любопытнѣе, если вы спросите лицо, у котораго составилъ подобный интуитивный взглядъ, на чемъ онъ основанъ, — оно не сумѣетъ вамъ отвѣтить. Положительныхъ свѣдѣній въ этой области у насъ, конечно, очень мало, но мнѣ кажется, что въ разсматриваемой категоріи случаевъ мы часто имѣемъ дѣло съ безсознательной работой мозга и предчувствіе представляетъ собой не что иное, какъ *результатъ сужденія, безсознательно выработаннаго и опирающагося на данныя, приобретенныя точно также безсознательнымъ путемъ*. Для насъ очевидно, что лица, у которыхъ являлись предчувствія, приведенныя нами выше, составили себѣ извѣстныя представленія о различныхъ предметахъ и обстоятельствахъ, не обратившія на себя ихъ вниманія, но сложившіяся благодаря безсознательной дѣятельности мозга въ интуицію, выступившую передъ ихъ сознаніемъ съ яркостью

очевидной истины. Точно также намъ не трудно будетъ прійти къ заключенію, что пророческіе сны, о которыхъ мы говорили въ концѣ, представляютъ безсознательныя сужденія, выводъ изъ которыхъ является въ формѣ сновидѣнія съ обычными спутниками совершающейся при этихъ условіяхъ умственной работы—чувственными образами.

ГЛАВА V.

Зрительная галлюцинація. — Физиологическая теорія галлюцинаціи.

Сновидѣніе и галлюцинація всегда возбуждали любопытство людей, хоть сколько нибудь интересующихся психологіей. Философы и психіатры старались проникнуть въ сущность и механизмъ этихъ явленій, чѣмъ и объясняется многочисленность сочиненій, трактующихъ о сновидѣніи и галлюцинаціяхъ. Особенно послѣднія, въ качествѣ одного изъ частыхъ спутниковъ помѣшательства, составляютъ предметъ многочисленныхъ сочиненій, изобилующихъ добросовѣстно и терпѣливо собранными наблюденіями. Мы будемъ черпать изъ этого богатаго и драгоцѣннаго запаса наблюденій, хотя преимущественно будемъ пользоваться по возможности фактами личнаго опыта.

Предварительно однако же считаемъ нужнымъ дать опредѣленіе галлюцинаціи и постараемся сдѣлать это, не теоретизируя, не прибѣгая къ метафизическимъ построеніямъ. Мы скажемъ поэтому только, что галлюцинація есть чувственное воспріятіе въ отсутствіи внѣшняго объекта, который могъ бы вызвать это воспріятіе.

Галлюцинаціи возможны — хотя и не въ одинаковой степени — въ сферѣ всѣхъ чувствъ. Чаще всего встрѣ-

чаются галлюцинаціи зрѣнія, слуха и общаго чувства, менѣе часты галлюцинаціи вкусовыя и обонятельныя.

Прежде всего мы займемся галлюцинаціями зрѣнія, наиболѣе любопытными и интересными.

Зрительная галлюцинація. Уже при самомъ поверхностномъ изслѣдованіи можно убѣдиться, что содержаніе зрительныхъ образовъ, воспринимаемыхъ галлюцинантомъ, различно въ зависимости отъ душевной организаціи индивида, — что спеціальныя условія, при которыхъ развилось помѣшательство, могутъ оказывать рѣзкое вліяніе на характеръ галлюцинаторныхъ образовъ, — и наконецъ, что эти образы варьируютъ въ зависимости отъ рода бредовыхъ представленій, которымъ подверженъ галлюцинирующій.

Разсмотримъ эти различные случаи.

При самыхъ разнообразныхъ формахъ помѣшательства нерѣдко возможно бываетъ убѣдиться, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ галлюцинацій больного носятъ на себѣ спеціальныя отпечатки его профессіи, его привычныхъ занятій. Я хорошо помню одного эпилептика, котораго я лечилъ и который вслѣдствіе несчастъ, но сильныхъ припадковъ эпилепсіи впалъ въ маниакальное состояніе съ бредомъ и зрительными галлюцинаціями. Онъ видѣлъ обыкновенно треугольники, квадраты, ромбы, всевозможныя геометрическія фигуры. Больной занимался плотничествомъ и ему приходилось не разъ имѣть дѣло съ этими фигурами. — Другой больной, находившійся на моемъ попеченіи, торговалъ долгое время кожами. Онъ страдалъ общимъ параличемъ и, какъ часто бываетъ у паралитиковъ, впадалъ время отъ времени въ возбужденное состояніе, сопровождавшееся галлюцинаціями, причемъ послѣднія очень часто состояли изъ бычачьихъ кожъ, валявшихся грудами у его кровати.

Маньякъ, отмѣтившій, какъ часто содержаніе галлюцинаторныхъ видѣній имѣетъ связь съ профессіей больного, сообщаетъ нѣсколько случаевъ, которые я позволю себѣ привести здѣсь. Одинъ изъ больныхъ Маньяна, овощный торговецъ по профессіи, видѣлъ на полу кругомъ себя цвѣт-

ную капусту, щавель и редиску и осторожно ступалъ, чтобы не раздавить ихъ ногами; пастухъ видѣлъ своихъ овецъ и коровъ и звалъ ихъ; торговцу голубями казалось, будто въ рукахъ у него голубь, и онъ заставлялъ его проглотить нѣсколько зеренъ. Маньякъ упоминаетъ также о кабатчицѣ, которая давала отвѣты покупателямъ, просила ихъ обождать, подавала имъ вино, — о столярѣ, вообразившемъ будто на голову и спину ему падаютъ доски, которыя онъ усиливается сложить на телѣгу. Наконецъ, одна проститутка видѣла въ галлюцинаціяхъ сцены разврата, напоминавшія ей объ ея печальномъ ремеслѣ¹⁾.

Факты эти крайне любопытны. Они указываютъ, что галлюцинація часто бываетъ связана съ привычками больного, и мы найдемъ это вполне естественнымъ, когда познакомимся съ механизмомъ и интимной природой мнимощущеній. Эта тѣсная связь между галлюцинаціями и привычными занятіями больного выступитъ еще яснѣе, когда мы обратимъ вниманіе на различіе въ содержаніи галлюцинаторныхъ видѣній у людей средняго умственного уровня и лицъ, посвятившихъ себя научнымъ занятіямъ и литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ разительный контрастъ между вульгарнымъ характеромъ образовъ, явившихся галлюцинантамъ изъ больницы св. Анны, о которыхъ мы говорили выше, и грандіозными видѣніями, проходившими передъ глазами описаннаго Фальре больного съ высокимъ умственнымъ развитіемъ.

Больной этотъ, среднихъ лѣтъ, съ богатымъ воображеніемъ и выдающимся умомъ вообразилъ однажды лѣтомъ, во время сильныхъ жаровъ, будто онъ присутствуетъ при созданіи міра. Онъ находился на вершинѣ высокой башни, царилъ надъ всею природою и созерцалъ силы, участвовавшія въ созданіи міра. Въ воображеніи его міръ создавался почти также, какъ описано въ Св. Писаніи, но сюда примѣшивались и легендарные образы вродѣ тѣхъ, которыми

¹⁾ Magnan. *De l'Alcoolisme et des diverses formes de délire alcoolique.* Paris 1874.

полны произведения Востока и нѣкоторыя сказки „Тысячи и одной ночи“. Такъ, на вершинѣ башни, на которой онъ находился, жили гени и феи, улетавшія отсюда, чтобы вдохнуть жизнь въ природу и служить въ различныхъ мірахъ исполнителями велѣній Всевышняго. Рядомъ съ нимъ лежали два громадныхъ яйца, которыя, находясь на верхушкѣ башни, согрѣвались солнечными лучами; изъ этихъ яицъ вышли мужчина и женщина, несравненно болѣе совершенные, чѣмъ люди, которыхъ мы видимъ: подобные небожителямъ, они сіяли юностью и бессмертіемъ и могли уноситься на крыльяхъ къ небесамъ. Его окружали птицы и четвероногія громадныхъ размѣровъ, удивлявшія его разнообразіемъ формъ и красокъ и нерѣдко пугавшія его, такъ какъ въ ихъ числѣ были львы, тигры и другіе хищные звѣри. Онъ видѣлъ также Бога—Отца въ видѣ почтеннаго старца, исполненнаго могущества и жизни. Богъ воссѣдалъ на пышномъ тронѣ, помѣщавшемся на уступѣ башни, и окруженный гениями и ангелами отдавалъ имъ свои повелѣнія. Когда они удалилось, Богъ остался одинъ, окруженный свѣтлымъ сіяніемъ; вблизи Его сверкали звѣзды, а въ рукахъ у Него была большая книга, въ которой были записаны судьбы человѣчества. Онъ напоминалъ тогда прекрасный ликъ Господа въ „Созданіи міра“ Рафаэля и изображеніе Бога всѣхъ міровъ, данное авторомъ *Генриады*. Исполнители Господнихъ велѣній, гени, ангелы и феи слетались къ башнѣ и улетали съ нея въ различныя части вселенной, неся туда свѣтъ и жизнь. Больной видѣлъ, какъ они то поднимаются къ небу и плывутъ въ его лазури среди звѣздъ и планетъ, то тихо возвращаются на прежнее мѣсто. Они являлись ему въ разнообразныхъ формахъ, какія придаетъ имъ поэзія,—одни по облику походили на людей, другіе были великолѣпными птицами или представляли оригинальныя формы и сложение. Они говорили и обладали высокимъ умомъ. Языка, на которомъ они говорили, больной не могъ припомнить, но онъ отчетливо помнилъ, что жилъ въ этомъ фантастическомъ мірѣ, на высокой башнѣ, висѣвшей въ безпредѣльномъ про-

странствѣ, что его качали благоухающіе вѣтерки, а ослѣпительный свѣтъ позволялъ ему различать движеніе небесныхъ свѣтилъ вблизи того мѣста, гдѣ онъ находился ¹⁾).

Читатель видитъ, какъ видоизмѣняется галлюцинація въ связи съ предшествовавшимъ образомъ жизни, привычными занятіями и уровнемъ умственной жизни больного.

Часто можно убѣдиться, что галлюцинація тѣсно связана съ вызвавшей ее причиной. Всѣмъ извѣстна исторія „бездны“ Паскаля ²⁾). Приведемъ нѣсколько другихъ примѣровъ, указывающихъ на существованіе тѣсной связи между содержаніемъ галлюцинаціи и причиной, вызвавшей послѣднюю.

Одинъ мальчикъ подъ вліяніемъ страха, наведеннаго на него нашествіемъ пруссаковъ, сталъ страдать эпилептическими припадками и былъ помѣщенъ въ психіатрическую лечебницу, такъ какъ у него послѣдовательно развились маниакальные приступы и эпилептическіе припадки стали очень часты. Къ тому времени, когда мальчикъ былъ отданъ въ лечебницу, припадки наблюдались у него въ неопредѣленные промежутки времени. Вскорѣ они приняли перемежающійся характеръ, потомъ исчезли и смѣнились галлюцинаціями ужасающаго характера. Въ этихъ галлюцинаціяхъ больному случалось видѣть толпу прусскихъ солдатъ, окружавшихъ его съ угрожающими жестами. Мальчикъ впадалъ при этомъ въ неописуемый ужасъ, убѣгалъ и съ громкими криками мчался по двору своего павильона.

Въ настоящее время въ бронскомъ заведеніи для душевно-больныхъ находится больной, который сошелъ съ ума во время путешествія по Англіи отъ сильнаго испуга, вызваннаго угрожавшей ему опасностью. Онъ проходилъ во время густого тумана по какой-то улицѣ Лондона и едва не былъ раздавленъ локомотивомъ. Въ галлюцинаціяхъ,

¹⁾ Falret. *Des maladies mentales et des maisons d'Aliénés*, Paris 1854, p. 247

²⁾ См. Lélut, *l'Amulette de Pascal*.

являющихся у него довольно часто, больной этот видит всегда фонарь локомотива, чуть было не раздавившаго его.

Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ я наблюдалъ въ одной общественной лечебницѣ молоденькую дѣвушку, галлюцинаціи которой также представляли тѣсную связь съ вызвавшей ихъ причиной. Эта дѣвушка лишилась разсудка подъ вліяніемъ угрожавшей ей насильственной смерти; въ преслѣдовавшихъ ее галлюцинаціяхъ несчастная постоянно видѣла кулакъ и руку человѣка, покушавшагося ее убить. Мы увидимъ ниже, какому любопытному видоизмѣненію подверглось это мнимо-ощущеніе.

Я могъ бы привести еще больше примѣровъ, но и приведенныхъ фактовъ, кажется мнѣ, достаточно, чтобы признать, что галлюцинація часто стоитъ въ тѣсной связи съ вызвавшей ее причиной.

Слѣдующій вопросъ, естественно представляющійся уму, состоитъ въ слѣдующемъ: видоизмѣняется ли галлюцинація въ связи съ различіемъ въ характерѣ помѣшательства, — другими словами, существуютъ ли галлюцинаціи специфическія для той или иной формы помѣшательства? До извѣстной степени на вопросъ этотъ можно отвѣтить утвердительно. Извѣстно, что больные, страдающіе религіознымъ помѣшательствомъ, часто видятъ въ галлюцинаціяхъ Бога, Богоматерь, ангеловъ и т. д. Эти образы обыкновенно соотвѣтствуютъ типамъ, созданнымъ живописцами и скульпторами, или описаніямъ, содержащимся въ духовныхъ книгахъ.

Больной, котораго я лечилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и помѣшательство котораго носило явственно выраженный религіозный отбѣнокъ, часто видѣлъ Пресвятую Дѣву въ образѣ прекрасной женщины величественнаго вида съ кроткимъ и доброжелательнымъ взглядомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣшанному является образъ Бога, онъ видитъ его обыкновенно въ формѣ прекраснаго старца со строгимъ лицомъ, — но можетъ быть еще чаще образъ представляющій, по мнѣнію больного, Верховное Существо.

состоитъ въ ослѣпительномъ сіяніи. Изъ этого сіянія исходятъ обыкновенно не голоса, а внушенія.

Въ тѣхъ формахъ помѣшательства, когда больной воображаетъ, будто онъ одержимъ бѣсомъ, при демоніи — больнымъ часто является дьяволъ въ различныхъ видахъ. Здѣсь, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, галлюцинаторный образъ соотвѣтствуетъ сложившемуся у больного представленію о личности, являющейся объектомъ его бредовыхъ представлений. Образы святыхъ личностей благородны и величественны; образъ духа тьмы уродливъ, внушаетъ отвращеніе и ужасъ.

Не всегда, впрочемъ, образъ дьявола имѣетъ отталкивающій видъ. Совершенно иное видимъ мы въ тѣхъ случаяхъ, когда у демоніановъ къ галлюцинаціямъ зрительнымъ примѣшиваются галлюцинаціи въ сферѣ полового чувства, — главнымъ образомъ, у женщинъ. Обликъ демона бываетъ въ этихъ случаяхъ нерѣдко обаятеленъ. У Бриеръ-де-Буамона мы находимъ нѣсколько наблюденій надъ случаями демоніи, гдѣ дьяволъ являлся не въ обычномъ, уродливомъ видѣ. Приведемъ одно мѣсто, относящееся къ разсматриваемому нами вопросу. „Въ Нантѣ жила одна несчастная женщина, которую преслѣдовалъ дьяволъ, исполненный наглости. Онъ явился ей въ образѣ духа прекрасной наружности. Скрывая свои преступныя намѣренія, онъ хитростью, при помощи льстивыхъ рѣчей, добился того, что душа несчастной стала благосклонно относиться къ его страсти. Получивъ ее согласіе, онъ взялъ ноги несчастной въ одну руку и, положивъ другую руку ей на голову, такъ сказать, обвинчался съ нею посредствомъ этихъ символовъ близкихъ отношеній. Мужъ несчастной, благородный дворянинъ, ничего не подозрѣвалъ объ этой преступной связи. Нечистый, всегда остававшійся незримымъ, любовникъ поддерживалъ съ нею связь на той же кровати, на которой спалъ ее супругъ, и изнурялъ ее своимъ невѣроятнымъ распутствомъ и т. д.“¹⁾

¹⁾ Briere de Boismont. *Des Hallucinations*, 3-me édition, Paris. 1862.

Въ настоящее время демономанія, особенно въ той уродливой и чудовищной формѣ, въ которой она была такъ распространена въ средніе вѣка, стала явленіемъ несравненно менѣе частымъ, а потому и галлюцинаторныя видѣнія въ родѣ вышеописанныхъ встрѣчаются крайне рѣдко даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рядомъ съ зрительными галлюцинаціями являются галлюцинаціи въ сферѣ полового чувства. Болѣе того. Въ настоящее время въ этихъ случаяхъ образъ любовника внушаетъ чувство гадливости и отвращенія, а половое ощущеніе, испытываемое галлюцинанткой, не только не связано съ удовольствіемъ, но напротивъ того крайне мучительно. Наконецъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда образъ любовника привлекателенъ, половое ощущеніе нерѣдко бываетъ почти болѣзненно, и больныя со страхомъ ожидаютъ его наступленія. Одинъ случай въ этомъ родѣ я наблюдалъ въ Бронѣ еще недавно.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ въ настоящее время формъ помѣшательства, при которой галлюцинаціи крайне многочисленны и часты, это—*бредъ преслѣдованія*. Зрительныя галлюцинаціи, уступаая здѣсь по частотѣ появленія галлюцинаціямъ слуха, встрѣчаются все-таки не рѣдко. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ встрѣчаемъ, галлюцинаціи эти носятъ ужасающій характеръ, и составляющіяся изъ нихъ сцены тѣсно связаны съ бредомъ помѣшаннаго; это, такъ сказать,—воплощеніе въ образахъ его тревогъ и опасеній. Въ одномъ случаѣ, хорошо сохранившемся въ моей памяти, помѣшанный постоянно видѣлъ отыскивавшихъ его жандармовъ. Онъ видѣлъ ихъ кепи на уровнѣ подоконниковъ залы, въ которой онъ находился. Зрительныя галлюцинаціи сопровождалась галлюцинаціями въ слуховой сферѣ.—Другой больной, страдавшій той же формой помѣшательства, видѣлъ всюду полицейскихъ агентовъ, выслѣживавшихъ его съ тѣмъ, чтобы арестовать и посадить въ тюрьму.

Прибавимъ полноты ради, что нѣкоторые изъ страдающихъ бредомъ преслѣдованія,—обыкновенно страдающіе имъ давно—видя въ галлюцинаціяхъ людей, неодушевленные

предметы или животныхъ, даютъ себѣ, повидимому, отчетъ въ истинномъ характерѣ являющихся имъ видѣній и, объясняя себѣ ихъ появленіе согласно со своими бредовыми идеями, говорятъ, что ихъ преслѣдователи *устроили такъ*, чтобы предъ ними явились призраки, волшебныя картины и т. д.

Наконецъ, существуетъ форма помѣшательства, при которой очень часто являются галлюцинаціи въ видѣ странныхъ и страшныхъ животныхъ; эта—*бредъ алкоголиковъ*. Особенность зрительныхъ образовъ состоитъ здѣсь въ ихъ чрезвычайной подвижности: образы смѣняются чрезвычайно быстро, такъ что ихъ можно сравнить съ безконечно разнообразными фигурами калейдоскопа. Считаю излишнимъ останавливаться долѣе на этой особенностях, зависящей, по моему мнѣнію, не столько отъ природы самаго бреда, сколько отъ остроты его течения. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайная подвижность образовъ наблюдается, главнымъ образомъ, при остро протекающемъ алкогольномъ бредѣ.

Другая особенность бреда алкоголиковъ состоитъ въ слѣдующемъ. Если бредъ развился недавно, онъ, какъ извѣстно, протекаетъ часто въ формѣ маніи и излечивается довольно легко. Но послѣ ряда рецидивовъ болѣзнь, такъ сказать, организуется, бредъ систематизируется и страданіе становится неизлечимымъ. Эта систематизація бреда у алкоголиковъ крайне интересна, такъ какъ уясняетъ процессъ систематизаціи бреда вообще. Я изложилъ результатъ попытки, сдѣланной мною въ этомъ направленіи, въ своемъ отчетѣ по бронской психіатрической лечебницѣ за 1879 годъ. Процессъ систематизаціи совершается здѣсь, по моимъ наблюденіямъ, слѣдующимъ образомъ:

Маніакъ-алкоголикъ находится въ крайне возбужденномъ состояніи, подверженъ галлюцинаціямъ и импульсамъ всякаго рода. Онъ кричитъ, поетъ, совершаетъ насильственные поступки. Его отдають въ лечебницу. Здѣсь, благодаря леченію, а, быть можетъ, просто вслѣдствіе выдѣленія поглощеннаго организмомъ алкоголя,—припадки стихаютъ и больного выпускають на свободу. Новая изли-

шества вызываютъ вторичное появленіе тѣхъ же припадковъ и больного опять отдають въ лечебницу. За всякимъ новымъ рецидивомъ пьянства слѣдуетъ, такимъ образомъ, возвратъ болѣзненныхъ припадковъ и лишеніе свободы. Последняго алкоголикъ боится страшно и скоро начинаетъ не навидѣть родныхъ, благодаря которымъ онъ попадаетъ въ лечебницу. Это — его враги, и вскорѣ всѣ страданія, являющіяся у него влѣдствіе отравленія алкоголемъ, онъ начинаетъ сваливать на нихъ. Причина его галлюцинацій, страшныхъ видѣній, болѣзненныхъ ощущеній въ сферѣ общаго чувства — не въ алкоголь: онъ, по мнѣнію больного, всего менѣе тому виной. Всѣ эти ужасы — результатъ жестокихъ махинацій его родныхъ, мучащихъ и *преслѣдующихъ* его. Поэтому и рассказъ его о представляющихся ему галлюцинаціяхъ носить совершенно особый характеръ. Онъ не говоритъ, что видитъ змѣй, призраки и т. д. Онъ говоритъ, что его *заставляютъ видѣть* привидѣнія, змѣй, животныхъ всякаго рода. Такой характеръ пріобрѣтаетъ бредъ алкоголиковъ послѣ многократныхъ рецидивовъ и таково происхожденіе этого бреда.

Характеристика галлюцинацій при бредовыхъ идеяхъ мрачнаго свойства была бы недостаточно полна, если бы я не упомянулъ о трупяхъ, орудіяхъ пытки, лицахъ страшной наружности, являющихся душевно-больнымъ, страдающимъ *меланхоліей съ отупѣніемъ* (*Melancholia cum sturorē*). Я долженъ, однако, прибавить, что иллюзии ужасающаго характера встрѣчаются при этой формѣ душевнаго разстройства еще чаще, чѣмъ галлюцинаціи.

Итакъ, содержаніе галлюцинацій варьируетъ въ зависимости отъ содержанія бредовыхъ идей, и наблюдающаяся между ними связь крайне тѣснаго свойства. Галлюцинаціи перенимаютъ до нѣкоторой степени оттѣнокъ бреда. Прибавлю, что форма душевнаго разстройства также налагаетъ свой отпечатокъ на являющіяся при немъ галлюцинаціи. Мимолетныя и измѣнчивыя при маніи, онѣ несравненно упорнѣе и устойчивѣе при ограниченномъ, систематизированномъ помѣшательствѣ.

О способъ возникновенія галлюцинаторныхъ образовъ; о видоизмѣненіяхъ, которымъ они подвергаются: о способъ ихъ исчезновенія и о видѣ, въ которомъ они являются глазамъ галлюцинанта.

Если вѣрить рассказамъ больныхъ, страдавшихъ галлюцинаціями и къ которымъ вернулся рассудокъ, или свидѣтельству лицъ, которымъ являлись галлюцинаціи въ фізіологическомъ состояніи, галлюцинаторный образъ часто возникаетъ въ полѣ зрѣнія совершенно неожиданно. Это обстоятельство не должно удивлять насъ. Внезапность, съ какой возникаютъ галлюцинаторные образы, представляетъ черту, присущую, повидимому, мозговой динамикѣ вообще. Аналогичные факты мы встрѣчаемъ и въ нормальной, фізіологической дѣятельности мозга. Если вы стараетесь припомнить какое нибудь слово и послѣ тщетныхъ усилій отказываетесь отъ дальнѣйшихъ поисковъ, то вы не рѣдко припоминаете его внезапно, среди мыслей совершенно иного порядка. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ, но обыкновенно упускаютъ изъ виду, что въ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, мы имѣемъ дѣло также съ образомъ, — правда, образомъ особаго рода, но все-жъ таки образомъ. Все различіе въ томъ, что въ данномъ случаѣ явленіе принадлежитъ къ числу нормальныхъ и что символическій образъ не объективируется.

Въ томъ видѣ, какъ я выше описалъ, галлюцинаторный образъ возникаетъ въ полѣ зрѣнія тогда, когда болѣзнь уже сформировалась. Такъ же ли онъ возникаетъ въ самомъ началѣ заболѣванія? Разсмотрѣніе этого вопроса не лишено интереса.

Судя по рассказамъ больныхъ, очень часто галлюцинація возникаетъ въ своемъ окончательномъ видѣ сразу. Это происходитъ, однакоже, не всегда, и есть случаи, когда различныя, прогрессивно развивающіяся, элементарныя разстройства предшествуютъ возникновенію вполне сложившейся галлюцинаціи. Я имѣлъ случай наблюдать больную, у которой дѣло, очевидно, шло такимъ образомъ. Дама эта сошла съ ума влѣдствіе огорченій всякаго рода. Разстройство ея началось съ ошибочныхъ воспріятій цвѣтовыхъ ощу-

щений. Матерія ярко-бѣлаго цвѣта представлялась ей совершенно сѣрой, диванъ, обитый зеленымъ бархатомъ, она видѣла окрашеннымъ въ совершенно иной цвѣтъ. Потомъ только, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія болѣзни, въ полѣ ея зрѣнія стали являться фантастическіе предметы съ опредѣленными контурами.

Мы знаемъ, что галлюцинаціи обладаютъ высокою степенью подвижности, и образы, входящіе въ ихъ составъ, только очень рѣдко остаются неизмѣнными. Важно, поэтому, узнать, какъ они замѣняются другъ друга. Довольно часто преобразование галлюцинаціи совершается путемъ послѣдовательной смѣны образовъ. По прошествіи различнаго промежутка времени — смотря по формѣ помѣшательства — одинъ образъ становится на мѣсто другого, первый образъ исчезаетъ и мѣсто его занимаетъ другой. Вотъ что можно замѣтить въ большинствѣ случаевъ. — Но иногда удается также подмѣтить особый видъ смѣны галлюцинаторныхъ образовъ, состоящей въ настоящей метаморфозѣ ихъ.

Маньякъ приводитъ свои наблюденія надъ одной больной, видѣвшей на стѣнѣ паутину, веревки, невода, петли которыхъ суживались и удлинялись. Въ центрѣ петель и внутри сѣтей появлялись черные шары, которые сначала раздувались, а потомъ, уменьшаясь, принимали видъ крысъ, кошекъ и т. д., просекаивавшихъ сквозь сѣти, прыгавшихъ на кровать больной и исчезающихъ ¹⁾.

Вотъ другой примѣръ такого преобразования галлюцинаторныхъ образовъ, наблюдавшійся мною и еще болѣе интересный.

Наблюдавшаяся мною больная была дѣвушка, потерявшая, какъ я уже говорилъ выше, рассудокъ влѣдствіе угрожавшей ей насильственной смерти. Какъ помнитъ читатель, она всегда видѣла кулакъ и руку человѣка, покушавшагося ее убить. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія болѣзни, галлюцинаторный образъ подвергся любопытному преобразованію: на кулакѣ убійцы появились два

глаза, рука необычайно вытянулась и въ концѣ концовъ галлюцинаторный образъ превратился въ змѣю.

Не измѣняя своихъ очертаній, галлюцинаторный образъ иногда увеличивается до необыкновенныхъ размѣровъ. Это измѣненіе образа не требуетъ прошествія извѣстнаго времени съ момента его возникновенія, — образъ вырастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ и наводитъ на больного ужасъ, вполне понятный читателю. Баллярже заимствуетъ у Бейля одинъ случай этого рода, дѣлающій вполне понятнымъ мучительное чувство, испытываемое больнымъ при такихъ мнимо-ощущеніяхъ. Больной видѣлъ въ галлюцинаціи паука обыкновенной величины. Скоро, однако же, паукъ начиналъ расти и, наконецъ, выросалъ до такихъ размѣровъ, что наполнялъ всю комнату галлюцинанта, который убѣгалъ въ ужасѣ.

Выше мы разсмотрѣли возникновеніе, смѣну и преобразование галлюцинаторныхъ образовъ. Посмотримъ, какъ они исчезаютъ.

Въ этомъ отношеніи не наблюдается однообразія. То образъ убѣгаетъ отъ галлюцинанта, который слѣдуетъ за нимъ и вдругъ замѣчаетъ, что галлюцинаторный образъ скрылся, исчезъ. Въ другихъ случаяхъ, по прошествіи извѣстнаго времени образъ становится менѣе яснымъ, блѣднѣетъ и, наконецъ, пропадаетъ.

Мы говоримъ здѣсь только объ исчезновеніи *даннаго образа*, а не о полномъ прекращеніи галлюцинацій вообще. Но и галлюцинаторное разстройство исчезаетъ тѣмъ же двоякимъ путемъ, какой мы видѣли при исчезновеніи отдѣльных галлюцинаторныхъ образовъ. Иногда, въ самомъ дѣлѣ, больной вдругъ перестаетъ видѣть пугавшіе его призраки; несравненно чаще, однако же, количество и яркость образовъ уменьшаются съ каждымъ днемъ и, наконецъ, больной освобождается отъ преслѣдовавшихъ его видѣній. Прибавлю, что внезапное исчезновеніе образовъ наблюдается въ случаяхъ съ крайне острымъ теченіемъ.

Что касается вида, въ какомъ являются больнымъ галлюцинаторные образы, то и тутъ тождества не замѣчается.

¹⁾ Magnan. *De l'Alcoolisme*. Paris, 1877, p. 56.

Одни видят образы съ яеными, опредѣленными, рѣзко очерченными контурами; цвѣтъ одежды призраковъ не уступаетъ по яркости цвѣтамъ реальныхъ предметовъ, а черты лица ихъ совершенно такія же, какъ у живыхъ людей. Другимъ галлюцинаторные образы являются какъ бы въ туманѣ, окутанные дымкой. Слѣдуетъ еще замѣтить, что обыкновенно больной видитъ галлюцинаторный образъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя.

Упомяну, наконецъ, что есть случаи, гдѣ для возникновенія галлюцинацій нужны, повидимому, извѣстные спеціальныя условія, особая обстановка. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего такого, что противорѣчило бы научнымъ даннымъ. Ограничиваюсь этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ имѣющіеся въ моемъ распоряженіи факты не обладаютъ достаточной степенью достовѣрности. Таковы обыкновенныя условія возникновенія зрительныхъ галлюцинацій у душевно-больныхъ.

Физиологическая природа зрительныхъ галлюцинацій.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого интереснаго вопроса, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ видѣ галлюцинацій, встрѣчающихся часто у людей совершенно нормальныхъ въ умственномъ отношеніи, — галлюцинацій, извѣстныхъ подъ именемъ *гипнагогическихъ*. Мюллеръ изучалъ на самомъ себѣ это явленіе, несравненно болѣе частое, чѣмъ можно было бы предположить. Бурдахъ также былъ знакомъ съ этой формой расстройства чувственныхъ воспріятіи, и нѣмецкій фізіологъ приводитъ нѣсколько интересныхъ наблюденій по этому предмету, между прочимъ наблюденіе Грюитхюйзена, которымъ мы займемся ниже ¹⁾). Наконецъ, въ болѣе близкую къ намъ эпоху изучали этотъ вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія — Бэллерже и Мори. Послѣдній называлъ эти галлюцинаціи гипнагогическими, такъ какъ онѣ являются въ томъ промежуточномъ между сномъ и бодрствованіемъ состояніи, которое знакомо всякому.

¹⁾ Burdach, *Traité de physiologie*, trad. par Jourdan. Paris 1839, t. V page 207.

Въ этой категоріи галлюцинацій образы обыкновенно отчетливы, но не всегда обладаютъ живостью и яркостью реальныхъ предметовъ; цвѣта, въ которые они окрашены, также не представляютъ яркости, наблюдаемой въ нѣкоторыхъ галлюцинаціяхъ душевно-больныхъ и приближающей ихъ къ сценамъ изъ дѣйствительной жизни. Образы, являющіеся здѣсь, представляютъ различные предметы — деревья, рѣчки, мебель и т. д., чаще, однако же, человѣческія фигуры; фигуры эти рѣдко бываютъ ярки и красивы, чаще онѣ тусклы и имѣютъ старческія черты лица. Образы въ гипнагогической галлюцинаціи возникаютъ внезапно, непроизвольно и по прошествіи нѣкотораго времени исчезаютъ, все болѣе и болѣе блѣднѣя и замѣняясь другими, пока наконецъ, не наступитъ полный сонъ или полное пробужденіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они воспроизводятъ фигуры и лица, видѣнныя наканунѣ, но это случается довольно рѣдко. Чаще передъ галлюцинантомъ проходятъ лица, которыхъ онъ никогда, насколько помнитъ, не встрѣчалъ, и которыя смѣняются какъ бы въ фантазмагоріи безъ всякаго участія воли. Гипнагогическія галлюцинаціи предшествуютъ, какъ мы сказали, волному сну или пробужденію; галлюцинаціи, предшествующія сну, встрѣчаются чаще. Таково въ общихъ чертахъ любопытное физиологическое явленіе, съ которымъ мы считали нужнымъ познакомить читателя для болѣе яснаго пониманія фактовъ, изложенныхъ ниже.

Многіе авторы разсматриваютъ галлюцинацію какъ ощущеніе, пробѣгающее путь обратный тому, какой пробѣгаютъ обыкновенно ощущенія, — т. е. они считаютъ ее ощущеніемъ, распространяющимся снутри кнаружи. Такъ смотрѣлъ на галлюцинацію Бюшэ и мнѣніе его раздѣлялъ знаменитый Морель, который приводитъ въ своемъ учебникѣ ¹⁾ слѣдующій отрывокъ изъ Бюшэ. „Обыкновенно допускаютъ, что чувственное впечатлѣніе идетъ отъ органовъ чувствъ къ проводящему аппарату, отъ проводящаго аппарата къ мозгу. Отчего не предположить, что идея — ощущеніе можетъ

¹⁾ Morel, *Traité des maladies mentales*.

проводиться въ обратномъ направленіи, дѣйствовать на продолговатый мозгъ, при посредствѣ его на проводящій аппаратъ, а при посредствѣ послѣдняго на органы чувствъ, т. е. принимать въ окончательной своей формѣ силу и положеніе внѣшняго ощущенія?“ Замѣнимъ слово *идея*—*ощущеніе* словомъ *образъ*, и мы найдемъ такое объясненіе механизма галлюцинаціи весьма правдоподобнымъ; мы признаемъ его еще болѣе вѣроятнымъ, если примемъ во вниманіе, что между галлюцинаторными образами и привычками больного существуетъ крайне тѣсная связь, что, вообще говоря, эти образы тѣсно связаны съ идеями и чувствами, приобретенными больнымъ въ предшествующую эпоху его жизни. Но это будетъ только правдоподобное, т. е. мало удовлетворяющее насъ при современномъ состояніи науки, объясненіе, пока мы не представимъ физиологическаго доказательства тому, что существуетъ дѣйствительно этотъ обратный токъ чувственныхъ впечатлѣній, это движеніе образовъ по обратному пути, которое считается лежащимъ въ основѣ механизма галлюцинаціи. Мы это сдѣлаемъ, если докажемъ, что сѣтчатка глаза подъ вліяніемъ галлюцинаціи приводится въ то же состояніе, въ какомъ она находится при дѣйствіи на нее свѣтового впечатлѣнія, исходящаго изъ внѣшняго міра.

Прежде чѣмъ привести это доказательство, мы должны сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ *послѣдовательныхъ образахъ*, хорошо извѣстныхъ физикамъ и физиологамъ. Мы отмѣтимъ здѣсь вкратцѣ, въ чемъ состоитъ это явленіе.

Если вы положите какой нибудь черный предметъ любой формы, напр. черный квадратъ на листъ бѣлой бумаги и будете фиксировать его глазами впродолженіе 30—40 секундъ, а затѣмъ быстро перенесете глаза на бѣлую поверхность, напр. на бѣлый экранъ, то вы увидите яркой бѣлизны квадратъ на экранѣ, принявшемъ сѣроватый оттѣнокъ. Послѣдовательный образъ будетъ больше предмета, на который вы смотрите, если экранъ отстоитъ отъ васъ дальше, чѣмъ предметъ,—меньше его въ противоположномъ случаѣ. Если вмѣсто чернаго квадрата вы будете разсматри-

вать бумажный квадратъ другого цвѣта, то послѣдовательный образъ будетъ имѣть ту же форму, а цвѣтъ его будетъ дополнительный къ цвѣту употребленнаго вами предмета. Если квадратъ былъ краснаго цвѣта, то послѣдовательный образъ будетъ зеленаго цвѣта; если квадратъ былъ желтый, то послѣдовательный образъ будетъ фіолетовый; если квадратъ былъ синій, то послѣдовательный образъ будетъ окрашенъ въ оранжево-желтый цвѣтъ. Это явленіе извѣстно подъ именемъ *послѣдовательныхъ образовъ*.

Первыя наблюденія надъ послѣдовательными цвѣтоощущеніями принадлежатъ Жюрену ¹⁾. Потомъ это явленіе изучали Бюффонъ ²⁾, Шерферъ ³⁾, Вегеленъ, Эпинусъ ⁴⁾. Изъ современныхъ намъ ученыхъ изслѣдованіемъ этого вопроса занимались многіе, между прочимъ Плато и Гельмгольцъ, и послѣдній на основаніи Юнговой теоріи цвѣтовъ далъ объясненіе этому явленію, которое нельзя не признать гениальнымъ, но встрѣчающее тѣмъ не менѣе серьезныя возраженія. Эта сторона дѣла имѣетъ для насъ, впрочемъ, только второстепенное значеніе.—Самый фактъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, а необходимый выводъ изъ него тотъ, что если данное свѣтовое впечатлѣніе вызвало извѣстныя измѣненія въ сѣтчаткѣ глаза, то при опредѣленныхъ условіяхъ возникаютъ послѣдовательные образы.

Всякій разъ, поэтому, когда эти условія имѣются на лицо, мы имѣемъ полное право заключить, что retina претерпѣла реальныя матеріальныя измѣненія. Фактъ этотъ при благоприятныхъ условіяхъ и наблюдается, когда человекъ открываетъ глаза послѣ гипнагогической галлюцинаціи. Случаи этого рода описаны нѣмецкимъ физиологомъ Грюитхюзенемъ, много работавшимъ по вопросу о галлюцинаціяхъ и сновидѣніяхъ. Въ его наблюденіяхъ—вполнѣ согласно

¹⁾ Jurin. *La vision distincte et indistincte* въ «*Optique*» Smith'a.

²⁾ De Buffon. *Histoire de l'Académie royale des sciences*. (1743).

³⁾ P. Scherffer. Нѣмецкій мемуаръ, разобранный Бернулли въ «*Энциклопедіи XVIII вѣка*».

⁴⁾ Aepinus. *Nouveaux commentaires de Pétersbourg*, t. X.

съ вышеизложенными законами физиологической оптики—очень яркій фантастическій образъ оставлялъ на своемъ мѣстѣ фигуру той же формы, но окрашенную въ темный цвѣтъ; послѣ гипнагогической галлюцинаціи, въ которой онъ видѣлъ фіолетовый плавиковый шпатъ на пылающихъ угольяхъ, явилось въ видѣ отчетливаго послѣдовательнаго образа желтое пятно на синемъ фонѣ. Другими словами, въ приводимыхъ нѣмецкимъ ученымъ наблюденіяхъ за галлюцинаціями слѣдовали такіе же послѣдовательные образы, какіе являются послѣ реального воспріятія.

Таковы факты. Выводъ сдѣлать изъ нихъ нетрудно.

Зрительная галлюцинація и зрительное воспріятіе внѣшняго предмета даютъ начало при опредѣленныхъ условіяхъ тождественнымъ послѣдовательнымъ зрительнымъ образамъ. Тожество результата можетъ соотвѣтствовать только тождеству причины, и мы естественнымъ путемъ приходимъ къ заключенію, что *при зрительной галлюцинаціи, начиная съ кортикальныхъ слоевъ*—конечнаго пункта впечатлѣній, получаемыхъ органомъ зрѣнія и, вообще, органами чувствъ, того мѣста, гдѣ хранятся ранѣе воспринятые образы, входящіе въ качествѣ элементовъ въ составъ галлюцинаторныхъ призраковъ, — *и кончая спичкой глаза, весь аппаратъ находится въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ находится при реальномъ воспріятіи.*

Между истиннымъ воспріятіемъ и галлюцинаціей существуетъ, слѣдовательно, крайне тѣсная связь, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ нервный аппаратъ приходитъ въ одинаковое динамическое состояніе. Это тождество состоянія чувственного аппарата при ощущеніи и галлюцинаціи имѣлъ, вѣроятно, въ виду Тэнъ, когда онъ назвалъ внѣшнее воспріятіе *истинной галлюцинаціей* (*une hallucination vraie*). Несмотря на все наше уваженіе къ знаменитому писателю, мы считаемъ, однако же, неудобнымъ пользоваться такого рода выраженіемъ, указывающимъ только и притомъ недостаточно точно на существованіе тѣсной связи между обоими явленіями. Но мы можемъ сказать — и это будетъ абсолютно точно,—что зрительная галлюцинація—а что вѣрно

для зрительной галлюцинаціи, то вѣрно, конечно, и для галлюцинаціи вообще,—что зрительная галлюцинація есть для галлюцинирующаго—*истинное ощущение*. Замѣтимъ, наконецъ, что, какъ вытекаетъ изъ вышесказаннаго, зрительная галлюцинація всегда — по крайней мѣрѣ тогда, когда она состоитъ изъ опредѣленныхъ образовъ,—представляетъ явленіе cerebro-сенсорное (связанное какъ съ дѣятельностью мозга, такъ и органовъ чувствъ).

ГЛАВА VI.

Невидимки и голоса.—Новый взглядъ на психическія галлюцинаціи и маниакальную безсвязность рѣчи.

Среди чувственныхъ разстройствъ, наблюдаемыхъ въ душевныхъ болѣзняхъ, чаще всего встрѣчаются слуховыя галлюцинаціи. Замѣчательное постоянство этого явленія при нѣкоторыхъ формахъ помѣшательства дѣлаетъ изученіе его особенно легкимъ, тѣмъ болѣе, что сами галлюцинанты— по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ — идутъ здѣсь на встрѣчу изслѣдователю. Дѣлая это замѣчаніе, я имѣю, конечно, въ виду помѣшанныхъ, страдающихъ бредомъ преслѣдованія, которые такъ часто жалуются на оскорбляющіе ихъ голоса, на преслѣдующихъ ихъ невидимокъ.

Мы не ограничимся въ настоящемъ изслѣдованіи наблюденіями надъ больными этого рода. Понятно, однако же, что именно они дадутъ много штриховъ для картины, которую мы намѣрены набросать здѣсь.

Наблюдая больныхъ, страдающихъ слуховыми мнимощущеніями, легко замѣтить, что эти галлюцинаціи крайне разнообразны какъ по характеру болѣзненнаго ощущенія, такъ и по его интенсивности.

Характеръ голосовъ. Что касается до характера воспринимаемаго ощущенія, то мы имѣемъ здѣсь въ однихъ случаяхъ воспріятія простого шума, въ другихъ — голоса

болѣе или менѣе отчетливые, болѣе или менѣе многочисленныя. Иногда эти голоса рѣзки, вполне отчетливы и больному кажется, что они исходятъ съ близкаго разстоянія (обыкновенно со стѣнъ, потолоковъ, половъ, рѣшетки камина и т. д.); въ другихъ случаяхъ голоса звучатъ слабо и кажутся исходящими изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, напримѣръ, изъ подваловъ зданія, въ которомъ находится больной. Одинъ больной въ Бронѣ слышитъ, какъ враги его говорятъ съ нимъ изъ чердака, съ потолка. Одна больная въ Дижонѣ постоянно жаловалась на разбойниковъ, которыхъ она называла странными именами, улетучившись теперь изъ моей памяти, и которые, сидя въ подвалахъ картезіанскаго монастыря, преслѣдовали ее оттуда оскорбительными рѣчами. Другая дама, долго находившаяся на моемъ попеченіи, слышала голоса лицъ, предупреждавшихъ ее о прохожденіи желѣзнодорожныхъ поѣздовъ; голоса эти выходили изъ подвала и больная была убѣждена, что какія-то лица слѣдили тамъ за движеніемъ поѣздовъ.

При поверхностномъ отношеніи легко впасть въ ошибку относительно интенсивности слышимыхъ больнымъ звуковъ. Часто больные вамъ скажутъ, что съ ними разговариваютъ лица, живущія на разстояніи нѣсколькихъ веретъ отъ мѣста нахождения больныхъ, причемъ больные прекрасно знаютъ, что ихъ раздѣляютъ значительныя разстоянія. Въ этихъ случаяхъ можно было бы думать, что больные слышатъ голоса, крайне ослабленные въ соотвѣтствіи съ разстояніемъ, на какомъ находятся ихъ воображаемые собесѣдники. Иногда — сравнительно рѣдко — это и наблюдается въ самомъ дѣлѣ. Въ большинствѣ же случаевъ, если внимательно спросить больныхъ, то окажется, что звукъ, несмотря на громадное, пройденное имъ, разстояніе, имѣетъ нормальную, довольно значительную интенсивность. Для объясненія этого факта больные, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ ошибочнымъ сужденіямъ, основаннымъ на болѣе или менѣе остроумныхъ догадкахъ. Слыша голоса знакомыхъ лицъ, находящихся, какъ онъ прекрасно знаетъ,

на значительномъ разстояніи отъ него, на разстояніи, дѣлающемъ невозможнымъ воспріятіе исходящихъ оттуда нормальныхъ звуковыхъ впечатлѣній, больной заявляетъ, что эти лица пользуются магическими средствами, что у нихъ имѣется рупоръ, позволяющій имъ направлять звуки на большія разстоянія. Всякій, кто внимательно будетъ изучать душевно-больныхъ, признастъ справедливость этого замѣчанія.

Рѣчи, произносимыя голосами въ галлюцинаціяхъ, крайне разнообразны по содержанію. Страдающіе бредомъ преслѣдованія обыкновенно слышатъ крайне непріятныя для себя рѣчи; имъ говорятъ, что ихъ будутъ жечь, рѣзать на куски и т. д. Женщинъ часто преслѣдуютъ циническими разговорами, оскорбительными предположеніями. Иногда больнымъ кажется, будто они слышатъ жалобы и рыданія дорогихъ имъ лицъ—мужа, жены, дѣтей. Одна дама, страдавшая бредомъ преслѣдованія, была убѣждена, что мужъ ея, умершій задолго передъ тѣмъ, находится въ той же комнатѣ. Она часто слышала его голосъ; она слышала также отчетливо голоса своихъ дочерей и воображала, что онѣ подвергаются крайне гнусному обращенію.

Галлюцинанты, страдающіе религіознымъ помѣшательствомъ, слышатъ голоса ангеловъ, Бога и т. д. Меланхолики въ состояніи оцѣпенѣнія часто остаются на одномъ мѣстѣ по цѣлымъ днямъ и отказываются отъ принятія пищи, повинуваясь голосамъ, угрожающимъ имъ страшной карой въ случаѣ, если они ступятъ шагъ или будутъ ѣсть. Мы ограничимся этими примѣрами. Сказаннаго вполне достаточно, чтобы видѣть, что при слуховыхъ мнимо-ощущеніяхъ, какъ и при зрительныхъ галлюцинаціяхъ, содержаніе галлюцинацій стоитъ въ тѣсномъ отношеніи къ бредовымъ идеямъ больного.

Точно также удастся нерѣдко констатировать связь между содержаніемъ галлюцинацій слуха и причиной, вызвавшей душевное расстройство. Я видѣлъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, сошедшихъ съ ума подѣ впечатлѣніемъ прусскаго нашествія и страдавшихъ галлюцинаціями слуха

въ формѣ раздававшихся ежеминутно ружейныхъ выстрѣловъ. Бѣллярже сообщаетъ сходный случай: одна женщина, сошедшая съ ума подѣ впечатлѣніемъ смерти мужа, убитаго пулей во время возстанія, слышала ружейные выстрѣлы, трескъ стекла, разбиваемаго пулей¹⁾.

Нерѣдко случается, что одновременно съ галлюцинаціями слуха существуютъ и галлюцинаціи зрѣнія. Галлюцинантъ видитъ и слышитъ одновременно, оба чувства соединяются, чтобы ввести его въ обманъ. Это встрѣчается однако же рѣже, чѣмъ можно было бы думать. Чаще, особенно при извѣстныхъ формахъ помѣшательства, галлюцинаціи слуха встрѣчаются изолированно. Больной слышитъ голосъ, но никого не видитъ, и это удивляетъ, пугаетъ или сердитъ его. Благодаря этой изолированности слуховой галлюцинаціи больной часто называетъ лицъ, которымъ онъ приписываетъ слышимыя имъ слова и оскорбленія,—*невидимками*. Онъ не сомнѣвается въ реальномъ существованіи людей, голоса которыхъ онъ слышитъ, онъ воображаетъ только, что въ силу особаго присущаго имъ могущества они скрываются отъ него, чтобы его мучить. Обыкновенно галлюцинантъ приписываетъ силѣ волшебства способность его враговъ разговаривать, оставаясь невидимыми, и чрезвычайно любопытно бываетъ прослѣдить выраженія, которыми пользуются больные для передачи своей мысли. Они говорятъ, что „ихъ преслѣдуютъ по способу рупора, по способу литавръ, при помощи магнетизма, электричества и т. д.“ Враги эти, сверхъ того, принадлежатъ къ обществамъ, которымъ больной приписываетъ тайное и почти безграничное могущество: они—іезуиты, франкъ-масоны, агенты тайной полиціи, члены какой нибудь шайки и т. д. Замѣчу, что этими выраженіями пользуются главнымъ образомъ хроническіе больные, у которыхъ бредъ вполне и давно систематизировался.

¹⁾ Baillarger. *Des hallucinations, des causes qui les produisent, des maladies qui les caractérisent*, (Mém. de l'Acad. de méd. Paris 1846).

Но если одновременное существованіе галлюцинацій слуха и зрѣнія встрѣчается не часто, за то очень часто встрѣчаются помѣшанные, которые, слыша голоса, въ то же время страдаютъ галлюцинаціями въ сферѣ общаго чувства. Эти больные жалуются одновременно на оскорбленія, которыми осыпаютъ ихъ враги и на жестокия страданія, которыя они имъ причиняютъ, избивая ихъ, причиняя имъ ожоги, электризуя и т. д.

Выше я сказалъ, что число голосовъ, слышимыхъ больнымъ, крайне разнообразно. Въ самомъ дѣлѣ, въ однихъ случаяхъ больной бесѣдуетъ съ однимъ только голосомъ, который ему отвѣчаетъ—тутъ происходитъ настоящій разговоръ, сосредоточивающійся на предметахъ, связанныхъ съ бредомъ больного. Въ другихъ случаяхъ, какъ часто случается наблюдать при маниакальномъ разстройствѣ, голоса многочисленны, разговоръ безсвязенъ; воображаемыя лица осыпаютъ больного всевозможными оскорбленіями, раздражающими его и вызывающими съ его стороны энергической отпоръ. Эскироль ¹⁾ сообщаетъ одинъ крайне интересный случай такого рода, показывающій, какъ тѣсно связана галлюцинація съ индивидуальными особенностями больного.

Больной, о которомъ говоритъ знаменитый Шарантонскій врачъ, занималъ должность префекта въ одномъ нѣмецкомъ городѣ и сошелъ съ ума въ 1812 году, когда по удаленіи французскихъ войскъ въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Онъ зналъ нѣсколько языковъ и слышалъ голоса, обращавшіеся къ нему на всѣхъ этихъ языкахъ. Но тутъ наблюдалась одна интересная особенность, доказывающая, что галлюцинаторное явленіе связано съ возвратомъ ранѣе воспринятыхъ образовъ: голоса, говорившіе по-русски, больной различалъ не такъ отчетливо, какъ прочіе, и въ самомъ дѣлѣ русскій языкъ онъ зналъ хуже прочихъ.

Возникаетъ ли галлюцинація слуха сразу? Чаше всего дѣло происходитъ такимъ образомъ, но не всегда. Зри-

¹⁾ Esquirol, *Des maladies mentales*. Paris 1838.

тельная галлюцинація, какъ мы указали въ предыдущей главѣ, нерѣдко начинается съ разстройство болѣе элементарныхъ, напр., съ ложныхъ воспріятій цвѣтовыхъ впечатлѣній. Точно также случается, что нѣкоторые больные, впоследствии заболѣвающіе несравненно болѣе сложными галлюцинаціями слуха, вначалѣ воспринимаютъ только простой шумъ. Это — единственное разстройство, наблюдаемое у нихъ въ продолженіи извѣстнаго времени. Потомъ начинаютъ слышаться голоса—сначала только передъ сномъ и пробужденіемъ, затѣмъ устанавливаются галлюцинаціи и въ теченіи дня.

Замѣтимъ, наконецъ, что слуховыя галлюцинаціи—сравнительно со зрительными—рѣже исчезаютъ внезапно. Исчезновеніе ихъ совершается болѣею частью постепенно: голоса слышатся все рѣже, менѣе отчетливо и, наконецъ, исчезаютъ. Такъ происходитъ по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Вотъ существенные признаки, которые мы встрѣчаемъ обыкновенно въ слуховыхъ галлюцинаціяхъ. Мы перейдемъ теперь къ явленіямъ, также извѣстнымъ подъ именемъ *галлюцинацій*, но существенно, по нашему мнѣнію, отличающимся отъ вышеописанныхъ.

Психическія галлюцинаціи. Въ фактахъ, которыми мы до сихъ поръ занимались, мы могли констатировать, что галлюцинантомъ воспринимается болѣе или менѣе ясный, болѣе или менѣе отчетливый звукъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ галлюцинантъ *слышалъ*. Теперь мы будемъ имѣть дѣло съ больными, которые заявляютъ, что съ ними говорятъ, но которые, однако же, не слышатъ ни единого звука. Нѣкоторые изъ больныхъ, испытывающихъ такого рода ощущенія, говорятъ, что голоса исходятъ изъ ихъ желудка, изъ ихъ головы и т. д., но во всѣхъ случаяхъ, повторяю, слуховыя воспріятія отсутствуютъ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся французскихъ психіатровъ, Балларже, ясно видѣлъ, что это явленіе существенно отличается отъ чувственной слуховой галлюцинаціи, и назвалъ его *психической*

галлюцинацией¹⁾. Терминъ этотъ былъ принятъ всѣми. Эдуардъ Фурнье подвергъ вопросъ пересмотру и высказалъ мысль, что явленіе, названное Баллярже „психической галлюцинацией“, представляетъ въ сущности *галлюцинацію въ сферѣ механизма рѣчи*²⁾. Эта точка зрѣнія кажется намъ рѣшительнымъ шагомъ впередъ и, по нашему мнѣнію, мысль Фурнье о связи, существующей между психической галлюцинаціей и механизмомъ рѣчи, близка къ истинѣ. Баллярже при рѣдкой проницательности своего ума не могъ не замѣтить связи между механизмомъ рѣчи и психическими галлюцинаціями и говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что у больныхъ, страдающихъ послѣдними, замѣчается нѣчто въ родѣ чревоушщанія.

Какъ бы то ни было, я не могу применить ни къ одному изъ названныхъ писателей, хотя оба они, по моему мнѣнію, близки къ истинѣ. Разсматриваемое нами явленіе, какъ мнѣ кажется, нельзя считать ни психической галлюцинаціей, ни галлюцинаціей въ сферѣ механизма рѣчи. Признать его галлюцинаціей можно, только закрывъ глаза на характеръ, на сущность галлюцинаціи. Въ самомъ дѣлѣ что такое—галлюцинація? Мы понимаемъ подъ ней ощущеніе, пробѣгающее по чувствующему нерву въ направленіи, обратномъ направленію нормальныхъ впечатлѣній. То же ли наблюдается въ такъ называемыхъ психическихъ галлюцинаціяхъ? Нѣтъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло исключительно съ возбужденіемъ того механизма, той функціи, которую Фурнье удачно назвалъ *функціей рѣчи*.

Механизмъ рѣчи. Сѣрое вещество извилинъ представляетъ, вѣроятно, центръ для воспринимаемыхъ чувствами образовъ внѣшнихъ предметовъ. При изученіи умственныхъ процессовъ легко убѣдиться, что человѣкъ не довольствуется этими образами, что всякому образу соответствуетъ знакъ, символъ, въ точности его изображающій. Болѣе того,—раз-

¹⁾ Baillarger, l. c.

²⁾ Edouard Fournié, *Physiologie du Système nerveux cérébro-spinal*, Paris 1872.

личные состоянія этихъ образовъ, соотношенія образовъ и ихъ различныхъ состояній также изображаются знаками. Эти знаки служатъ орудіемъ мысли и центромъ для образовъ-знаковъ точно также является корковое вещество¹⁾. При еще болѣе внимательномъ и глубокомъ изслѣдованіи можно убѣдиться, что этимъ знакамъ — истиннымъ условнымъ образамъ — въ точности соотвѣтствуютъ многочисленныя, разнообразныя и вполне опредѣленныя движенія, выполняемыя рядомъ мышцъ. Послѣднія, сокращаясь, опредѣленнымъ образомъ сотрясаютъ воздухъ, и рядъ волнъ, въ точности соотвѣтствующихъ мышечнымъ сокращеніямъ и знакамъ, которымъ въ свою очередь соотвѣтствуютъ эти сокращенія, сообщаетъ барабанной перепонкѣ вполне опредѣленные толчки, которые распространяются по слуховому нерву и, наконецъ, воспринимаются нами. Такимъ образомъ, мозговой знакъ и мышечное сокращеніе, мышечное сокращеніе и волнообразныя колебанія воздуха, колебанія воздуха и измѣненія, совершающіяся въ барабанной перепонкѣ, кортیهвомъ органѣ и слуховомъ нервѣ, образуютъ цѣпь, не обрывающуюся нигдѣ. Движенія эти вызываютъ другъ друга и стоятъ другъ къ другу во вполне опредѣленныхъ отношеніяхъ. Эта цѣпь, этотъ циклъ явленій и образуетъ человеческую рѣчь.

Въ этой цѣпи мы будемъ разсматривать только два явленія — знаки, образующіе, такъ сказать, матеріальный остовъ мысли, и рядъ связанныхъ съ этими знаками мышечныхъ движеній. Это — рѣчь съ точки зрѣнія говорящаго лица. Другая часть этого цикла явленій, столь же важная, имѣетъ интересъ, главнымъ образомъ, для лица, воспринимающаго звуковыя впечатлѣнія; ее мы оставимъ въ

¹⁾ Вопросы о томъ, въ какомъ именно участкѣ мозговой коры локализируются образы-знаки, я касаться не буду. Полагаю, что читатель знакомъ съ существующими на этотъ счетъ въ наукѣ воззрѣніями, и замѣчу только, что взглядъ, проводимый мною здѣсь, не стоитъ въ противорѣчій съ общепринятыми представленіями о локализацияхъ въ мозговой корѣ.

сторонѣ, такъ какъ насъ интересуеь преимущественно механизмъ рѣчи.

Лица, усвоившія себѣ хотя-бы въ слабой степени привычку наблюдать за собой, конечно, не разъ замѣчали, какъ тѣсно связаны мысль и ея выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко, читая про себя, когда ни одинъ звукъ не выходитъ изъ нашихъ устъ, мы какъ-бы внутренно произносимъ слова совершенно произвольно, часто даже безсознательно. Замѣчу еще, что извѣстныя слова, извѣстныя музыкальныя аріи иногда преслѣдуютъ насъ. Часто они такъ и не выходятъ изъ сферы мысли, но порой мы, сами того не замѣчая, иногда даже противъ воли, произносимъ и поемъ ихъ вслухъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они положительно преслѣдуютъ насъ, не даютъ намъ покоя.

Оба указанные разряда фактовъ представляютъ явленія физиологическія. Первый указываетъ на тѣсную связь между мыслью и ея выраженіемъ, между знакомъ, воспринимаемымъ сознаниемъ, и производящею этотъ знакъ мышечной дѣятельностью. Второй показываетъ, какъ близки нѣкоторыя патологическія явленія къ явленіямъ чисто-физиологическимъ. Эти аріи, преслѣдующія насъ, эти слова, возникающія въ нашемъ умѣ, намъ легко удается отогнать въ физиологическомъ состояніи. Но пусть эти явленія станутъ нѣсколько интенсивнѣе, пусть рѣзче будетъ выражена наклонность словъ возникать въ умѣ и дополняться тѣми мышечными движеніями, которыя такъ тѣсно связаны съ дѣятельностью мысли — и передъ нами будетъ тогда фактъ патологическій, фактъ *импульсивныхъ явленій въ сферѣ рѣчи*.

Импульсивныя явленія въ сферѣ рѣчи. Довольно часто можно встрѣтить больныхъ, жалующихся, что у нихъ „пробѣгаютъ въ головѣ слова“; когда же имъ даютъ банальный совѣтъ отгонять ихъ, они отвѣчаютъ, что не могутъ этого сдѣлать, что слова возникаютъ у нихъ въ головѣ наперекоръ ихъ желанію. Я могъ бы привести много наблюденій, доказывающихъ справедливость сказаннаго, но считаю это совершенно излишнимъ. Какъ бы то ни было, замѣчу, что

между явленіями патологическими и физиологическими существуетъ та только разница, что въ послѣднихъ энергическимъ усиленіемъ воли удается задержать импульсивное влеченіе, тогда какъ въ случаяхъ патологическихъ такая задержка импульса волею абсолютно невозможна. Задержать это болѣзненное влеченіе можетъ только какое нибудь потрясающее событіе, неожиданное зрѣлище, при которомъ прекращается образованіе внутреннихъ словъ, арій, голосовъ, что и наблюдается дѣйствительно. Въ такомъ видѣ представляется простѣйшій случай импульсивныхъ влеченій въ сферѣ рѣчи. Пойдемъ далѣе.

Сейчасъ я сказалъ, что больные, желая передать свои ощущенія, часто говорятъ, что у нихъ „въ головѣ пробѣгаютъ мысли“. Иногда они прибѣгаютъ къ другимъ выраженіямъ, которыя все, однако же, показываютъ, что дѣло тутъ не въ слуховыхъ ощущеніяхъ. Балларже ¹⁾ тщательно отмѣчаетъ этотъ фактъ, заставившій его выдѣлить описываемыя явленія въ особую группу *психическихъ галлюцинацій*, разсматриваемыхъ нами, какъ одно изъ проявленій импульсивныхъ влеченій въ сферѣ рѣчи. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ разнообразныхъ выраженій, которыми пользуются больные. Они говорятъ, что имъ *кажется*, будто они слышатъ слова, что они разговариваютъ мысленно, что имъ понятенъ языкъ мысли, что они *слышатъ мысль* безъ звуковъ; имъ сообщаютъ мысли, у нихъ вызываютъ идеи. Нѣкоторые утверждаютъ, что у нихъ есть шестое чувство — чувство мысли. Иногда они говорятъ, что съ ними разговариваютъ при помощи интуиціи, посредствомъ магнетизма. Наконецъ, по словамъ нѣкоторыхъ, это — языкъ духовъ, языкъ безъ словъ, внутренней голосъ, вдохновеніе и т. д.

Какъ объясняютъ больные происхожденіе этой рѣчи безъ словъ, этихъ голосовъ безъ звуковъ?

Въ простѣйшихъ случаяхъ произвольнаго воспріятія беззвучныхъ словъ и рѣчей больные, повидимому, не приписываютъ этихъ словъ какимъ либо лицамъ или, по край-

¹⁾ L. c.

ней мѣрѣ, не говорятъ этого: выяснитъ этотъ вопросъ довольно трудно. Но есть случаи, когда эти слова и рѣчи приписываются различнымъ лицамъ и существамъ, дѣйствующимъ то непосредственно, то при помощи физическихъ или сверхъестественныхъ агентовъ. Въ однихъ случаяхъ больной - демономанъ будетъ жаловаться на дьявола, разговаривающаго у него въ головѣ; страдающій бредомъ преслѣдованія будетъ жаловаться, что у него вызываютъ въ головѣ слова при помощи электричества, магнетизма, физики, магии и т. д. Тогда у больного возникаетъ раздвоеніе личности. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, находящихся у меня подъ руками, приведу одинъ.

Одинъ больной, находившійся подъ моимъ надзоромъ въ общественной лечебницѣ, страдалъ рѣзко выраженнымъ бредомъ преслѣдованія. Онъ воображалъ, будто враги составили противъ него заговоръ, будто они хотятъ опозорить его и его семью, будто его мучаютъ посредствомъ электричества. Этотъ больной страдалъ разнообразными галлюцинаціями слуха: онъ постоянно слышалъ, какъ раскрываются и захлопываются дверцы невидимыхъ ходовъ, черезъ которые можно слышать все, что онъ ни говоритъ. Но кромѣ этихъ слуховыхъ галлюцинацій Х. страдалъ тѣми импульсивными явленіями рѣчи въ сферѣ рѣчи, которыя Бэллярже назвалъ психическими галлюцинаціями. Когда я лечилъ его, я интересовался уже этимъ вопросомъ и тщательно разспрашивалъ больного, оказавшагося человѣкомъ весьма интеллигентнымъ. Привожу здѣсь одинъ изъ его отвѣтовъ. „Со мной, говорилъ онъ, происходитъ нѣчто странное; я убѣжденъ, что это явленіе можетъ быть вызвано только тѣми средствами, которыя созданы современной физикой. Такъ, на примѣръ, когда я хочу произнести стихъ:

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable,
что-то во мнѣ говоритъ: *Буало*; стоитъ мнѣ произнести:

On ne peut contenter tout le monde et son père,
какъ что-то во мнѣ говоритъ: *Лафонтенъ*; я не слышу звуковъ, но эти слова мнѣ приходятъ въ голову“.

Въ приведенныхъ фактахъ мы имѣли дѣло съ функціей рѣчи не въ полномъ ея объемѣ — мышцы въ этихъ случаяхъ не дѣйствовали. Въ интересномъ наблюдении, которое мы заимствуемъ у Бэллярже, въ явленіи принимали участие и мышцы голосового аппарата.

„Нѣкоторые душевно-больные, говоритъ Бэллярже, слыша голоса у себя въ животѣ, въ то же время произносятъ слова съ закрытымъ ртомъ, какъ это дѣлаютъ чревоушчатели. Звуки большею частью такъ слабы, что слышитъ ихъ только больной. Я наблюдалъ этотъ фактъ у женщины, находящейся въ настоящее время подъ моимъ надзоромъ въ Сальпетриерѣ. Эта женщина, приблизительно 45-ти лѣтъ отъ роду, была страшно изуродована гангреной, лишившей ее всей верхней губы. Она напрасно обращалась къ хирургамъ съ просьбой сдѣлать ея уродство менѣ замѣтнымъ. Огорченіе, вызванное неудачей этихъ попытокъ, повидимому, въ значительной степени содѣйствовало появленію у нея душевнаго расстройства. Она очень боится, что уродство ея будетъ замѣчено, и постоянно закрываетъ ротъ платкомъ, дѣлая это такъ внимательно, что окружающіе, вѣроятно, и не заподозрили бы отсутствія у нея губы, если бы не знали объ этомъ ранѣе. Помѣшательство ея характеризуется главнымъ образомъ галлюцинаціями слуха. Больной кажется, будто кругомъ ея, за ея шеей, у нея въ горлѣ, въ груди находятся лица, разговаривающія съ нею. Часто, находясь подлѣ ея кровати — если она не обращаетъ на васъ вниманія — можно различить слабый звукъ, выходящій изъ ея горла или груди; если подойти поближе и прислушаться, то удастся разобрать слова и фразы. Слова эти и фразы больная слышитъ и убѣждена, что ихъ произносятъ невидимыя личности, бесѣдующія съ нею. Когда она говоритъ этой внутренней рѣчью, ротъ ея закрытъ, такъ что здѣсь существуетъ зачатокъ чревоушчанія. Впрочемъ, можно точнѣе изслѣдовать явленіе, попросивъ больную предложить какойнибудь вопросъ ея невидимымъ собесѣдникамъ. Тогда удастся слышать отвѣтъ, выходящій у нея изъ горла, между тѣмъ,

какъ больная совѣмъ не сознаеть, что дасть отвѣтъ она сама ¹⁾“.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть дѣло не съ тѣмъ, что обыкновенно называется галлюцинаціей, а съ патологическими явленіями, подводимыми большею частью подъ различныя рубрики, хотя, по нашему мнѣнію, во всѣхъ ихъ наблюдается существенное сходство. Выскажемъ свою мысль яснѣе.

Представьте себѣ больного, который считаетъ себя одержимымъ бѣсомъ, который бранится, богохульствуетъ и т. д. Съ чѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло? Разспросите больного и онъ вамъ скажетъ, что слова приходятъ ему въ голову противъ его желанія. Но тутъ есть еще и новый фактъ: больной *произноситъ* слова, неудержимо приходящія ему въ голову, и слова эти носятъ на себѣ отпечатокъ его бредовыхъ идей. Одна дѣвушка, страдавшая истерическимъ психозомъ и долгое время находившаяся подъ моимъ наблюденіемъ, вдругъ, безъ всякихъ предшествующихъ явленій, которыя могли бы дать поводъ ожидать чего либо подобнаго, произносила нѣсколько неприличныхъ, иногда циничныхъ, словъ противъ своей воли и вполне сознавая всю ихъ неумѣстность. И это болѣзненное явленіе представляетъ въ сущности только импульсивный фактъ въ сферѣ рѣчи. У другой молоденькой дѣвушки, страдавшей перемежающейся истерической маніей, среди бредовыхъ идей преобладала одна — она воображала, будто призвана возстановить во Франціи монархію. Послѣ свѣтлыхъ промежутковъ, длившихся нѣкоторое время, она выходила изъ залы, гдѣ занималась шитьемъ, и произносила фразу, въ которой предсказывала возвращеніе во Францію графа Шамбора. Всегда она произносила одну и ту же фразу и повторяла ее разъ сто кряду. Когда больная нѣсколько успокоивалась и ей задавали вопросы, она отвѣчала, что слова приходили ей на уста помимо ея желанія, что, несмотря на всѣ свои усилія, она не могла бы не произнести ихъ. Мы думаемъ, что

¹⁾ Тамъ же.

едва ли можно видѣть въ этомъ явленіи что либо иное, кромѣ импульсивныхъ стремленій въ сферѣ рѣчи. То же, вѣроятно, слѣдуетъ сказать о тѣхъ тысячахъ пророковъ, о которыхъ рассказываетъ исторія помѣшательства. И это, по всей вѣроятности, были больные, страдавшіе тѣми болѣзненными импульсами, которыми мы занимаемся въ настоящую минуту.

Въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ импульсивныя явленія въ сферѣ механизма рѣчи проявлялись во всемъ ея объемѣ, но не во всей своей интенсивности. Если мы сдѣлаемъ еще одинъ шагъ впередъ, представимъ себѣ усиленіе этой функціи, доведемъ ее до крайнихъ степеней ея проявленія, то будемъ имѣть дѣло съ маніей, съ неудержимой и безвязной болтливостью маниака. Кто видѣлъ маниаковъ, тотъ знаетъ, что слова не замираютъ у нихъ на устахъ, что фразы, пѣсни и крики слѣдуютъ однѣ за другими, не прерываясь ни на минуту, встрѣчаются, чуть ли не сталкиваются другъ съ другомъ, пока больной не дойдетъ до состоянія крайняго изнеможенія, полной усталости. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ той же импульсивностью въ сферѣ рѣчи, но достигающей крайнихъ размѣровъ. Мнѣ случалось разъ десять разспрашивать больныхъ, страдавшихъ острой формой маніи, въ тѣ короткіе свѣтлые промежутки, которые отъ поры до времени даетъ имъ болѣзнь, и на основаніи ихъ отвѣтовъ, я могъ убѣдиться въ непреодолимой, импульсивной натурѣ этихъ криковъ, этого пѣнія. Я могъ бы привести здѣсь ихъ показанія въ большемъ числѣ, — ограничусь однимъ.

Однажды, проходя по саду лечебницы, я встрѣтилъ больную, молодую женщину, страдавшую тяжелой формой маніи. Несчастная была крайне утомлена, разбита, она вся была въ поту: все утро она только и дѣлала, что пѣла, кричала и говорила велухъ. „Я совѣмъ разбита, сказала она мнѣ, я кричала все утро, я дошла до совершеннаго изнеможенія“. — Чего же вы кричите? вѣдь, это вредно. „Это — выше моихъ силъ, на меня находятъ и я принуждена кричать. Я бѣгу ѣсть, сейчасъ мнѣ придется начать снова“.

Если читатель не вполне убежден сказанным, онъ быть можетъ склонится въ пользу защищаемаго нами положенія, когда воспроизведетъ въ своей памяти живость, обиліе, излишество—если можно такъ выразиться—жестовъ маніака. А что такое—жестъ, какъ не та же рѣчь въ болѣе грубой формѣ, болѣе энергической, выразительный актъ. Въ пользу нашего взгляда говоритъ и то, что въ страданіяхъ съ преобладающимъ импульсивнымъ характеромъ, какъ истерія, эпилепсія и т. д. въ бредѣ не рѣдко обнаруживается маніакальная безсвязность, т. е. рѣчь здѣсь страдаетъ излишествомъ въ такой степени, что слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ всякой связи и послѣдовательности. Все это заставляетъ насъ признать безсвязность маніакальнаго бреда крайнимъ проявленіемъ импульсивности въ сферѣ рѣчи. Безсвязность рѣчи нельзя считать элементарнымъ душевнымъ расстройствомъ,—она представляетъ собой результатъ, слѣдствіе, какъ въ маніи,—гдѣ она зависитъ отъ быстрой смѣны словъ—такъ и въ слабоуміи, гдѣ она обуславливается совершенно иного рода механизмомъ и зависитъ отъ ослабленія умственныхъ способностей. „Въ слабоуміи, какъ я писалъ въ другомъ мѣстѣ, умственная дѣятельность слишкомъ слаба, чтобы больной могъ связывать слова, придавать своимъ фразамъ хотя бы подобіе послѣдовательности. При малѣйшемъ препятствіи больной, такъ сказать, сходитъ съ рельсовъ. Одного слова, одного простаго созвучія достаточно, чтобы перевести его съ одного ряда идей на другой прямо противоположный. Тогда какъ у маніака безсвязность зависитъ отъ обилія идей и образовъ, представляющихся его уму,—у слабоумнаго влѣдствіе ослабленія умственной дѣятельности идея гаснетъ, потому что у нея нѣтъ силы достаточной для того, чтобы пройти черезъ все фазы. Она тотчасъ же смѣняется другой, случайно ею же вызванной и также не достигающей полнаго развитія. Если бы мы пожелали выразить въ формѣ матеріальнаго образа, что происходитъ въ умѣ слабоумнаго, мы могли бы сказать, что малѣйшаго толчка здѣсь достаточно, чтобы вызвать движеніе, распространяющееся во всевозможныхъ направленіяхъ,

но влѣдствіе своей слабости видоизмѣняющееся при малѣйшей задержкѣ ¹⁾“.

Такова совокупность фактовъ, которые мы предполагали здѣсь изложить. Если читатель внимательно слѣдилъ за сказаннымъ, онъ могъ убедиться, что галлюцинація слуха, какъ она обыкновенно понимается, заключаетъ въ себѣ два разряда фактовъ существенно различныхъ. Съ одной стороны мы наблюдаемъ истинный возвратъ ранѣе приобрѣтенныхъ слуховыхъ ощущеній; это—галлюцинація въ истинномъ смыслѣ. Съ другой стороны—передъ нами импульсивныя явленія въ сферѣ рѣчи, и факты, сюда относящіеся, обыкновенно извѣстны подъ именемъ психическихъ галлюцинацій. Наконецъ, я надѣюсь, мнѣ удалось убедить внимательнаго читателя въ томъ, что безсвязность маніакальнаго бреда представляетъ крайнее проявленіе той же болѣзненной импульсивности.

Должны ли мы въ виду установленнаго нами различія между слуховой галлюцинаціей въ собственномъ смыслѣ и психической галлюцинаціей заключить, что между обоими явленіями не существуетъ никакой связи? Очевидно, нѣтъ; между обоими явленіями существуютъ тѣсныя отношенія: простого наблюденія за собой достаточно, чтобы убедиться въ томъ, что слуховое ощущеніе и процессъ образованія рѣчи—даже, если бы можно было такъ выразиться, рѣчи нечленораздѣльной—стоятъ другъ къ другу въ крайне близкой связи.

¹⁾ *L'Imagination dans la folie. (Annales médico-psychologiques)*

ГЛАВА VII.

Галлюцинаціи общаго чувства, обонянiя и вкуса.—
Галлюцинаціи въ области полового чувства.—Упыри.

Послѣ галлюцинацій зрительныхъ и слуховыхъ чаще всего встрѣчаются мнимо-ощущенiя въ сферѣ осязанiя и общаго чувства. Галлюцинаціи этого рода не всегда легко отличить отъ иллюзiй въ сферѣ тѣхъ же чувствъ. При внимательномъ изслѣдованiи удается, однако же, избѣгнуть смѣшенiя обѣихъ категорiй явленiй.

Галлюцинаціи общаго чувства. Галлюцинаціи эти могутъ встрѣчаться при многихъ формахъ помѣшательства, сопровождаемыхъ бредовыми идеями. Чаще всего мы встрѣчаемъ ихъ при бредѣ преслѣдованiя, причѣмъ ихъ можно разсматривать или какъ слѣдствiе этого бреда, или же— что бываетъ чаще — галлюцинаціи возникаютъ первично и сами порождаютъ бредъ преслѣдованiя. Какъ при всѣхъ мнимо-ощущенiяхъ больные убѣждены въ реальности своего воспрiятiя: ихъ бьютъ, имъ жмутъ руки, они чувствуютъ прикосновенiе. Одна дѣвушка, которую я наблюдалъ въ дольскомъ (Dôle) заведенiи душевно-больныхъ, ночью часто ощущала прикосновенiе руки, жавшей ея руку. Это прикосновенiе крайне пугало ее; она вообразила, что покойная сестра ея зоветъ ее къ себѣ. Идея эта съ каждымъ днемъ все сильнѣе овладѣвала ея сознаниемъ, и вскорѣ дѣвушка

стала слышать голосъ умершей. Одинъ больной, находившійся въ томъ же заведенiи, говорилъ, что чувствуетъ, какъ кто-то водить рукой по всему его тѣлу. Наконецъ, недавно я наблюдалъ въ Лионѣ даму, чувствовавшую, что кто-то кладетъ ей руку на спину, и горячо жаловавшуюся на наглость неизвѣстнаго лица.

Тутъ же замѣчу, что въ этихъ галлюцинаціяхъ, какъ и въ галлюцинаціяхъ зрительныхъ, часто удается отыскать слѣдъ вызвавшей ихъ причины. Бэллерже рассказываетъ, что одна дама сидѣла ночью при больной матери, какъ вдругъ та умерла у нея на рукахъ, прежде чѣмъ она успѣла позвать кого либо. Застывшая рука умирающей лежала на обнаженномъ плечѣ дочери и оставалась на немъ нѣкоторое время послѣ ея смерти. Впечатлѣнiе, оставленное прикосновенiемъ ледяной руки, было настолько сильно, что дама, о которой говоритъ Бэллерже, въ теченiи трехъ мѣсяцевъ испытывала это ощущенiе безъ всякаго повода каждый вечеръ ¹⁾.

Если у душевно-больныхъ встрѣчаются ощущенiя такого рода, то нерѣдко также эти больные жалуются, что имъ подносятъ ядовитые порошки, мышьякъ, купоросъ и т. д. Бэллерже рассказываетъ, что одинъ субъектъ послѣ процесса г-жи Лафаржъ вообразилъ, будто жена хочетъ его отравить. Онъ обвинялъ ее въ томъ, будто бы она посыпаетъ его постель порошкомъ, не дающимъ ему покоя. Свое платье онъ запиралъ каждую ночь въ шкафъ, влючъ отъ котораго держалъ при себѣ.

Въ бронской лечебницѣ у меня былъ больной, страдавшій тѣми же болѣзненными ощущенiями. У него былъ бредъ преслѣдованiя, выраженный очень рѣзко, и онъ постоянно жаловался, что ему посыпаютъ постель мышьяковымъ порошкомъ; онъ вдыхалъ въ себя этотъ порошокъ, видѣлъ его, ощущалъ его прикосновенiе къ своему тѣлу и часто вставалъ по ночамъ, чтобы встряхнуть постельное бѣлье и освободиться отъ мучившихъ его ощущенiй.

¹⁾ Baillarger. *Des Hallucinations*, Paris, 1846, стр. 338.

Ощущение прикосновения животных. Также часто или, можетъ быть, даже еще чаще встрѣчается другая осязательная галлюцинація—ощущение *прикосновения животныхъ*, прогуливающихся по тѣлу галлюцинанта. Преимущественно страдаютъ этимъ мнимо-ощущениемъ алкоголики. То они чувствуютъ и видятъ, какъ животныя ползаютъ по ихъ кожѣ, то они открываютъ, что черви гложутъ ихъ тѣло; въ страшной тревогѣ они усиливаются сорвать ихъ съ себя и сбросить на землю. Одна больная, описанная Маньяномъ ¹⁾, чувствовала, что какое-то холодное и влажное животное ползаетъ по ея бедрамъ. Другой больной сидѣлъ раздавить громаднаго чернаго паука, бѣгавшаго подъ брюками по его кожѣ.

Очень часто также при душевныхъ болѣзняхъ являются ощущенія сдавленія, удара, тренія, уколовъ, ожогъ. Маньянъ описываетъ алкоголиковъ, которые были убѣждены, что ихъ сдавливаетъ со всѣхъ сторонъ опоясывающая ихъ желѣзная проволока, и они все время старались разнять металлическія кольца, всякій разъ замыкавшіяся снова кругомъ ихъ. Другіе больные ощущаютъ удары мячей, падающихъ со всѣхъ сторонъ на ихъ тѣло. Одинъ больной, страдающій бредомъ преслѣдованія и находящійся теперь подъ моимъ надзоромъ, жалуется, что всякую ночь въ него стрѣляетъ мячиками изъ револьвера сынъ женщины, преслѣдующей его уже нѣсколько лѣтъ. Другой больной, долгое время находившійся у меня въ лечебницѣ, жаловался, что его строгаютъ, пилятъ, электризуютъ, жгутъ, и выраженія, въ которыхъ онъ жаловался, не позволяли сомнѣваться въ томъ, что онъ испытываетъ жесточайшія страданія.

У нѣкоторыхъ больныхъ встрѣчается еще одно крайне мучительное ощущеніе — ощущеніе *прикосновения жидкости, воды, крови и т. д.* Казовиель (Cazauvielh) сообщаетъ объ одной женщинѣ, страдавшей меланхоліей съ на-

¹⁾ Magnan, *De l'Alcoolisme et des diverses formes du délire alcoolique*, Paris, 1874.

клонностью къ самоубійству, въ состояніи которой сначала наступило замѣтное улучшеніе, и которая, заболѣвъ вторично, ложась спать, погружалась всякій разъ, по ея словамъ, въ воду до плечъ.

Баллярже приводитъ нѣсколько случаевъ того же рода, а я лично наблюдалъ въ бронской лечебницѣ одного помѣшаннаго, страдавшаго бредомъ преслѣдованія, который имѣлъ галлюцинаціи въ сферѣ почти всѣхъ чувствъ. Онъ часто воображалъ, что враги колютъ его кинжалами, штыками и чувствовалъ, какъ кровь течетъ по его тѣлу. Какъ часто бываетъ, зрительная галлюцинація сопровождала ощущенія удара ножомъ или штыкомъ, испытываемыя больнымъ; странно было только то, что, ощущая сильную боль въ той или другой части тѣла, больной видѣлъ кинжалы и штыки—орудія его страданій—мелькающими далеко отъ себя, на разстояніи нѣсколькихъ метровъ.

Ощущеніе дуновения. Галлюцинанты испытываютъ ощущенія еще болѣе нѣжныя и тонкія,—ощущенія дуновения, легкаго поглаживанія, прикосновения. Нѣкоторые больные думаютъ, что это задѣла ихъ крыломъ летучая мышь, другіе говорятъ, что *что-то, — дуновение, духъ* — коснулось ихъ лица. Такое ощущеніе испыталъ Равальякъ, страдавшій, какъ извѣстно, галлюцинаціями, когда „по выходѣ изъ ангулемской тюрьмы, въ субботу послѣ Рождества, во время набожныхъ размышленій, которымъ онъ обыкновенно предавался въ постели, сложивъ руки и скрестивъ ноги, онъ почувствовалъ, что что-то коснулось его тѣла и губъ. Что это было, онъ разобрать не могъ“.

Эти легкія осязательныя галлюцинаціи вызываютъ иногда со стороны больныхъ своеобразныя объясненія.

Одна дама, о которой я еще буду говорить впоследствии, страдала упорными галлюцинаціями общаго чувства: ее рѣзали, разрывали на куски, она ощущала прикосновения рукъ и эти прикосновения не всегда бывали достаточно скромны. Кромѣ того, она испытывала ощущенія своеобразнаго характера вдоль ногъ, которыя были такъ нѣжны, что она не могла приписать ихъ даже самому легкому при-

косновенію. Желая объяснить испытываемое ею ощущение, она увѣряла, что враги наводятъ на нее волшебные лорнеты, позволяющіе имъ видѣть части ея тѣла, прикрытыя платьемъ, и что являвшіяся у нея ощущенія вызываются взглядами негодяевъ, пользующихся волшебными лорнетами. Садясь, она всегда предварительно убѣждалась, что подъ стуломъ нѣтъ никого изъ ея враговъ, и тщательно окутывала ноги платьемъ.

Упыри (вампиры). У душевно-больныхъ, главнымъ образомъ, у страдающихъ бредомъ преслѣдованія, встрѣчается еще одно ощущение, породившее легенду объ *упыряхъ*, слѣды которой мы до сихъ поръ встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ странахъ,—*ощущеніе сосанія*. Обыкновенно оно сосредоточивается на соскѣ, и больной воображаетъ, что его враги, привидѣнія или дьяволъ, сосутъ его кровь. Помимо болѣзненности испытываемаго галлюцинантомъ ощущенія, мысль, что онъ теряетъ кровь, что козни враговъ сокращаютъ его жизнь, повергаетъ больного, страдающаго галлюцинаціями этого рода, въ крайнее отчаяніе. Какъ и все галлюцинаціи, это мнимо-ощущеніе можетъ принимать эпидемическій характеръ, что и наблюдается въ тѣхъ странахъ, гдѣ распространено суевѣрное представленіе объ упыряхъ. Вѣра въ существованіе упырей (вампировъ), сохранившаяся теперь только въ немногихъ мѣстахъ, пользовалась нѣкогда большимъ распространеніемъ. Галлюцинантъ объявлялъ, что лицо, умершее незадолго передъ тѣмъ, явилось къ нему ночью и сосало его кровь, а такъ какъ это заявленіе не встрѣчало недовѣрія, то число несчастныхъ, которыхъ посѣщала вампиръ, скоро выросло до громадныхъ размѣровъ. Существовала даже опредѣленная процедура, чтобы избавить несчастныхъ отъ посѣщеній призрака. Трупъ упыря вырывали изъ земли въ присутствіи властей, и палачъ пронзалъ его тѣло коломъ насквозь, иногда же отсѣкалъ ему голову. Эта казнь, успокоивая разгоряченные умы, прекращала на нѣкоторое время появленіе галлюцинацій, возникавшихъ опять, когда—обыкновенно спустя короткое время—открывался новый упырь.

Какъ я уже сказалъ, это мнимо-ощущеніе встрѣчается и у душевно-больныхъ, но они винятъ въ немъ не упырей. Больные приписываютъ испытываемыя ими мученія своимъ врагамъ, дѣйствующимъ на нихъ издали при помощи волшебства, иногда же окружающимъ лицамъ. И подобно тому, какъ люди, страдавшіе галлюцинаціями въ формѣ упырей, видѣли сидящихъ на нихъ виновниковъ ихъ страданій, такъ нерѣдко и помѣшанные, о которыхъ я говорю, испытываютъ зрительныя галлюцинаціи одновременно съ осязательными мнимо-ощущеніями.

Я зналъ въ дижонскомъ заведеніи для душевно-больныхъ одну несчастную, страдавшую бредомъ преслѣдованія, у которой эти ощущенія являлись въ рѣзко выраженной формѣ. Она обвиняла въ своихъ страданіяхъ ухаживавшихъ за ней сестеръ милосердія и видѣла, какъ онѣ, склонившись надъ ней, сосутъ ея кровь.

Вампиризмъ у помѣшанныхъ. Люди, страдавшіе галлюцинаціями въ формѣ упырей, были убѣждены, что выходцы изъ могилы не только сосутъ у нихъ кровь, но и вырываютъ у нихъ сердце, гложутъ ихъ внутренности и т. д. Тѣ же мнимо-ощущенія мы встрѣчаемъ очень часто у помѣшанныхъ, и я могъ бы привести множество примѣровъ этого рода.

Больная изъ дижонскаго заведенія, о которой я сейчасъ говорилъ, была убѣждена, что не только сосутъ ея кровь, но и гложутъ ея внутренности, вырываютъ у нея сердце. Ощущенія, испытывавшіяся ею, были такъ сильны и мучительны, что она плакала на-взрыдъ, впадала въ глубокой ужасъ и отчаяніе. Мукамъ этимъ ее подвергали, по ея словамъ, то окружавшія ее лица, то нѣкто Бозэ.

Одна дама, наблюдавшаяся мною еще недавно, жаловалась на крайне мучительныя ощущенія въ томъ же родѣ. Невидимыя руки, прикосновеніе которыхъ она однакоже ощущаетъ совершенно ясно, кладутъ ей на сердце что-то вродѣ кровососной банки; ей вскрываютъ животъ, чтобы вынуть различныя внутренности, вырвать кишки. Все эти

жестокія козни враги несчастной устраиваютъ при помощи магнетизма или электричества.

Въ бронской лечебницѣ подѣ моимъ попеченіемъ долго находился больной, страдавшій такими же галлюцинаціями. Онъ полагалъ, что какая-то собака пожираетъ его печень, легкія, сердце. Стоитъ отмѣтить одну любопытную особенность случаевъ этого рода. Когда бредъ принимаетъ менѣе острое теченіе, когда галлюцинаціи исчезаютъ или, вѣрнѣе, смѣняются иного рода разстройствомъ чувственного воспріятія, больные, страдавшіе описанными бредовыми представленіями, увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ сердца, легкыхъ, желудка. Бредовыя представленія въ сферѣ чувственного воспріятія оставили послѣ себя ложную идею, сохраняющуюся при болѣзни, принявшей хроническое теченіе, — даже при слабоуміи.

Я помню одну больную изъ бронской лечебницы, которая долгое время страдала галлюцинаторными ощущеніями во внутреннихъ органахъ, наконецъ исчезнувшими. Больная эта увѣряла, что у нея совсѣмъ нѣтъ внутреннихъ органовъ: бывший врачъ заведенія вынулъ ихъ и съѣлъ. Она не понимала, какъ можетъ она жить послѣ жестокихъ, испытанныхъ ею мученій.

Оставимъ эти факты и перейдемъ къ другой, не менѣе любопытной формѣ галлюцинаторныхъ разстройствъ въ сферѣ общаго чувства.

Оборотни (зооморфизмъ). Демоніація въ средніе вѣка часто принимала своеобразный характеръ, вызывая при этомъ у страдавшихъ ею лицъ своеобразныя галлюцинаціи въ сферѣ общаго чувства. Я говорю о той формѣ помѣшательства, которая носитъ названіе *ликантропіи* (волкодлаки, малоросс. „вовкулаки“). Больные, страдающіе этимъ разстройствомъ убѣждены, что, благодаря чарамъ дьявола, они обращены въ волковъ, и подражаютъ, насколько возможно, движеніямъ и привычкамъ этого звѣря. Замѣчу однакоже, что слово *ликантропія*, которымъ пользуются для обозначенія фактовъ, интересующихъ насъ въ данную минуту, имѣетъ слишкомъ частный и ограниченный смыслъ.

Въ самомъ дѣлѣ, во Франціи больные этого рода почти всегда считаютъ себя обращенными въ волковъ, но въ Шотландіи колдуньи превращались, большею частью, въ *зайцевъ, воронъ, кошекъ* и т. д. (По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, кромѣ волкодлаковъ существуютъ еще *жабалачки, кошкालачень* (Аванасъевъ) *Пер.*) Превращеніе спутниковъ Улисса въ свиней, — галлюцинація, вызванная вѣроятно употребленіемъ ядовитыхъ напитковъ или мазей — относится къ изучаемому разряду фактовъ. Къ числу тѣхъ же мнимощущеній, принимающихъ характеръ своеобразнаго душевнаго разстройства, относится приводимый св. Августиномъ ¹⁾, по Варрону, рассказъ о женщинахъ, превращающихся влѣдствіе употребленія извѣстныхъ напитковъ въ кобылъ.

Слово *зооморфизмъ* кажется намъ болѣе подходящимъ для этихъ бредовыхъ представленій, чѣмъ *ликантропія*, представляющая только частный случай явленія. Быть можетъ, еще умѣстнѣе былъ бы терминъ *метаморфизмъ*, имѣющій болѣе широкое значеніе и указывающій на существованіе у галлюцинанта вѣры въ измѣненіе его личности вообще. Примѣры, приводимые ниже, покажутъ, что замѣчаніе это не лишено основанія.

Возвратимся къ занимающему насъ вопросу. Въ началѣ XVII вѣка во Франціи вспыхнула настоящая эпидемія *ликантропіи*. Несчастные больные воображали, что благодаря дьявольскому навожденію они могутъ превращаться въ волковъ и въ этомъ видѣ они совершали рядъ чудовищныхъ поступковъ, въ которыхъ потомъ сами обвиняли себя передъ судомъ.

Одинъ изъ этихъ больныхъ былъ судимъ въ Безансонѣ. Онъ заявилъ, что состоялъ служителемъ или доѣзжачимъ „владѣльца лѣса“ — такъ онъ называлъ своего господина, который по общему мнѣнію былъ не кто иной, какъ дьяволъ. По волѣ сатаны онъ оборачивался волкомъ и перенималъ всѣ привычки этого звѣря. Его сопровождалъ обыкновенно, по его словамъ, громадный волкъ, — волкъ

¹⁾ Св. Августинъ. *Civitas Dei.*

этотъ былъ самъ дьяволъ. Вдвоемъ они нападали на стада и душили сторожившихъ ихъ собакъ. Когда одинъ изъ нихъ отсутствовалъ, другой вылъ по волчьи, призывая отсутствующаго воспользоваться своей долей добычи, а если онъ не являлся, то заботливо зарывалъ ее въ землю.

Связано ли убѣжденіе вовулаковъ, что они превращаются въ волковъ, съ существованіемъ различныхъ ненормальныхъ ощущеній, порождающихъ у больного это вѣрованіе? На это можно отвѣтить, что есть условія, при которыхъ страданіе будетъ носить характеръ чисто-психическаго разстройства, зависящаго до извѣстной степени отъ болѣзненныхъ импульсовъ къ совершенію жестокихъ поступковъ, соотвѣтствующихъ нраву и привычкамъ волковъ. Мы думаемъ однако, что это встрѣчается рѣдко, а слѣдующее наблюденіе, приводимое Іоанномъ Виромъ¹⁾, показываетъ, что чувственная галлюцинація входитъ въ качествѣ существеннаго элемента въ бредъ волковъ-оборотней. Въ 1541 году въ Падуѣ одинъ человѣкъ считалъ себя превращеннымъ въ волка: онъ рыскалъ по полямъ, нападая на встрѣчныхъ и умерщвляя ихъ. Послѣ трудной борьбы удалось наконецъ его схватить, и онъ тогда по секрету объявилъ людямъ, задержавшимъ его: „Я—въ самомъ дѣлѣ волкъ, и если моя шеура не кажется вамъ волчьей, то потому, что она вывернута шерстью внутрь“. Чтобы убѣдиться въ этомъ у больного вырѣзали въ разныхъ мѣстахъ тѣла куски мяса, отрубили руки и ноги. Не найдя, чего искали, и убѣдившись въ его невинности, его отдали на попеченіе врача, который, не смотря на всѣ старанія, не могъ его спасти. Несчастный умеръ отъ нанесенныхъ ему ранъ.

Я сказалъ выше, что несчастные, убѣжденные въ своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ, превращаются не только въ волковъ, но и въ другихъ животныхъ.

¹⁾ Jean Wier, *Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infâmes, sorciers et empoisonneurs, des ensorcelés et démoniaques*, trad. du latin par Jac. Grévin, Paris 1579.

Въ процессѣ колдуній, происходившемъ въ Шотландіи въ апрѣлѣ 1662 года, одна женщина, по имени Изобель, заявила, что превращеніе въ животныхъ—явленіе не рѣдкое среди шотландскихъ колдуній, что смотря по обстоятельствамъ онѣ оборачиваются воронами, кошками, зайцами и другими животными. Сама Изобель жестоко пострадала во время одного изъ такихъ превращеній. Въ видѣ зайца она послана была дьяволомъ въ Ольдернъ передать одно извѣстіе сосѣдкамъ. На пути туда она встрѣтила собакъ, бросившихся за нею въ погоню и отъ которыхъ она спаслась съ большимъ трудомъ. „Случаи этого рода, объяснила Изобель, не рѣдки; собаки часто бросаются на колдуній-оборотней, и послѣднія сохраняютъ на тѣлѣ слѣды укусовъ даже тогда, когда опять принимаютъ человѣчскій обликъ“.

Въ Абиссиніи дѣвушки не рѣдко подвергаются превращенію, близкому къ выше описанному. Превращеніе это встрѣчается тамъ часто и несчастныя, страдающія такимъ бредовымъ представленіемъ, считаются одержимыми бѣсомъ. У молоденькой, совершенно здоровой до тѣхъ поръ дѣвушки вдругъ является мысль, что она превратилась въ тѣну, она испускаетъ крики и вой, напоминающій вой этого звѣря. Въ же время несчастная мчится по разнымъ направленіямъ съ такой быстротой, что „часто ее можно догнать только на самыхъ быстрыхъ лошадяхъ“. Всегда слабая и хилая, она проявляетъ внезапно такую силу, что нѣсколько сильныхъ мужчинъ съ трудомъ могутъ удержать ее. „Пульсъ у нея частый, выраженіе лица оживленное, взглядъ—тупой, она возбужденно дрожитъ всею тѣлою. Большая качается впередъ и назадъ, откидывая голову направо и налево, сжимая крѣпко въ рукахъ все, что ей попадется, не слыша и не узнавая никого. Вдругъ рѣзкимъ движеніемъ она вырывается изъ рукъ и начинаетъ бѣгать въ неистовствѣ, подражая вою отвратительнаго животнаго, въ котораго она считаетъ себя превращенной“¹⁾.

¹⁾ D-r Blanc, *Journal*, приведено у Vivien de Saint-Martin.

Имѣемъ ли мы дѣло въ двухъ послѣднихъ изъ приведенныхъ нами случаевъ съ простымъ психическимъ расстройствомъ или же слѣдуетъ думать, что больные въ томъ и другомъ случаѣ страдаютъ также галлюцинаціями общаго чувства? Последнее предположеніе кажется намъ весьма правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе что у помѣшанныхъ, у которыхъ и теперь встрѣчаются такія же представленія о превращеніи ихъ въ различныхъ животныхъ, они всегда поддерживаются — если не обусловливаются — галлюцинаціями въ сферѣ общаго чувства. Въ моей лечебницѣ находится въ настоящее время больной, давно уже пришедшій къ убѣжденію, что онъ — волкъ, причѣмъ эта бредовая идея развилась у него на почвѣ галлюцинаторныхъ расстройствъ въ сферѣ общаго чувства.

Одинъ молодой человѣкъ, долгое время находившійся подѣ моимъ наблюденіемъ, вообразилъ будто вмѣсто ногъ у него птичьи лапки. И здѣсь мы имѣли дѣло съ галлюцинаціей общаго чувства, рядомъ съ которой существовала и поддерживала ее зрительная галлюцинація. Этотъ больной, страдавшій мнимо-ощущеніями въ сферѣ почти всѣхъ чувствъ, чувствовалъ, что его ноги изсохли и сдѣлались тверды на-ощупь; кромѣ того, онъ представлялись ему въ той странной формѣ, на которую онъ жаловался.

Нѣкоторые больные подѣ влияніемъ мнимо-ощущеній въ сферѣ общаго чувства считаютъ себя превращенными не въ то или другое животное, а въ другого человѣка, они убѣждены — пользуясь выраженіемъ, часто употребляемымъ ими, — что „кто-то поселился въ нихъ“. Обыкновенно эти больные чувствуютъ, что они растутъ или толстѣютъ, и это мнимо-ощущеніе порождаетъ у нихъ представленіе объ измѣненіи личности.

Подобнаго рода галлюцинаціями страдалъ одинъ больной, относительно котораго мнѣ пришлось дать судебно-медицинское заключеніе. Этотъ несчастный, страдавшій бредомъ преслѣдованія съ галлюцинаціями, содержался нѣкоторое время въ Antiquaille. Убѣжавъ оттуда, онъ жилъ на родинѣ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не совершалъ ни-

какихъ насильственныхъ поступковъ, хотя все это время страдалъ галлюцинаціями и бредомъ преслѣдованія. Онъ проживалъ у одной замужней женщины, матери нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, и занималъ комнату, находившуюся подѣ комнатой хозяйки. Когда онъ лежалъ въ постели, ему казалось, будто свозъ потолокъ къ нему падаютъ тѣла убитыхъ людей; одна доска, выстроганная не советѣмъ правильно, вызывала у него иллюзію отрубленной ноги; ему чудились крики жертвъ; ему казалось, что его самого колютъ кинжалами. Воображая, что всѣ эти преступленія совершаютъ хозяинъ и его жена, онъ подѣ влияніемъ непреодолимаго болѣзненнаго импульса однажды убилъ топоромъ хозяйку и ея маленькихъ дѣтей. Помѣщенный для наблюденія въ бронскую лечебницу, онъ отвѣтилъ на вопросъ о причинѣ совершеннаго имъ убійства, что женщину и дѣтей, умершихъ подѣ его ударами, убилъ не онъ, а „сильные мужчины, поселившіеся въ немъ“. Когда эти мужчины „входили въ него“, онъ чувствовалъ, что становится выше ростомъ и плотнѣе, и это они убили хозяйку и ея дѣтей.

Однажды, раньше чѣмъ онъ совершилъ убійство, изъ-за котораго попалъ въ лечебницу, онъ вдругъ почувствовалъ, что необыкновенно выросъ и „поселившійся въ немъ человѣкъ“ схватилъ какого-то ребенка за ногу и описалъ имъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ. Больной этотъ, абсолютно неизлечимый и впавшій уже въ состояніе слабоумія, испытываетъ до сихъ поръ по временамъ эти ненормальныя ощущенія, вызывающія у него представленіе о полномъ измѣненіи личности.

Замѣчу наконецъ, что иногда больному кажется, будто разнообразнымъ измѣненіямъ подверглась только какая либо одна часть его тѣла, находящаяся во власти другого лица. Въ одной изъ лѳонскихъ лечебницъ я наблюдалъ даму, жаловавшуюся на какихъ то людей, замѣнявшихъ ея горло своимъ и тѣмъ причинявшихъ ей нестерпимую муку.

Ощущеніе полета. Нѣкоторые больные испытываютъ крайне своеобразныя ощущенія, объяснить которыя можно

только разстройствами въ сферѣ общаго чувства. Больные чувствуютъ себя необыкновенно легкими, имъ кажется, будто они поднимаются вверхъ, а иные говорятъ, что летаютъ по воздуху съ необычайной быстротой. Такія же ощущенія часто испытываются во снѣ и въ состояніи бодрствованія людьми, совершенно здоровыми психически, но въ этихъ случаяхъ человекъ даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ испытываетъ, тогда какъ душевнобольные воображаютъ и говорятъ, что они въ самомъ дѣлѣ летаютъ по воздуху, пролетаютъ громадные разстоянія, поднимаются на небо и т. д.

Одна больная, описанная Бэлларже и страдавшая ясно выраженными галлюцинаціями въ этомъ родѣ, говорила, что летаетъ по воздуху и путешествуетъ—выражаясь ея словами—*во времени*. Кабанисъ рассказываетъ, что встрѣчалъ ипохондрикковъ, считавшихъ себя очень легкими и боявшихся, что ихъ унесетъ малѣйшій вѣтерокъ.

Убѣжденіе колдуновъ, что они носятся въ пространствѣ съ большей или меньшей быстротой, обуславливалось очевидно галлюцинаціями въ сферѣ общаго чувства, возникавшими въ слѣдствіе натираній, къ которымъ какъ извѣстно прибѣгали эти грубые адепты магіи. Точно также они вѣрили въ реальность своихъ ночныхъ полетовъ, чѣмъ и давали опасное оружіе въ руки своихъ обвинителей. При этой галлюцинаціи, какъ впрочемъ и при всѣхъ галлюцинаціяхъ, ощущеніе дѣйствительно существуетъ, хотя оно не обуславливается внѣшнимъ объектомъ, а потому больные, подверженные мнимо-ощущеніямъ, не сомнѣваются въ ихъ реальности.

Такъ одного больного, находящагося въ настоящее время въ Бронскомъ заведеніи, никакъ нельзя убѣдить въ томъ, что онъ не летаетъ, когда ему вздумается, въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Больной увѣряетъ, что совершаетъ свои воздушныя путешествія на парашютѣ, что во время этихъ странствій передъ его восхищеннымъ взоромъ проходятъ безчисленныя картины различныхъ странъ, городовъ, рѣкъ, горныхъ вершинъ, мимо его проносятся метеоры. Разказы этого галлюцианта напоминаютъ „Путешествіе въ об-

лакахъ“ Лукіана, безъ философской подкладки и совершенства стиля послѣдняго. Впрочемъ, хотя мы имѣемъ тутъ дѣло съ умомъ, совершенно некультуриваннымъ, выраженія, въ которыхъ больной описываетъ проходяція передъ нимъ картины, очень удачны, а видѣнія его,—такъ какъ мнимо-ощущенія въ сферѣ общаго чувства, очевидно сопровождаются здѣсь галлюцинаціями зрѣнія—имѣютъ иногда грандіозный характеръ; это—ледяныя горы громадной высоты, заканчивающіяся пиками и остроконечными шпицами, облака фантастическихъ очертаній, воздушные дворцы изъ атмосферныхъ паровъ, окрашивающіеся отъ солнечныхъ лучей въ самые яркіе цвѣта, въ самые нѣжные и удивительные оттѣнки.

Можно было бы многое сказать объ этой категоріи мнимо-ощущеній, такъ какъ они встрѣчаются нерѣдко и лѣтописи вѣдовства изобилуютъ примѣрами этого рода. Но, мнѣ кажется, и сказаннаго достаточно, чтобы составить себѣ о нихъ ясное представленіе.

Ощущеніе сжатія и расширенія. У нѣкоторыхъ галлюциантовъ встрѣчаются мнимо-ощущенія сжатія или расширенія ихъ тѣла, подъ вліяніемъ которыхъ они говорятъ, что могутъ по произволу увеличиваться или уменьшаться въ объемъ и ростъ. Одинъ больной въ бронской лѣчебницѣ, страдающій бредомъ величія часто испытываетъ это мнимо-ощущеніе; будучи человекомъ малаго роста, онъ вырастаетъ, на сколько ему вздумается.

Одинъ паралитикъ въ томъ же заведеніи воображалъ, что руки и ноги у него то увеличиваются до громадныхъ размѣровъ, то до смѣшного укорачиваются. Въ первомъ случаѣ больной, выражаясь его словами, самъ себѣ дѣлалъ большія руки; во второмъ—враги доводили его до состоянія комической худобы.

Рассказываютъ, что г-жа Гюйонъ, мистическая подруга Фенелона, иногда воображала, будто она раздулась до такой степени, что должна снять шнуровку. Наоборотъ, когда она сообщала другому лицу осѣнявшую ее благодать, ей казалось, что объемъ ея тѣла становится меньше.

Такія же мнимо-ощущенія часто испытываются больными, страдающими бредомъ преслѣдованія. Они говорятъ, что ихъ голова или тѣло пухнуть или сморщиваются и, разумѣется, приписываютъ кознямъ враговъ измѣненія, которыми будто бы подвергается ихъ тѣло.

Мы видимъ здѣсь лишній разъ, съ какимъ постоянствомъ окраска бреда налагаетъ на чувственные разстройства отпечатокъ, свойственный основной бредовой идеѣ. Страдающій бредомъ величія растетъ по своему произволу, галлюцинантъ-мистикъ раздувается благодаря благодати, страдающій бредомъ преслѣдованія становится уродомъ благодаря кознямъ враговъ. У одного и того же субъекта угнетенное или возбужденное состояніе влечетъ за собой рядомъ съ различными бредовыми идеями различныя мнимо-ощущенія, соотвѣтствующія идеямъ бреда: у паралитика, о которомъ я говорилъ, рука принимала громадные размѣры только тогда, когда бредовыя идеи были связаны съ чувствомъ самоудовлетворенія. При идеяхъ угнетающаго характера являлось тотчасъ же ощущеніе сморщиванія членовъ до крошечныхъ размѣровъ.

Есть еще разрядъ мнимо-ощущеній, часто встрѣчающихся при душевныхъ болѣзняхъ и очень близкихъ къ галлюцинаціямъ общаго чувства. Я говорю о *галлюцинаціяхъ въ сферѣ полового чувства*. Галлюцинаціи эти довольно часто сопровождаются зрительнымъ и почти всегда осязательнымъ образомъ—образомъ мужчины или женщины. Больной чувствуетъ на себѣ объятія, слышитъ иногда оскорбительныя предложенія. Это—средневѣковые *incubi* и *succubi*, о которыхъ такъ часто идетъ рѣчь въ процессахъ колдуновъ ¹⁾. Въ настоящее время такія мнимо-ощущенія встрѣчаются рѣже, но все-таки они довольно часты. Они являются у лицъ обоого пола,—чаще, говорятъ, у женщинъ. Мнѣ случалось, однако же, наблюдать ихъ довольно

¹⁾ Calmeil, *De la folie considérée sous le point de vue pathologique, philosophique et judiciaire depuis la renaissance des sciences en Europe jusqu'au XIX Siècle*. Paris, 1845.

часто и у мужчинъ. Какъ я замѣтилъ уже въ главѣ о зрительныхъ галлюцинаціяхъ, галлюцинаторное видѣніе въ однихъ случаяхъ имѣетъ пріятный видъ; это—мужъ, любовникъ, любимая женщина, и въ такихъ случаяхъ ощущеніе, испытываемое галлюцинантомъ, носитъ сладострастный характеръ. Чаще, однако же, зрительная галлюцинація имѣетъ отталкивающій видъ, больному является дьяволъ, какое нибудь уродливое существо, старуха отвратительной наружности, объятія которой внушаютъ больному ужасъ. Отталкивающіе образы преслѣдуютъ больного, не даютъ ему покою. Половая галлюцинація въ этихъ случаяхъ сопровождается чувствомъ боли или, по крайней мѣрѣ, тягостнымъ и непріятнымъ ощущеніемъ. Всякому психіатру, вѣроятно, приходилось слышать жалобы больныхъ, страдающихъ галлюцинаціями этого рода. Въ настоящее время въ моей лечебницѣ въ Бронѣ находится нѣсколько больныхъ, страдающихъ такими мнимо-ощущеніями, и мнѣ ежедневно приходится выслушивать ихъ жалобы. Прибавлю, что одинъ изъ этихъ больныхъ, преслѣдуемый женщиной, прикосновенія и нечистыя объятія которой онъ на себѣ чувствуетъ, не видитъ своей мучительницы, но явственно испытываетъ осязательное ощущеніе обнимающаго его тѣла и отчетливо слышитъ голосъ распутницы.

Обыкновенно галлюцинаціи въ области полового чувства, связанныя съ ощущеніемъ боли или просто непріятнаго характера, встрѣчаются при бредѣ преслѣдованія,—наоборотъ, сладострастныя мнимо-ощущенія съ пріятными галлюцинаторными видѣніями, повидимому, особенно часто являются при различныхъ маниакальныхъ состояніяхъ. Я помню еще одну молоденькую дѣвушку, страдавшую истерической маніей и сошедшую съ ума отъ любви, не встрѣтившей взаимности. Всякую ночь ее посѣщала предметъ ея страсти, она видѣла, слышала его, говорила съ нимъ, и характеръ разговора не оставялъ сомнѣній насчетъ свойства переживаемыхъ ею мнимо-ощущеній.

Воображаемые роды. У нѣкоторыхъ больныхъ являются иногда ощущенія, вызывающія у нихъ представленіе

о предстоящихъ родахъ болѣе или менѣе значительнаго количества дѣтей. Обыкновенно галлюцинація является ночью и несчастная сумасшедшая съ развѣтомъ ищетъ воображаемыхъ новорожденныхъ и, не находя ихъ, горько жалуется, что ихъ убили, разрѣзали, сожгли, задушили, утопили. Одна больная, которуя я зналъ, такъ часто испытывала это мнимо-ощущеніе, что готовилась къ нему: будучи убѣждена, что ей предстоитъ родить десятокъ малютокъ, она шила имъ платьица, чепчики, кофточки, которыя гондлись бы для куколъ, величиной и толщиной съ палець.

Галлюцинаціи обонянія и вкуса. Мнимо-ощущенія въ области обонянія и вкуса встрѣчаются рѣже, чѣмъ описанныя выше категоріи галлюцинацій. Часто трудно бываетъ отличить ихъ отъ иллюзій въ сферѣ тѣхъ же чувствъ.

Какъ всѣ мнимо-ощущенія, галлюцинаціи обонятельныя и вкусовыя могутъ быть пріятнаго или непріятнаго характера. Последнее бываетъ чаще, и это очевидно зависитъ отъ того, что мрачныя бредовыя идеи значительно преобладаютъ у помѣшанныхъ, а мнимо-ощущенія всегда носятъ отпечатокъ бреда, которымъ страдаетъ галлюциантъ. Такъ духовидецъ, страдающій религіознымъ помѣшательствомъ, часто ощущаетъ благоуханіе въ ту минуту, когда ему является образъ Св. Дѣвы или Христа; когда видѣніе его улетитъ на небо, онъ будетъ ощущать во рту вкусъ воображаемаго божественнаго напитка. Демономанъ будетъ вдыхать въ себя зачумленный воздухъ съ запахомъ сѣры, его будетъ преслѣдовать отвратительный и проникающій запахъ козла, въ образѣ котораго, по народнымъ вѣрованіямъ, часто является дьяволъ. Не у однихъ демономановъ встрѣчаются непріятныя вкусовыя и обонятельныя галлюцинаціи, онѣ часто возникаютъ также у страдающихъ бредомъ преслѣдованія, вызывая у нихъ представленіе о вдыханомъ ими зараженномъ воздухѣ, о томъ, что ротъ ихъ наполненъ жидкостью отвратительнаго вкуса. Иногда эти больные, говоря объ испытываемыхъ ими ощущеніяхъ, никого не обвиняютъ въ своихъ страданіяхъ, но это случается сравнительно рѣдко. Обыкновенно враги, мучащіе ихъ по-

стоянно, производятъ этотъ отвратительный запахъ, вызываютъ этотъ горькій и кислый вкусъ, эти „вкусы“, вызывающіе у нихъ тошноту. А такъ какъ названныя ощущенія часто не сопровождаются зрительными галлюцинаціями, то больные приходятъ къ убѣжденію, что враги преслѣдуютъ ихъ посредствомъ электричества, физики, машины. Если вкусовыя и обонятельныя мнимо-ощущенія сопровождаются галлюцинаторнымъ зрительнымъ или осязательнымъ образомъ—что случается не очень рѣдко—тогда галлюциантъ считаетъ то лицо, которое онъ видитъ или котораго прикосновеніе ощущаетъ, виновникомъ испытываемыхъ имъ обонятельныхъ и вкусовыхъ мнимо-ощущеній. Это лицо вливаетъ ему въ ротъ кровь или гной, заставляетъ его дышать своимъ отравленнымъ дыханіемъ и т. д. Въ настоящее время въ моей лечебницѣ находятся двое больныхъ, постоянно жалующихся на подобныя ощущенія: одного изъ нихъ преслѣдуетъ какая-то землячка, другого—служитель лечебницы. У перваго вкусовыя и обонятельныя мнимо-ощущенія сопровождаются осязательной, у втораго—зрительной галлюцинаціей.

Хотя я и говорю за-одно о вкусовыхъ и обонятельныхъ разстройствахъ чувственного воспріятія, но это не исключаетъ возможности отдѣльнаго ихъ существованія. Во многихъ случаяхъ очевиднымъ образомъ страдаетъ одно только чувство. Обыкновенно однако же обонятельныя и вкусовыя галлюцинаціи встрѣчаются одновременно и усиливаютъ другъ друга взаимно, такъ что я счелъ возможнымъ описывать ихъ вмѣстѣ. Если мы вспомнимъ, какъ часто нормальныя вкусовыя ощущенія дополняются и усиливаются ощущеніями обонятельными, какъ часто дѣятельность обоихъ чувствъ проявляется совмѣстно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же возбудителей, то не найдемъ ничего страннаго въ совмѣстномъ существованіи обонятельныхъ и вкусовыхъ галлюцинацій въ громадномъ большинствѣ случаевъ.

Я замѣтилъ выше, что нерѣдко трудно бываетъ отличить вкусовыя и обонятельныя галлюцинаціи отъ иллюзій

въ сферѣ тѣхъ же чувствъ. Въ приведенныхъ нами случаяхъ смѣшеніе было невозможно—въ нихъ наблюдались дѣйствительныя галлюцинаціи. Иное дѣло, когда мнимощущеніе существуетъ рядомъ съ реальнымъ воспріятіемъ. Съ такими случаями мы встрѣчаемся напримѣръ, когда страдающіе бредомъ преслѣдованія воображаютъ, будто къ ихъ пищѣ подмѣшанъ ядъ, когда ипохондрики увѣряютъ, будто ихъ потъ имѣетъ трушный запахъ и т. д. Имѣетъ ли мы здѣсь дѣло съ простой иллюзіей? Происходитъ ли здѣсь только метаморфоза реального воспріятія заподозрѣннаго предмета или же впечатлѣніе, видоизмѣняясь, вызываетъ настоящую галлюцинацію? Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Если нѣкоторые случаи послѣ тщательнаго изслѣдованія можно подвести съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ подъ ту или другую категорію, то въ другихъ случаяхъ, какъ бы обстоятельно ни было наше изслѣдованіе, мы остаемся въ нерѣшительности.

ГЛАВА VIII.

Физиологическія галлюцинаціи.

Представляетъ ли галлюцинація тогда, когда она является самостоятельно и отдѣльно,—признакъ помѣшательства? Всегда ли она—явленіе патологическое (болѣзненное) въ строгомъ смыслѣ слова? Вотъ вопросы, которыми мы здѣсь займемся.

Хотя многіе выдающіеся психіатры держатся противоположнаго взгляда, для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что галлюцинаціи могутъ существовать безъ душевнаго расстройства,—и многихъ гениальныхъ людей, по нашему мнѣнію, крайне неосторожно и ошибочно заподозрили въ помѣшательствѣ. Съ недавняго времени въ особенности вошло какъ будто въ моду считать психически-больными самые выдающіеся умы, если только можно было доказать, что они страдали галлюцинаціями. Быть можетъ, благодаря этому теченію и возникла теорія, рассматривающая гений какъ неврозъ, — теорія, блестящимъ образомъ изложенная талантливымъ ученымъ.

Я думаю, нельзя достаточно энергично протестовать противъ этого стремленія относить къ числу помѣшанныхъ людей, силою своихъ дарованій прославившихъ человечество, на томъ только основаніи, что они были подвержены галлюцинаціямъ. Противъ этой точки зрѣнія возсталъ та-

кой проницательный психіатръ, какъ Бриеръ-де-Буамонъ, вѣрно оцѣнившій относящіеся сюда факты. Позволю себѣ привести здѣсь слова моего отца, также энергично протестовавшаго противъ этого стремленія. „Нѣкоторые психіатры, говоритъ онъ, не преминули открыть зародышъ умопомѣшательства въ авторѣ „*Lettres provinciales*“ и „*Pensées*“. Платонъ, Нума, Пифагоръ и многіе другіе подверглись тому же историческому діагнозу. Не избѣжалъ его и Сократъ. 1) Право, можно бы почувствовать отвращеніе къ генію! 2)“ Однако, факты, надлежащимъ образомъ изученные и представленные въ истинномъ свѣтѣ, позволяютъ намъ освободить отъ подозрѣнія въ помѣшательствѣ многіхъ геніальныхъ и талантливыхъ людей, страдавшихъ галлюцинаціями. Въ самомъ дѣлѣ, сильнаго напряженія ума, энергической дѣятельности мысли достаточно, чтобы у лицъ съ извѣстнаго рода организаціей представленія обьективировались, относились во внѣшній міръ. Во многіхъ случаяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые мы приводимъ ниже, этотъ фактъ составляетъ только крайнюю ступень и какъ бы высшее проявленіе интеллектуальной дѣятельности.

Когда Бальзакъ, описывая аустерлицкую битву, слышалъ крики раненыхъ, пушечные выстрѣлы, ружейные залпы, когда Флоберъ, описывая сцену отравленія г-жи Бовари, ощущалъ во рту, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, вкусъ мышьяка, 1) вызвавшій у него два раза кряду рвоту,—то въ обоихъ этихъ случаяхъ ощущеніе было настолько сильно, что обьективировалось. Когда у Гете въ полѣ зрѣнія возникали образы, преобразавшіеся и видоизмѣнявшіеся до безконечности, то здѣсь воля ученаго общала созданіямъ его воображенія яркость реального воспріятія. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ знаменитый поэтъ:

1) Lélut. *Le démon de Socrate*. Paris 1856.

2) Max Simon. *Du vertige nerveux* (*Mém. de l'Acad. de médecine* Paris 1858).

1) Замѣчу, что мышьяковые растворы обыкновенно лишены вкуса; это, впрочемъ, нисколько не уменьшаетъ значенія сообщеннаго факта.

„Когда я закрывалъ глаза и, наклоняя голову, воображалъ, будто вижу въ полѣ зрѣнія цвѣтокъ, то цвѣтокъ этотъ не сохранялъ своей формы долѣе мгновенія — онъ тотчасъ же разлагался, и изнутри его возникали другіе цвѣты съ окрашенными, иногда зелеными лепестками. Это были не натуральные цвѣты, а фантастическія фигуры, правильныя, какъ розетки скульпторовъ. Я не могъ фиксировать этихъ созданій моего воображенія, но явленіе продолжалось, пока я этого желалъ. Точно также, когда я представлялъ себѣ дискъ, окрашенный въ различные цвѣта, изъ центра къ периферіи выростали безпрестанно новыя образы, напоминавшіе фигуры калейдоскопа“.

„Я имѣлъ случай, говоритъ Мюллеръ, въ 1828 году бесѣдовать съ Гете объ этомъ предметѣ, одинаково интересовавшемъ насъ обоихъ. Когда я спокойно лежалъ въ кровати съ закрытыми глазами, не будучи, однако, погруженъ въ сонъ, то часто видѣлъ фигуры, которыя могъ ясно наблюдать. Гете зналъ объ этомъ и очень интересовался вопросомъ, что я тогда испытывалъ. Я сказалъ ему, что воля не оказываетъ съ моей стороны никакого вліянія ни на возникновеніе, ни на видоизмѣненіе этихъ образовъ, и что я никогда не видѣлъ симметрическихъ фигуръ, ничего такого, что напоминало бы произведенія растительнаго царства. Напротивъ, Гете могъ по произволу задать себѣ тему, которая затѣмъ преобразовывалась произвольно, всегда, однакоже, подчиняясь законамъ гармоніи и симметріи 1)“.

Такого же рода фактъ сообщаетъ нѣмецкій психіатръ. Брозіусъ (изъ Бендорфа), произвольно вызвавшій свой собственный образъ. Образъ позировалъ передъ нимъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, но исчезъ тотчасъ же, какъ только Брозіусъ перенесъ свою мысль на себя. 2)

Въ обоихъ случаяхъ участіе воли проявляется очевиднымъ образомъ. Она вызываетъ, порождаетъ — такъ ска-

1) Müller, *Manuel de physiologie*, trad. par Jourdan.

2) *Annales médico-psychologiques*.

зять—галлюцинаторный образъ. Обыкновенно это явленіе бываетъ результатомъ усиленнаго сосредоточенія мысли на умственныхъ или нравственныхъ вопросахъ.

Одна дама, которую я зналъ уже пожилой, принадлежала въ молодости къ числу самыхъ блестящихъ красавицъ двора Людовика XVI. Воспитанная въ строгихъ правилахъ, она часто упрекала себя за то, что дорожить своей красотой, что съ удовольствіемъ глядитъ на себя въ зеркало, и нерѣдко сосредоточивалась на мысли о смерти, которая навсегда уничтожитъ ея красоту. Однажды, послѣ такихъ думъ, она, взглянувъ въ зеркало, увидѣла вмѣсто своего лица мертвую голову, замѣнявшую въ ея размышленіяхъ прекрасное лицо, которымъ она гордилась.

Обращаясь къ историческимъ фактамъ, мы здѣсь легко найдемъ примѣры галлюцинацій, вызванныхъ усиленной работой мысли въ извѣстномъ направленіи у лицъ, совершенно здоровыхъ въ умственномъ отношеніи. Я позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько случаевъ этого рода.

Быть можетъ, самымъ знаменитымъ видѣніемъ древности слѣдуетъ считать видѣніе, явившееся Бруту и рассказанное Плутархомъ. Брутъ не только видѣлъ призракъ, но и слышалъ его голосъ, объявившій ему, что онъ—его злой геній и что они встрѣтятся при Филиппахъ.

Если разобрать это видѣніе, то легко убѣдиться, что оно представляетъ результатъ размышленій Брута надъ своимъ положеніемъ и положеніемъ его дѣла. Убіеніе Цезаря, не принеся пользы дѣлу республики, вызвало междоусобную войну и было много оснований ожидать, что свобода, которую Брутъ и его друзья хотѣли спасти, должна погибнуть, благодаря средству, избранному ими для ея спасенія. Естественно, что Бруту эти событія являлись въ видѣ непріязненнаго рѣшенія рока. Убѣжденіе это отождествилось въ его умѣ съ идеей о преслѣдующемъ его зломъ геніи, — идеей, которая, наконецъ, обьективировалась. Что касается до указанной призракомъ мѣстности, гдѣ должна была рѣшиться судьба Брута и республики, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ всѣ патриціи этой эпохи Брутъ серьезно изучилъ

военное искусство. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что призракъ, созданный воображеніемъ полководца, указалъ на мѣстность, въ которой по стратегическимъ соображеніямъ должна была, очевидно, произойти встрѣча обѣихъ армій. Относительно полнаго душевнаго здоровья Брута не можетъ быть сомнѣній, такъ какъ появленіе призрака нисколько не повліяло на образъ его дѣйствій.

Въ римской исторіи мы находимъ еще одинъ примѣръ, похожій на вышеописанный. Мы говоримъ о призракѣ, явившемся императору Юліану наканунѣ его смерти. Юліанъ въ персидской войнѣ не обнаружилъ обычной проницательности: онъ неосторожно подвигался впередъ въ непріятельской странѣ, позволилъ перебѣжчикамъ ввести себя въ обманъ и колебался относительно выбора пути. Векорѣ обнаружился недостатокъ въ продовольствіи, и Юліанъ принужденъ былъ начать отступление при постоянныхъ стычкахъ съ тревожившей его армію непріятельской конницею. Даже въ эту тревожную и опасную пору онъ предавался по ночамъ размышленію и изученію великихъ писателей. Въ одинъ изъ такихъ уединенныхъ часовъ, когда Юліанъ читалъ или писалъ, ему явился геній имперіи, котораго онъ видѣлъ въ Лютеціи, прежде чѣмъ былъ провозглашенъ императоромъ. Геній былъ блѣденъ, грустенъ и удалился печальный, набросивъ покрывало на голову и на бывший у него въ рукѣ рогъ изобилія. Въ слѣдующій день Юліанъ былъ убитъ въ сраженіи¹⁾.

И здѣсь происхожденіе галлюцинаціи вполне понятно. Юліанъ, поставившій себѣ цѣлью возстановить учрежденія язычества, падавшія на его глазахъ, предчувствовалъ близкую гибель дорогого ему дѣла. Что касается формы, въ которой олицетворилась эта идея, — то геній имперіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился Юліану, изображался на всѣхъ монетахъ того времени.

Всѣ знаютъ геройскую и полную несчастій судьбу Кодамба. Окруженный тысячею препятствій, подозрѣніями, клеветой враговъ, онъ никогда не теряетъ окончательно вѣры

¹⁾ Châteaubriand. *Études historiques.*

въ торжество своего дѣла. Иногда грусть овладѣвала имъ, но упадокъ духа никогда не бывалъ продолжителенъ: его поддерживаютъ глубина его надеждъ, величіе его взглядовъ, несокрушимая вѣра въ Провидѣніе. По временамъ у этого великаго человѣка задушевные мысли, въ которыхъ онъ черпалъ силу и бодрость въ печальные часы, принимали осязательную форму, какъ видно изъ слѣдующаго факта, разсказаннаго Вашингтономъ Ирвингомъ. Во время третьяго своего путешествія, разсказываетъ американскій историкъ, спустя немного времени послѣ того, какъ былъ открытъ заговоръ Гвевары и Мохики и участники его наказаны, Колумбъ, больной, поддался на короткое время отчаянію. Въ ту минуту, когда грустные мысли тѣснились передъ нимъ и отчаяніе его достигало крайнихъ предѣловъ, онъ услышалъ голосъ, сказавшій ему: „О, маловѣрный! не бойся ничего, не впадай въ отчаяніе. Я позабочусь о тебѣ... Семь лѣтъ даннаго тебѣ срока еще не прошло; здѣсь, какъ и во всемъ прочемъ, я не оставляю тебя“. Въ тотъ же день, пишетъ Колумбъ, я получилъ извѣстіе, что открыта большая область съ богатыми золотыми россыпями¹⁾.

Разсказанные нами факты — а подобныхъ фактовъ мы могли бы привести множество — не оставляютъ сомнѣнія въ галлюцинаторномъ характерѣ образовъ, являвшихся Бруту, императору Юліану и Христофору Колумбу. Должны ли мы считать ихъ душевно-больными потому, что они вѣрили въ реальность своихъ видѣній? Разумѣется, нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что ихъ образъ дѣйствій указываетъ на полное ихъ душевное здоровье, слѣдуетъ принять во вниманіе вѣрованія той эпохи, при которыхъ вполне естественно было принять объективированныя созданія воображенія за явленія невидимаго міра. То, что мы теперь, не колеблясь, называемъ *галлюцинаціей*, носило въ прошломъ имя *тѣней*, *лемуровъ*, *духовъ* и не слѣдуетъ терять этого изъ виду при оцѣнкѣ историческихъ фактовъ.

Мы должны поэтому допустить, что яркая идея, вопросъ, на которомъ упорно сосредоточено наше вниманіе, картины, проходящія въ воображеніи, могутъ у нѣкоторыхъ натуръ объективироваться при отсутствіи всякой душевной болѣзни. Но если галлюцинаціи могутъ возникать и не у душевно-больныхъ, то все же представляетъ ли она явленіе патологическое?

Вопросъ этотъ не легко поддается рѣшенію, и мы должны предварительно сказать нѣсколько словъ о томъ, что мы называемъ явленіемъ патологическимъ.

Природа физиологическихъ галлюцинацій. Если всякое явленіе, не встрѣчающееся обыкновенно въ нормальной жизни индивида, непременно считать патологическимъ, то, конечно, придется признать болѣзненнымъ явленіемъ и галлюцинацію, каковы бы ни были условія ея возникновенія. Но если мы допустимъ возможность такихъ нормальныхъ проявленій дѣятельности организма, которыя рѣдко осуществляются въ дѣйствительности, то будемъ имѣть право признать галлюцинацію за одно изъ такихъ возможныхъ проявленій, имѣющихъ мѣсто только при опредѣленныхъ условіяхъ и притомъ не исключающихъ полной сохранности умственныхъ способностей у лицъ, которымъ онѣ являюся. Мы должны будемъ признать ее за дѣятельность, достигающую чрезвычайной интенсивности, предположить которую мы имѣемъ, конечно, право у лицъ вродѣ Гёте. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ — какъ у Гёте — галлюцинація возникаетъ произвольно, я рѣшительно отказываюсь признать ее явленіемъ болѣзненнымъ.

Мнѣ кажется, что обыкновенно ошибочно представляютъ себѣ дѣятельность памяти, ошибочно полагають, будто образы воспоминаній существенно отличаются отъ галлюцинаторныхъ образовъ. Оба явленія — память и галлюцинація — несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ обыкновенно полагають. Въ обоихъ случаяхъ вызывается вновь прежнее воспріятіе, всплываютъ образы, хранящіеся въ корковомъ веществѣ и пробѣгающіе путь, обратный тому, который они проходятъ при воспріятіи. Единственное существующее здѣсь различіе

¹⁾ Washington Irving. *Vie de Christophe Colomb.*

есть различіе въ степени, въ интенсивности произведеннаго движенія. На тождество обоихъ явленій указываетъ очевиднымъ образомъ то обстоятельство, что и то и другое можетъ при одинаково благоприятныхъ условіяхъ дать начало послѣдовательнымъ образамъ, какъ наблюдалъ на самомъ себѣ знаменитый нѣмецкій физиологъ Вундтъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы говорили, что, по опытамъ Грюитхюйзена, яркій галлюцинаторный образъ согласно съ законами физиологической оптики оставляетъ на своемъ мѣстѣ послѣдовательный образъ такой же формы, — что галлюцинаторный образъ фіолетоваго плавиковога шпата на пылающихъ угольяхъ смѣнялся послѣдовательнымъ образомъ желтаго пятна на синемъ фонѣ. То же наблюдается и относительно припоминаемыхъ образовъ. Если, закрывъ глаза, мы долго фиксируемъ въ воображеніи какой нибудь образъ, окрашенный въ яркій цвѣтъ, а потомъ, открывая глаза, переносимъ ихъ на бѣлую поверхность, то видимъ тамъ въ теченіи очень короткаго промежутка времени образъ, созерцавшійся нами въ воображеніи, но окрашенный въ дополнительный цвѣтъ¹⁾. Слѣдовательно, воспоминаніе и галлюцинація — явленія одного порядка: въ обоихъ случаяхъ получается возбужденіе сѣтчатки и притомъ возбужденіе однородное, такъ какъ потомъ являются тождественныя послѣдовательныя измѣненія. Яркое, стойкое воспоминаніе, такимъ образомъ, повидимому, сопровождается легкимъ галлюцинаторнымъ состояніемъ и понятно, что если энергическій волевой импульсъ сообщить колебательному движенію — въ которомъ мы должны видѣть соматическое условіе дѣятельности памяти — большую интенсивность, то можетъ случиться, что то, что было воспоминаніемъ, станетъ галлюцинаціей, хотя явленіе останется чисто-физиологическимъ.

Вліяніе воли. Способность объективировать образы встрѣчается далеко не такъ рѣдко, какъ можно было бы думать. Одинъ мой знакомый, основательно изучившій психофизио-

¹⁾ Вундтъ, цитировано у Рибо, *Бользни памяти*.

логію, обладаетъ этой способностью и часто пользуется ею. Вызываемые образы имѣютъ вполне отчетливые контуры, но цвѣтъ ихъ недостаточно ярокъ — они выдѣляются на черномъ фонѣ зрительнаго поля (явленіе происходитъ при закрытыхъ глазахъ) — только благодаря болѣе темной окраскѣ очертаній контура и меньшей насыщенности окраски фона самого образа. Контуръ однако же, какъ я сказалъ, отчетливо очерченъ, и образъ можетъ быть вызванъ произвольно. Онъ продолжаетъ существовать, пока того желаетъ наблюдатель, и исчезаетъ, когда вниманіе наблюдателя переносится на окружающіе предметы.

Одинъ изъ моихъ друзей нѣсколько лѣтъ тому назадъ неоднократно дѣлалъ попытки объективировать образы, вызываемые памятью. Однѣ попытки не имѣли успѣха, другія удались. Вотъ отрывокъ изъ письма, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ результатъ этихъ любопытныхъ наблюденій. „Желая объективировать образы, сохранившіеся въ моей памяти, я произвелъ нѣсколько опытовъ, которые, надѣюсь, представятъ для васъ нѣкоторый интересъ. Напряженно и долго фиксируя мысленно образъ печати съ перламутровой ручкой, которой я пользуюсь ежедневно, я скоро увидѣлъ ее въ полѣ зрѣнія. Образъ былъ ясенъ, отчетливъ и имѣлъ то положеніе, которое я желалъ ему придать. Всякій разъ, когда я производилъ этотъ опытъ и образъ возникалъ въ полѣ зрѣнія, я не могъ фиксировать его долго: онъ почти тотчасъ же исчезалъ. Но, что любопытно, при неоднократныхъ попыткахъ мнѣ не всегда удавалось объективировать образъ, а иногда въ полѣ зрѣнія можно было различить только вещество, изъ котораго сдѣланъ былъ предметъ. Однажды, желая вызвать въ полѣ зрѣнія образъ печати съ перламутровой ручкой, о которомъ я говорилъ, я увидѣлъ матовый цвѣтъ перламутра со свойственнымъ ему блескомъ, но образъ этотъ былъ совершенно безформенный; нельзя было различить никакихъ контуровъ, никакой опредѣленной формы. При тѣхъ же попыткахъ мнѣ случалось наблюдать и обратное — мысленный образъ выдѣлялся въ полѣ зрѣнія съ вполне опредѣленными очертаніями, но цвѣтъ

его и вещество, изъ котораго онъ состоялъ, не соотвѣтствовали воображаемому предмету. Я увидѣлъ однажды печать съ совершенно отчетливыми очертаніями, всё подробности формы различались мною ясно, но ручка лишена была окраски, свойственной перламутру. Я видѣлъ крайне блѣдный образъ зеленаго цвѣта, выдѣлявшійся довольно явственно на фонѣ, окрашенномъ въ тотъ же, хотя еще болѣе блѣдный цвѣтъ. Отблескъ, матовая окраска перламутра отсутствовали“.

Въ этихъ опытахъ экспериментатору удавалось воспроизводить только крайне несовершенный образъ предмета, о которомъ онъ думалъ. Иногда въ полѣ зрѣнія возникала только какая либо одна особенность предмета. Повидимому нѣкоторыя лица обладаютъ способностью произвольно вызывать образы въ болѣе совершенной степени.

Одному англійскому художнику, о которомъ рассказываетъ Вигандъ, достаточно было увидѣть какое нибудь лицо и набросать его портретъ, чтобы потомъ обходиться безъ модели. Онъ, такъ сказать, бралъ его потомъ изъ памяти, ставилъ въ позы, какія желалъ и работалъ по цѣлымъ часамъ передъ созданными имъ фантастическими образами.

Той же способностью обладала, повидимому, художница, г-жа О'К. Рассказываютъ, что одинъ изъ ея знакомыхъ лишился дорогого ему лица, которое г-жа О'К. видѣла всего одинъ разъ. Она написала по памяти поразительно схожій портретъ этого лица, такъ что и у нея, очевидно, существовала способность, которою въ такой сильной степени обладалъ упомянутый выше художникъ.

Говорятъ также, что Тальма, выходя на сцену, могъ усиленіемъ воли заставить исчезнуть для себя многочисленныхъ зрителей, наполнявшихъ театр; ихъ мѣсто занимали въ его воображеніи скелеты. Когда это происходило, его игра достигала такой силы и правдивости, такой жизненности, какой безъ этого, по его мнѣнію, она никогда не могла бы достигнуть.

Эта крайне рѣдкая способность тѣмъ драгоцѣннѣе, что можетъ существовать рядомъ съ полной невредимостью ум-

ственныхъ способностей. Замѣчу, однако же, что лицамъ, обладающимъ способностью объективировать умственные образы, слѣдовало бы пользоваться ею съ осторожностью, такъ какъ это не лишено своего рода опасности. Въ самомъ дѣлѣ, Вигандъ сообщаетъ, что художникъ, о которомъ мы говорили выше, сталъ впоследствии смѣшивать образы, созданные его волей, съ реальными личностями.

Мы не найдемъ въ этомъ ничего страннаго, если вспомнимъ, что вслѣдствіе усиленія воли или даже просто напряженнаго сосредоточенія вниманія на извѣстномъ предметѣ дѣятельность любого изъ органовъ чувствъ можетъ проявляться въ крайнихъ предѣлахъ. Слишкомъ часто повторяющаяся дѣятельность этого рода и такой интенсивности влечетъ наконецъ за собой непроизвольную дѣятельность органа и тогда за крайнюю степенью физиологической дѣятельности слѣдуетъ патологическое разстройство, наступающее явленіе, относящееся несомнѣнно къ разряду болѣзненныхъ.

Прежде чѣмъ закончить главу о физиологическихъ галлюцинаціяхъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о *демонѣ Сократа*. Это—одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, и къ изслѣдованію его мы приступимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Помимо интереса, связаннаго съ самимъ явленіемъ, тотъ фактъ, что Сократа, мудрѣйшаго изъ людей, считаютъ возможнымъ заподозрить въ умопомѣшательствѣ, представляется поклонникамъ философіи чѣмъ-то вредѣ поругательства надъ геніемъ,—оскорбленіе, наносимое этому великому уму, задѣваетъ все человѣчество. Мы подвергнемъ факты тщательному изслѣдованію и, надѣемся, намъ удастся доказать, что оскорбленіе, нанесенное учителю божественнаго Платона, лишено всякаго основанія. Мы разсмотримъ, можетъ ли Сократъ, какъ это легкомысленно было высказано, быть заподозрѣнъ въ помѣшательствѣ на томъ только основаніи, что онъ получалъ указанія отъ своего „генія“. Мы изслѣдуемъ также, въ чемъ состояло это явленіе, игравшее видную роль въ жизни знаменитаго философа.

Чтобы рѣшить оба вопроса, мы должны предварительно

привести нѣсколько цитатъ, относящихся къ фактамъ, которые предполагаемъ разсмотрѣть. Мы заимствуемъ цитаты главнымъ образомъ у Плутарха и Платона, описавшихъ обстоятельнымъ образомъ и со всеми подробностями явленіе, наблюдавшееся у Сократа и казавшееся ему результатомъ вмѣшательства *генія*¹⁾.

„У Сократа, говоритъ Плутархъ, повидимому, былъ геній, который уже рано даровалъ ему способность особаго предвидѣнія. Это предвидѣніе руководило его дѣйствіями. Оно освѣщало своимъ свѣтомъ неясныя дѣла, недоступныя человѣческому уму. Въ этихъ случаяхъ демонъ говорилъ съ Сократомъ и божественное вдохновеніе управляло всеми его дѣйствіями“.

Особенно поражало современниковъ Сократа то обстоятельство, что онъ, благодаря своему генію, могъ предсказывать будущее; такъ, на примѣръ, онъ предсказалъ гибель аѳинскаго войска въ Сициліи. Аѳинское войско дѣйствительно погибло въ Сициліи незадолго передъ тѣмъ, и въ Аѳинахъ никто рѣшительно объ этомъ не зналъ.

Плутархъ отмѣчаетъ еще одинъ фактъ, передававшійся въ Греціи изъ устъ въ уста еще въ ту пору, когда писалъ Плутархъ. Дѣло идетъ объ умерщвленіи непріателемъ одного отряда аѳинскаго войска, направившагося не по тому пути, который былъ указанъ Сократу его геніемъ. Историкъ считаетъ этого генія сверхъестественнымъ существомъ. Изъ діалога Плутарха съ очевидностью слѣдуетъ, что на это явленіе все смотрѣли точно также.

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что народъ, создавшій цѣлый рядъ существъ, служившихъ посредниками между богами и людьми, считалъ эти случаи предвидѣнія результатомъ указаній сверхъестественнаго существа. Раздѣляли ли это мнѣніе Сократъ? Считалъ ли онъ то, что онъ на-

¹⁾ См. также Лелю «*Le démon de Socrate*», гдѣ авторъ, защищая воззрѣніе противоположное нашему, собралъ все данныя, относящіяся къ любовитному психическому факту, игравшему выдающуюся роль въ жизни Сократа.

зываютъ *голосомъ своего генія*, — голосомъ сверхъестественнаго существа? Это не подлежитъ сомнѣнію, и едва ли можно удивляться тому, что знаменитый философъ раздѣлялъ общепринятыя въ его время взгляды.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Сократъ слышалъ голосъ, въ трудныхъ случаяхъ бесѣдовавшій съ нимъ и дававшій ему совѣты, мудрость и справедливость которыхъ впоследствии подтверждалась опытомъ. Мы имѣемъ здѣсь два различныхъ факта—голосъ, слышавшійся Сократу, по его словамъ, и собственный взглядъ Сократа на интересующее насъ явленіе. Разберемъ оба факта стоящіе другъ къ другу въ тѣсной связи.

Что за голосъ слышалъ Сократъ? Была ли это галлюцинація? Была ли это галлюцинація психическая или чувственная? Являлся ли Сократу зрительный образъ въ то самое время, когда онъ слышалъ голосъ? Какъ, наконецъ, понимать даръ предвидѣнія, которое давали Сократу указанія *голоса*? На все эти вопросы мы постараемся дать отвѣтъ, и задача наша въ значительной степени облегчается той точностью, съ какой знаменитый аѳинянинъ самъ описалъ, что онъ испытывалъ въ тѣ минуты, когда богъ давалъ ему указанія.

Зрительный образъ, повидимому, никогда не являлся Сократу, какъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ Плутарха: „Я часто бывалъ съ нимъ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ *Демонъ Сократа*, когда люди утверждали, будто видятъ боговъ. Сократъ объявлялъ, что это—обманщики. Но если кто либо говорилъ, что слышитъ голосъ, то онъ внимательно прислушивался и живоленно задавалъ вопросы“.

Слѣдовательно, въ противоположность тому, что мы видѣли у Брута и императора Юліана, Сократу не являлись призраки, у него не было галлюцинацій зрѣнія.

О характерѣ слышавшагося Сократу голоса можно довольно вѣрно судить по слѣдующему отрывку: „мнѣ кажется, дорогой Критонъ, говоритъ Сократъ, что я слышу все, что сказалъ, какъ Корибанты убѣждены, что слышатъ

звуки роговъ и флейтъ,—и эти слова такъ сильно звучать у меня въ ухахъ, что мѣшаютъ мнѣ слышать все прочее ¹⁾).

Далѣе Сократъ говоритъ: „мнѣ кажется, что богъ напомнилъ мнѣ нѣчто... *Протархъ*: Какъ и что? ты мнѣ скажешь, надѣюсь. *Сократъ*: Отвѣчать тебѣ буду не я, а божество. Въ ту минуту, когда я хотѣлъ переправиться черезъ воду, мнѣ явилось божественное указаніе, являющееся мнѣ часто и всегда останавливающее меня. Я хотѣлъ уже идти, какъ вдругъ съ этой стороны я услышалъ голосъ, остановившій меня“.

Въ другомъ діалогѣ Сократъ говоритъ: „Милость неба надѣлила меня чудеснымъ даромъ, не покидающимъ меня съ дѣтства. Это—голосъ, который, когда я его слышу, отклоняетъ меня отъ моихъ намѣреній и никогда не побуждаетъ меня къ дѣйствию. Если мои друзья сообщаютъ мнѣ о какомъ либо своемъ намѣреніи и я слышу голосъ, это—вѣрное указаніе, что голосъ не одобряетъ намѣренія и отклоняетъ отъ него... Вы вѣдь, если хотите, можете узнать отъ Клитомаха, брата Тимарха, что сказалъ ему Тимархъ передъ смертію, постигшей его оттого, что онъ не послушался указанія генія. Онъ вамъ скажетъ, что Тимархъ обратился къ нему со слѣдующими словами: „Клитомахъ, я умру потому, что не хотѣлъ вѣрить Сократу“. Что хотѣлъ сказать этимъ Тимархъ? Я вамъ сейчасъ объясню. Когда онъ всталъ изъ-за стола съ Филемономъ, сыномъ Филомениды, отправляясь убить Никія, въ разговорѣ были только они двое. Вставая онъ сказалъ мнѣ: „Что съ тобой, Сократъ?“ Я отвѣтилъ ему:—Не уходи. Я слышалъ голосъ, являющийся мнѣ обыкновенно.—Онъ остановился, но спустя нѣсколько минутъ всталъ и сказалъ мнѣ: „Сократъ, я ухожу“. Я опять услышалъ голосъ и вторично удержалъ его. Наконецъ, въ третій разъ, желая уйти незамѣченнымъ, онъ всталъ, не говоря мнѣ ни слова; мое вниманіе было

¹⁾ У Платона.

чѣмъ-то отвлечено, онъ ушелъ и совершилъ то, что привело его къ смерти. Вотъ почему онъ обратился къ брату со словами, которыя я повторяю сегодня, а именно, что онъ умираетъ, потому что не хотѣлъ вѣрить мнѣ. Подобно повивальнымъ бабкамъ я ничего не рождаю самъ въ дѣлахъ мудрости,—это дѣлаетъ духъ, пребывающій во мнѣ“.

Я увѣренъ, что всякій сколько нибудь знакомый съ психофизиологіей, прочитавъ приведенныя выдержки, признаетъ въ голосѣ, который слышался Сократу,—истинную галлюцинацію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, чисто-психическую, въ другихъ — несомнѣнно чувственную. То мѣсто, гдѣ Сократъ говоритъ о Корибантахъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но какъ возникла эта галлюцинація? Какимъ образомъ слова, произносимыя *голосомъ*, получали характеръ чудеснаго предвидѣнія, приводившаго въ изумленіе современниковъ аѳинскаго философа?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить тѣ факты изъ области безсознательной церебраціи, о которыхъ мы говорили выше. Безсознательная работа мозга совершается у всѣхъ людей, но результаты ея, разумѣется, строго соотвѣтствуютъ высотѣ ума. Нося вульгарный характеръ у обыкновенныхъ людей, она порождаетъ у людей, богато одаренныхъ уметвенно, благороднѣйшія созданія генія. Она—источникъ вдохновенія поэта, мѣткого взгляда полководца. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ ранѣе воспринятыми сужденіями, открывающимися уму въ нужный моментъ, или—вѣрнѣе—съ понятіями, элементы которыхъ, такъ сказать, разсѣяны и въ данный моментъ объединяются, появляются неожиданно въ формѣ готоваго сужденія и кажутся тогда плодомъ истиннаго вдохновенія. Эта скрытая работа мысли существуетъ, какъ я уже сказалъ, у всѣхъ людей. Когда мы хотимъ подуматъ о вопросѣ, рѣшеніе котораго насъ затрудняетъ, то доверяемся безсознательной работѣ нашего мозга, давая нашему сужденію созрѣть. Къ работѣ того же рода, совершающейся во время сна, мы прибѣгаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда откладываемъ рѣшеніе до слѣдующаго утра,

полагаясь на то, что „утро вечера мудренѣе“. Понятно, что время, необходимое для выработки суждений, приводящихъ къ окончательному заключенію — которое одно только мы и видимъ — будетъ несравненно меньше у ума высшаго порядка, подготовленнаго предварительной работой, и не можетъ быть сомнѣнія, что этого рода быстрыя умозаключенія и диктовали Сократу тѣ рѣшенія, мудрость которыхъ впоследствии подтверждалась опытомъ.

Что касается до голоса, передававшаго Сократу его интуитивныя сужденія, то это явленіе будетъ вполне понятно, если мы вспомнимъ, какъ часто наши мысли не только высказываются нами вполголоса, но и слышатся намъ. Повидимому, возбужденіе нервныхъ элементовъ, вызывающее въ нашемъ сознаніи символическіе образы, изъ соединенія которыхъ образуется мысль и сужденіе, распространяется двоякимъ путемъ, — давая съ одной стороны толчокъ дѣятельности голосовыхъ мышцъ, съ другой стороны вызывая въ области слуха состояніе, близкое къ галлюцинаціи. Фактъ этотъ особенно рѣзко бросается въ глаза, когда мы читаемъ произведеніе знакомаго лица. Во время чтенія произнося про себя слова книги, слышишь въ то же время звукъ, тембръ голоса автора тѣмъ явственнѣе, чѣмъ болѣе знакомъ намъ его голосъ. Усиьте немного этотъ резонансъ мысли — и передъ вами будетъ галлюцинація вродѣ той, въ какой являлись Сократу мудрыя сужденія, приписанныя имъ голосу генія.

ГЛАВА IX.

Гипнагогическія галлюцинаціи.

Мы упоминали уже нѣсколько разъ вкось о гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ. Въ виду интереса, представляемаго этимъ явленіемъ, считаемъ нужнымъ разобрать его подробнѣе.

Гипнагогическими называются тѣ галлюцинаціи, которыя являются въ промежутокъ времени, предшествующій глубокому сну или полному пробужденію. Ведемъ знакомо промежуточное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, когда мы сознаемъ еще свое бытіе, но чувства приносятъ намъ только смутныя впечатлѣнія изъ окружающаго міра, воля не дѣйствуетъ, всякое движеніе становится почти невозможнымъ. Это — такъ сказать, среда гипнагогической галлюцинаціи, моментъ, наиболѣе благоприятствующій ея явленію.

Грюитхюйзенъ и Пуркинъ¹⁾ посвятили спеціальныя изслѣдованія гипнагогической галлюцинаціи. Ею занимались также Бурдахъ и Мюллеръ²⁾, и въ трудахъ этихъ

¹⁾ Purkinje. *Beiträge zur Kenntniss des Sehens in subjectiver Hinsicht.*

²⁾ Бэлярге также занимался этимъ вопросомъ, но преимущественно съ точки зрѣнія отношенія его къ помѣшательству.

физиологовъ мы находимъ многочисленныя указанія, представляющія для насъ тѣмъ большій интересъ, что названныя писатели были подвержены сами гипнагогическимъ галлюцинаціямъ. То же можно сказать о Мори, изучавшемъ это любопытное мнимо-ощущеніе на самомъ себѣ.

Гипнагогическія галлюцинаціи встрѣчаются нормальнымъ образомъ у многихъ лицъ. Если онѣ не наблюдаются чаще, то потому, что явленіе ускользаетъ отъ людей, не знающихъ о немъ и не обращающихъ на него вниманія. Можно думать, что если бы знакомство съ фантастическими образами этой категоріи было болѣе распространено, то условія, при которыхъ они возникаютъ, и ихъ особенности были бы изучены обстоятельнѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто. Мы будемъ пользоваться въ нашемъ изложеніи фактами, описанными въ научной литературѣ, дополняя ихъ довольно многочисленными личными наблюденіями. Съ того времени, какъ мое вниманіе было обращено на явленія этого рода, я тщательно разыскивала лицъ, подверженныхъ гипнагогическимъ галлюцинаціямъ и записывала ихъ показанія. Наконецъ, самому мнѣ случалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ испытывать гипнагогическія галлюцинаціи, и я познакомлю читателя съ моими наблюденіями по этому предмету.

Фантастическіе образы, какъ называетъ ихъ Бурдахъ, — *гипнагогическія галлюцинаціи*, какъ назвалъ ихъ Мори, могутъ возникать въ сферѣ всякаго чувства. Чаще всего, однако же, это галлюцинаціи зрительныя.

Зрѣніе. Слѣдуетъ остерегаться смѣшенія гипнагогической галлюцинаціи съ близко напоминающимъ ее явленіемъ совершенно иной категоріи. Сѣтчатка глаза, какъ извѣстно, реагируетъ на возбужденія всякаго рода особымъ, свойственнымъ ей, образомъ: при возбужденіи ударомъ, электрическимъ токомъ и т. д. она вызываетъ свѣтотворныя ощущенія. Эти свѣтотворныя ощущенія, возникающія при различныхъ условіяхъ и представляющія въ сущности только результатъ специфической реакціи сѣтчатки на данное возбужденіе, и можно смѣшать съ галлюцинаціями. Представимъ себѣ, на примѣрѣ, что глазное яблоко подвергается извѣстному дав-

ленію, влѣдствіе чего возникаетъ яркое свѣтовое ощущеніе. Имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ галлюцинаціей? Очевидно нѣтъ, такъ какъ исходной точкой возбужденія является сѣтчатка; она возбуждается, возбужденіе передается сознанию и возникаетъ воспріятіе—воспріятіе *при своеобразныхъ условіяхъ*,—но не галлюцинація. При галлюцинаціи, какъ намъ извѣстно, ранѣе воспринятый образъ идетъ такъ сказать по обратному пути—отъ корковыхъ слоевъ полушарій къ органамъ чувствъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ. Мы не станемъ поэтому смѣшивать такихъ чувственныхъ впечатлѣній съ гипнагогическими галлюцинаціями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти впечатлѣнія будутъ возникать въ промежутокъ времени, характеристическій для гипнагогическихъ галлюцинацій.

Я настаиваю на этомъ разграниченіи потому, что по нѣкоторымъ авторамъ иныя гипнагогическія галлюцинаціи начинаются съ искръ, видѣній, окрашенныхъ въ различные цвѣта, но безформенныхъ, что можетъ дать поводъ къ смѣшенію ихъ съ упомянутымъ выше явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пуркинѣе говоритъ, что вначалѣ наблюдаются смутныя туманныя пятна, среди которыхъ часто выступаютъ блестящія или темныя точки, превращающіяся по прошествіи нѣсколькихъ секундъ въ облачныя подвижныя полосы, потомъ во всякаго рода свѣтлыя прямыя или кривыя линіи. Мюллеръ тоже утверждаетъ, что фантастическимъ образомъ предшествуетъ видѣніе массъ неопредѣленныхъ очертаній, безцвѣтныхъ или окрашенныхъ въ различные цвѣта. Бурдахъ, отмѣчая эти особенности, наблюдавшіяся Мюллеромъ и Пуркинѣе, прибавляетъ, что ему лично часто приходилось наблюдать фантастическіе образы, но что имъ никогда не предшествовали описанныя этими авторами явленія ¹⁾. Однако Мори описываетъ появленіе въ полѣ зрѣнія свѣтящихся образовъ, предшествующихъ образамъ съ опредѣленными контурами.

¹⁾ Burdach, *Traité de physiologie* trad. Jourdan. Par. 1836 tome V.

Не подлежит сомнѣнію, что дѣйствительно въ сонкахъ, въ этомъ состояніи, промежуточномъ между сномъ и бодрствованіемъ, наблюдаются туманныя пятна неопредѣленныхъ очертаній, усѣянные разноцвѣтными точками. Въ пользу этого говорятъ собранныя мною многочисленныя показанія лицъ, въ правдивости и наблюдательности которыхъ я не могу сомнѣваться. Но галлюцинація ли это? Имѣемъ ли мы тутъ образъ, пробѣгающій по обратному пути, или же это — образы, возникающіе влѣдствіе возбужденія сѣтчатки глаза? По моему мнѣнію, вѣроятнѣе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ возбужденіемъ сѣтчатки, зависящимъ отъ особаго состоянія возбудимости органа и предшествующимъ истинной гипнагогической галлюцинаціи. Въ самомъ дѣлѣ, для гипнагогической галлюцинаціи характерно возникновеніе образовъ изъ дѣйствительной жизни. Видѣнія безформенныя или видѣнія, объектомъ которыхъ являются математическія фигуры, зависятъ, по всей вѣроятности, отъ непосредственнаго возбужденія сѣтчатки. Эти видѣнія могутъ, какъ сказано, быть предвѣстниками галлюцинаціи, но они еще — не галлюцинація, нерѣдко даже они не имѣютъ къ галлюцинаціи никакого рѣшительно отношенія.

Прежде чѣмъ идти далѣе, я позволю себѣ небольшое отступленіе. Мори, какъ я уже говорилъ, считаетъ началомъ нѣкоторыхъ гипнагогическихъ галлюцинацій появленіе безформенныхъ свѣтящихся образовъ, принимающихъ впослѣдствіи опредѣленныя очертанія. Это предварительное появленіе *фосфеновъ* дало автору *Сна и сновидній* поводъ создать теорію происхожденія гипнагогическихъ галлюцинацій или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ галлюцинацій этого рода, съ которой я не могу согласиться. По мнѣнію Мори, фосфень, обязанный своимъ возникновеніемъ утомленію ретины, порождаетъ иллюзію, дающую въ свою очередь скоро начало настоящей галлюцинаціи.

Приведемъ подлинныя слова Мори: „Я вдругъ увидѣлъ одинъ изъ фосфеновъ, видѣнію которыхъ я подверженъ при внезапныхъ перемѣнахъ погоды. Мое воображеніе тотчасъ же передѣлало иллюзію органа зрѣнія въ образъ моего слуги

съ бѣлымъ передникомъ. А галлюцинація слуха, возникшая, конечно, по ассоціаціи идей, вызвала у меня воспріятіе словъ: „я убралъ вашу комнату“. Спустя нѣсколько секундъ, я увидѣлъ свѣтлую искорку — другой обманъ зрѣнія, часто встрѣчающійся у меня. Уже погружаясь въ сонъ, я тотчасъ же передѣлалъ ее въ зажженный фонарь. Потомъ у меня передъ глазами явилась улица *Hautefeuille* въ ночномъ освѣщеніи и въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась мнѣ, когда я на ней жилъ тридцать лѣтъ тому назадъ“.

Намъ трудно согласиться съ такимъ взглядомъ на происхожденіе гипнагогической галлюцинаціи. Онъ слишкомъ остроуменъ, и намъ кажется, не всѣ факты могутъ быть объяснены съ этой точки зрѣнія. По нашему мнѣнію, фосфень возникаетъ влѣдствіе того, что весь зрительный аппаратъ, какъ въ воспринимающемъ, такъ и въ чисто-чувственномъ отдѣлѣ, находится въ состояніи возбужденія. Онъ — только предвѣстникъ галлюцинаціи, возникающей немедленно влѣдъ за его появленіемъ.

Мы видѣли, что гипнагогической зрительной галлюцинаціи часто предшествуетъ появленію свѣтящихся образовъ, безформенныхъ или представляющихъ крайне простыя очертанія. Но это встрѣчается далеко не всегда. Гораздо чаще гипнагогическій галлюцинаторный образъ возникаетъ такъ, какъ и описанныя выше патологическія галлюцинаціи. Цвѣтъ и размѣры образовъ варьируютъ у различныхъ индивидовъ и у одного и того же индивида въ зависимости отъ условій даннаго случая. Большею частью, однако же, это — блѣдныя, иногда темныя образы, рѣзче отличающіеся по цвѣту отъ реальныхъ предметовъ, чѣмъ образы сновидѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ выступаютъ на свѣтломъ фонѣ, другіе сверкаютъ яркимъ металлическимъ блескомъ на темномъ полѣ, причемъ тѣни и оттѣнки цвѣтовъ довольно вѣрно воспроизводятъ внѣшній видъ и размѣры реальныхъ предметовъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они напоминаютъ черновые наброски художниковъ. Что касается до величины ихъ, то въ однихъ случаяхъ они меньше

воспроизводимыхъ ими предметовъ, въ другихъ—имѣютъ естественные размѣры. Впрочемъ, размѣры образовъ представляютъ значительныя колебанія у одного и того же лица, и нерѣдко случается, что человѣкъ, долгое время видѣвшій исключительно крошечные образы, потомъ видитъ призраки естественной, а иногда даже чудовищной величины. Отмѣчаю эту особенность, такъ какъ на нее указываютъ многіе наблюдатели. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ самому приходилось наблюдать гипнагогическіе образы, они были большею частью естественной величины. Цвѣтомъ образы всегда нѣсколько отличались отъ реальныхъ предметовъ. Обыкновенно тусклые, образы эти иногда были блестящи, напоминали блескомъ металлъ и очень походили на вошедшія теперь въ моду никелевыя статуетки.

Длительность образовъ ничтожна,—лица быстро смѣняются на подобіе фигуръ калейдоскопа. Образы исчезаютъ обыкновенно вдругъ, какъ наблюдается нерѣдко и при патологическихъ галлюцинаціяхъ. Иногда впрочемъ гипнагогическій образъ исчезаетъ иначе—окраска образа блѣднѣетъ, образъ постепенно ступшевывается и наконецъ пропадаетъ. Поблѣднѣніе окраски въ однихъ случаяхъ совершается во всѣхъ частяхъ образа одновременно, въ другихъ случаяхъ исчезаютъ сначала только отдѣльныя части образа. Фигура кажется надрѣзанной, виденъ, на примѣръ, только лобъ и глаза, затѣмъ фантастическій образъ пропадаетъ совершенно.

Однажды послѣ обѣда у друга, гдѣ я сидѣлъ рядѣмъ съ дамой, наружность которой произвела на меня сильное впечатлѣніе, я увидѣлъ вечеромъ фигуру этой дамы въ гипнагогической галлюцинаціи. Образъ былъ отчетливъ, и окраска его была ярче, чѣмъ обыкновенно бываетъ у меня при видѣніяхъ этого рода. Скоро однакоже нижняя часть лица ступшевдалась, я видѣлъ только верхнюю его половину, потомъ и она поблѣднѣла и исчезла.

Иногда, наконецъ, галлюцинаторный образъ исчезаетъ путемъ метаморфозы. Части фигуры мѣняются въ цвѣтъ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ ея очерчиваются новыя формы, и прежній образъ уступаетъ мѣсто новому видѣнію.

Итакъ, видѣнія, входящія въ составъ гипнагогическихъ галлюцинацій, часто состоятъ изъ человѣческихъ фигуръ различной величины, воспроизводимыхъ памятью или создаваемыхъ воображеніемъ. Довольно часто въ гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ представляются и *неодушевленные предметы*. Мори рассказываетъ, что однажды вечеромъ, закрывъ глаза, онъ отчетливо видѣлъ Константину, видъ которой привелъ его въ восхищеніе послѣ обѣда. То же случилось съ нимъ въ Константинополѣ. Въ Барселонѣ гипнагогическая галлюцинація была только частичнымъ воспроизведеніемъ видѣннаго имъ въ тотъ день ландшафта—ему представился домъ въ кварталѣ Барселонета. Тотъ же авторъ передаетъ, что въ Единбургѣ, Мюнхенѣ, Брестѣ гипнагогическія галлюцинаціи воспроизводили передъ нимъ пейзажи окрестностей этихъ городовъ.

Въ просонкахъ мнѣ часто случается видѣть пейзажи, но въ противоположность тому, что наблюдалъ Мори, это обыкновенно—совершенно фантастическія картины: по яркости и блеску онѣ напоминаютъ живопись. Иногда онѣ прозрачны и воздушны, что придаетъ имъ особую прелесть. Если мнѣ рѣдко представлялись цѣликомъ, какъ бы въ видѣ копій, пейзажи, видѣнные мною въ состояніи бодрствованія,—за то картины, аналогичныя тѣмъ, которыя поразили меня днемъ, являлись у меня въ гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ довольно часто. На примѣръ, когда мнѣ случалось видѣть днемъ богато убранныя комнаты, то вечеромъ въ гипнагогической галлюцинаціи передо мной часто проходилъ рядъ комнатъ, меблированныхъ въ томъ же стилѣ.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстныя особенности, извѣстныя свойства предметовъ, сохранившіяся у насъ въ памяти,—какъ это часто случается въ сновидѣніяхъ,—переносятся съ одного предмета на другой, вслѣдствіе чего галлюцинація пріобрѣтаетъ своеобразный характеръ.

Я помню одну гипнагогическую галлюцинацію такого рода. Вечеромъ на меня произвелъ сильное впечатлѣніе

видъ зеркальной, сверкающей поверхности Роны, на которую косвенно падали солнечные лучи. Въ слѣдующую же ночь незадолго до пробужденія я увидѣлъ чудный дворецъ, всѣ колонны, стѣны, кровли котораго сверкали блескомъ, доставившимъ мнѣ такое наслажденіе наканунѣ. Здѣсь на цѣлый образъ была перенесена особенность, ему несвойственная. Въ другихъ случаяхъ какая нибудь особенность въ костюмѣ являющагося въ галлюцинаціи лица напоминаетъ предметы, видѣнные наканунѣ или воспроизведенные памятью.

Однажды я читалъ о распространенномъ въ Шотландіи повѣртіи, будто вражеская пуля можетъ ранить горца, только попавъ въ зеленую клѣтку его плеча. Въ тотъ день я много работалъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Вечеромъ, прежде чѣмъ заснуть, я увидѣлъ фигуру, лобъ и шея которой были прикрыты матеріей прекраснаго зеленого цвѣта. Черты лица у нея были тѣ, какія обыкновенно приписываются шотландской расѣ. Такимъ образомъ, въ видѣніи сохранились слѣды двухъ воспоминаній,—воспоминанія о читанномъ и о цвѣтѣ сукна, которымъ былъ обитъ мой рабочій столъ.

Чаще всего гипнагогическая галлюцинація бываетъ только зрительная. Мы видимъ образъ, позирующій передъ нашими глазами болѣе или менѣе продолжительное время и затѣмъ исчезающій. Галлюцинація существуетъ въ сферѣ одного только чувства — чувства зрѣнія. Въ другихъ случаяхъ, какъ и при патологическихъ галлюцинаціяхъ, одновременно съ галлюцинаціей зрительной существуютъ также галлюцинаціи въ сферѣ другихъ чувствъ.

Галлюцинаціи двухъ чувствъ. Я наблюдалъ ихъ неоднократно. Два случая особенно живо вѣзались въ моей памяти.

Первый относится къ довольно отдаленному времени, когда я не занимался еще психо-физиологіей, но обстоятельства этого случая такъ мнѣ памятны, какъ будто дѣло происходило только вчера. Одинъ изъ моихъ друзей, гостившій въ деревнѣ у матери, долженъ былъ разстаться съ ней и вернуться въ Парижъ. При прощаніи мать и сынъ,

какъ водится, поцѣловались. Вечеромъ въ тотъ же день мой пріятель увидѣлъ въ гипнагогической галлюцинаціи свою мать и почувствовалъ на себѣ ея поцѣлуй. Случай этотъ напугалъ его, онъ видѣлъ въ немъ нѣчто сверхъестественное. Я старался успокоить его, какъ могъ, хотя и самъ былъ пораженъ этимъ фактомъ, который теперь, конечно, благодаря знакомству съ галлюцинаціями этого рода, не представляетъ для меня ничего удивительнаго.

Другой случай имѣлъ мѣсто всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и относится къ числу моихъ наблюденій надъ самимъ собою. Посѣтивъ днемъ нѣсколькихъ друзей, я увидѣлъ вечеромъ въ гипнагогической галлюцинаціи даму, у которой я пробылъ нѣсколько минутъ. Въ то же время я почувствовалъ нѣжный запахъ лилій. Въ самомъ дѣлѣ въ гостиной у этой дамы я видѣлъ во время моего визита великолѣпную вазу съ лиліями, запахъ которыхъ наполнялъ всю комнату.

Происхожденіе гипнагогическихъ галлюцинацій. Многіе фантастическіе образы возникаютъ, какъ результатъ недавнихъ воспріятій. Пейзажи, видѣнные въ состояніи бодрствованія, — люди, поразившіе насъ своими манерами или оригинальнымъ выраженіемъ лица, являются предъ нами въ гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ въ минуты, предшествующія сну или пробужденію. Иногда удается уловить болѣе или менѣе тѣсную связь между галлюцинаторнымъ образомъ и вопросами, сосредоточивавшими на себѣ наше вниманіе.

Другіе образы не стоятъ, повидимому, ни въ какой связи ни съ впечатлѣніями, воспріятыми въ состояніи бодрствованія, ни съ вопросами, занимающими нашъ умъ. Можно даже сказать, что галлюцинаціи послѣдняго рода суть самыя частыя. Галлюцинаціи являются и исчезаютъ,—и мы напрасно стараемся связать ихъ съ чѣмъ бы то ни было. Слѣдуетъ ли отсюда, что возникновеніе ихъ не подчинено законности, что нѣтъ момента, порождающаго гипнагогическую галлюцинацію,—что она возникаетъ самопроизвольно? Я не думаю этого. Наоборотъ, мнѣ кажется, что здѣсь—

какъ и въ сновидѣнiяхъ — часто можно отыскать либо въ чувственныхъ впечатлѣнiяхъ, либо въ возбужденiи различныхъ точекъ организма причину возникновенiя извѣстныхъ образовъ, являющихся на первый взглядъ совершенно случайно и произвольно.

Нѣкоторыя, имѣющiяся у меня наблюденiя, показываютъ, что часто дѣло происходитъ несомнѣнно такимъ образомъ. Факты эти тѣмъ драгоцѣннѣе, что даютъ намъ возможность, такъ сказать, присутствовать при зарожденiи галлюцинацiй. На основанiи ихъ можно заключить, что во многихъ случаяхъ, гдѣ связь между явленiями для насъ неумовима, она все-таки существуетъ въ дѣйствительности и можетъ быть раскрыта при болѣе терпѣливомъ и тщательномъ изслѣдованiи.

Однажды находясь на дачѣ по сосѣдству съ фермой, я утромъ еще въ полу-снѣ отчетливо услышалъ кудахтанье куръ. Спустя нѣсколько минутъ я увидѣлъ въ гипнагогической галлюцинацiи курятникъ, по которому важно прогуливалась дюжина курицъ съ гордо растопырившимъ перья пѣтухомъ во главѣ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ сказано сновидѣнiе, возникшее при сходныхъ условiяхъ.

Другой разъ, точно также утромъ, ясно сознавая, что пальцы мои находятся въ извѣстномъ положенiи, я увидѣлъ въ гипнагогической галлюцинацiи толстую руку, пальцы которой были сложены также, какъ мои. Въ другомъ случаѣ чувствуя, что по моей рукѣ прогуливается муха, я лежа съ закрытыми глазами явственно видѣлъ въ полѣ зрѣнiя это насѣкомое.

Сообщу еще объ одной испытанной мною, крайне любопытной галлюцинацiи, вызванной слуховымъ ощущенiемъ. Я слышалъ въ полу-снѣ свистъ сѣвернаго вѣтра; мелкiй дождь ударялъ въ окна. Я ясно сезнавалъ свои впечатлѣнiя, но связи между идеями не было, сознание было смутно, какъ это бываетъ въ полу-снѣ. Одновременно съ воспрiятiемъ звуковыхъ впечатлѣнiй я увидѣлъ въ галлюцинацiи великолѣпный зимнiй пейзажъ. Предо мной разстилалась необъятная, покрытая снѣгомъ равнина съ оголенными де-

ревьями. Вѣтви ихъ были покрыты инеемъ и сверкали всеми цвѣтами радуги отъ падавшаго на нихъ яркаго солнечнаго свѣта.

Мори рассказываетъ сходный фактъ. Онъ однако же повидимому не оцѣнилъ его значенiя и приводитъ его по другому поводу. „Уставши послѣ двухъ ночей, проведенныхъ въ каретѣ, рассказываетъ Мори, я впалъ въ забытiе, предвѣщавшее близкое наступленiе сна, — и машинально закрылъ глаза. Я еще слышалъ топотъ лошадей и разговоръ смѣнявшихся почтальоновъ, какъ вдругъ мнѣ представилась толпа маленькихъ человѣчковъ, красноватыхъ и блестящихъ, исполнявшихъ множество разнообразныхъ движенiй и повидимому разговаривавшихъ между собой. Это видѣнiе продолжалось добрую четверть часа“:

На основанiи сказаннаго выше о возникновенiи зрительныхъ образовъ подѣ влиянiемъ звуковыхъ или осязательныхъ впечатлѣнiй, мы должны заключить, что возникшия въ галлюцинацiи Мори фантастическiе образы были вызваны звуковымъ впечатлѣнiемъ въ видѣ голосовъ почтальоновъ, разговаривавшихъ возлѣ спящаго. Мы находимъ здѣсь, слѣдовательно, подтвержденiе защищаемаго нами взгляда на происхожденiе галлюцинаторныхъ образовъ подѣ влиянiемъ чувственныхъ воспрiятiй — подтвержденiе тѣмъ болѣе цѣнное, что рассказывая этотъ фактъ, Мори имѣлъ въ виду совсѣмъ иное, приводилъ его въ доказательство положенiя, не имѣющаго, ничего общаго съ нашимъ.

Если гипнагогическiя галлюцинацiи часто вызываются чувственными воспрiятiями, болѣе или менѣе ясно сознаваемыми нами, то нерѣдко также фантастическiе образы возникаютъ благодаря различнымъ органическимъ ощущенiямъ, болѣею частью болѣзненнаго свойства. Мы замѣчаемъ органическое страданiе только по пробужденiи, а между тѣмъ въ просонкахъ передъ нами проходятъ галлюцинаторные образы, тѣсную связь которыхъ съ отпращиванiемъ больнаго органа легко открыть. Едва ли не излишне говорить, что болѣзненное состоянiе, предшествующее сну, точно также можетъ въ моментъ наступленiя сна

породить фантастическіе образы, стоящіе въ связи съ органическимъ ощущеніемъ. Приводимые ниже факты представляютъ примѣры галлюцинаторныхъ образовъ, возникающихъ при обоихъ условіяхъ, оказывающихся одинаково благоприятными для возникновенія галлюцинаціи.

Однажды, страдая бронхитомъ, я проснулся ночью отъ сильнаго стѣсненія въ груди. Въ моментъ, предшествовавшій пробужденію, уже ясно сознавая окружающее, я увидѣлъ въ галлюцинаціи фабрику, въ которой среди облаковъ пара работало множество рабочихъ, задыхавшихся отъ паровъ, наполнявшихъ все помѣщеніе. Въ другомъ случаѣ, страдая разстройствомъ желудка, я увидѣлъ въ гипнагогической галлюцинаціи яйца на серебряномъ блюдѣ.

Мори, опредѣленно указавшій на тѣсную связь, существующую между фантастическими образами и различными болѣзненными состояніями организма, приводитъ нѣсколько случаевъ той же категоріи. Однажды знаменитый писатель увидѣлъ въ гипнагогической галлюцинаціи руку, державшую тарелку съ пирогомъ; онъ проснулся отъ жестокихъ коликъ въ желудкѣ. Другой разъ страдая ревматическими болями въ шеѣ и ушахъ, онъ увидѣлъ въ гипнагогической галлюцинаціи ножъ, отдѣлявшій кожу отъ какой-то головы, которой онъ не могъ ясно разсмотрѣть. Въ тотъ же день, страдая болью въ пяткѣ и ножныхъ пальцахъ, онъ закрывая глаза видѣлъ сначала голую, потомъ обутую ногу.

Итакъ зрительныя гипнагогическія галлюцинаціи часто вызываются чувственными впечатлѣніями или возбужденіями, исходящими изъ разныхъ частей организма. Тоже мы видѣли, говоря о сновидѣніяхъ, — и въ этомъ обстоятельстве нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ сновидѣніе и галлюцинація, въ сущности—одно и тоже. Въ самомъ дѣлѣ, форма образовъ, способъ ихъ возникновенія, исчезанія и преобразованія, ихъ проэктіи во внѣшній міръ—все эти признаки тождественны для сновидѣнія и галлюцинаціи. Мы можемъ отсюда заключить о тождествѣ этихъ двухъ категорій видѣній, разнящихся единственно

по времени своего появленія. Помимо сходства условій, при которыхъ возникаютъ сновидѣнія и галлюцинаціи, въ пользу нашего взгляда, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ и тѣмъ же психо-сенсорнымъ (т. е. зависящимъ отъ психической дѣятельности и отъ дѣятельности органовъ чувства) фактомъ, говоритъ еще то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ у лицъ, подверженныхъ гипнагогическимъ галлюцинаціямъ, образы, являющіеся въ этихъ галлюцинаціяхъ представляются въ формѣ сновидѣнія во время наступающаго влѣдъ затѣмъ сна. И обратно—въ галлюцинаціяхъ, предшествующихъ полному пробужденію, мы нерѣдко видимъ образы, преслѣдовавшіе насъ во время измѣнчивыхъ перипетій сновидѣнія.

Я не буду останавливаться здѣсь на вопросѣ о тождествѣ сновидѣнія и галлюцинаціи. Совокупность фактовъ, изложенныхъ въ настоящемъ сочиненіи, дѣлаетъ это тождество столь несомнѣннымъ, что оно будетъ, надѣюсь, признано всякимъ непредубѣжденнымъ читателемъ. Возвращаясь къ разбираемому нами явленію, характеристика котораго была бы неполна, если бы мы не разсмотрѣли гипнагогическихъ галлюцинацій слуха, обонанія, вкуса и осязанія.

Слухъ. Слуховая гипнагогическая галлюцинація, являясь сравнительно съ зрительной галлюцинаціей гораздо рѣже, встрѣчается тѣмъ не менѣе довольно часто. Въ однихъ случаяхъ она состоитъ изъ простыхъ шумовъ, въ другихъ—изъ членораздѣльныхъ звуковъ. Въ послѣднемъ случаѣ это обыкновенно—краткія слова. Лицо, у котораго является галлюцинація этого рода, слышитъ, что кто-то его зоветъ. Въ другихъ случаяхъ слышатся смутные голоса, произносимыхъ ими словъ нѣтъ возможности разобрать, но слуховое впечатлѣніе вполне отчетливо—и меня удивляетъ, что Мори, такъ хорошо изучившій видѣнія этого рода, относитъ ихъ къ разряду психическихъ галлюцинацій. Если въ просонкахъ иногда слышатся голоса чисто-интеллектуальные (т. е. мы имѣемъ дѣло съ психической слуховой галлюцинаціей), то во всякомъ случаѣ это бываетъ не часто.

Что касается до шумовъ, о которыхъ я говорилъ выше, то они, понятно, могутъ быть крайне разнообразны. Въ однихъ случаяхъ это будутъ пистолетные выстрѣлы, въ другихъ—крики, звукъ колокольчика. Одинъ студентъ, подверженный гипнагогическимъ галлюцинаціямъ, рассказывалъ мнѣ, что нѣсколько разъ онъ слышалъ, засыпая, звонокъ колокольчика. Ощущеніе было настолько отчетливо и сильно, что онъ не разъ полагалъ, что кто-то дѣйствительно звонитъ, и вставалъ отпереть дверь.

Иногда звуки представляются болѣе связными. Раздаются мелодіи, воспроизводятся музыкальныя фразы, слышанныя въ состояніи бодрствованія. Мори рассказываетъ, что послѣ вечера, проведеннаго имъ у Поля Делароша, на которомъ одинъ изъ величайшихъ французскихъ композиторовъ, Амбруазъ Тома сыгралъ нѣсколько пьесъ на фортепіано, онъ вечеромъ, засыпая, слышалъ нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ. Въ другомъ случаѣ тотъ же авторъ услышалъ мелодію, которую днемъ наигрывалъ слѣпой на дудкѣ. Оба эти факта показываютъ, что въ просонкахъ ряды слуховыхъ образовъ могутъ быть вполне связны и послѣдовательны. Но, повторяю, такія, нѣсколько сложныя, галлюцинаторныя воспріятія рѣдки. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не удавалось испытывать ничего подобнаго.

Выше мы видѣли, что зрительныя гипнагогическія галлюцинаціи, подобно образамъ сновидѣнія, часто возникаютъ подъ вліяніемъ чувственныхъ впечатлѣній или возбужденій органическаго характера. Едва ли не излишне упоминать, что выводъ, оказавшійся вѣрнымъ для зрительныхъ образовъ, остается вѣрнымъ и для слуховыхъ фантастическихъ образовъ. Не предполагая входить въ обстоятельное разсмотрѣніе вопроса, ограничусь однимъ примѣромъ такого происхожденія слуховыхъ гипнагогическихъ галлюцинацій.

Однажды вечеромъ, прежде чѣмъ лечь спать, я случайно вдохнулъ амміачныя пары; дыхательныя пути были раздражены, но кашля не было. Засыпая съ чувствомъ нѣкотораго стѣсненія дыханія, я скоро услышалъ въ гипнагогической галлюцинаціи частый кашель. Сознаніе мое было

еще настолько ясно, что я могъ признать раздававшіеся въ моихъ ушахъ звуки за явленіе галлюцинаторное.

Заканчивая отдѣлъ о слуховыхъ гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ, прибавлю, что часто—какъ это бываетъ и при зрительныхъ образахъ—звуки, слышавшіеся во время сновидѣнія, продолжаютъ быть слышны въ слуховой галлюцинаціи, возникающей въ моментъ пробужденія,—новое доказательство тождества обоихъ явленій, сновидѣнія и галлюцинаціи.

Вкусъ. Гипнагогическія галлюцинаціи вкуса и обонянія довольно рѣдки. Вкусовая галлюцинація состоитъ въ воспроизведеніи вкусового впечатлѣнія, воспріятого болѣею частью незадолго до появленія галлюцинаторнаго образа. Часто она бываетъ связана съ особымъ состояніемъ пищеварительныхъ путей. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ она, повидимому, зависитъ исключительно отъ сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ. Такъ, Мори передаетъ, что путешествуя по Испаніи, онъ однажды вечеромъ передъ сномъ почувствовалъ во рту вкусъ прогорклaго масла, хотя ему не случалось ѣсть приготовленныхъ на немъ блюдъ. Легендарная, въ настоящее время можетъ быть ни на чемъ не основанная, репутація испанской кухни вызвала очевидно у путешественника это мнимо-ощущеніе.

Все, сказанное о происхожденіи вкусовыхъ галлюцинацій, относится и къ галлюцинаціямъ обонятельнымъ. Эти галлюцинаціи часто стоятъ въ очевидной связи съ различными органическими состояніями, точно также онѣ могутъ возникать или отъ сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ, или подъ вліяніемъ недавняго воспріятія. Выше я привелъ одну галлюцинацію, возникшую подъ вліяніемъ послѣдней изъ упомянутыхъ причинъ. Въ другихъ случаяхъ нетрудно доказать, что сосредоточеніе мысли на извѣстномъ предметѣ также является производящей причиной фантастическаго образа. Я зналъ одну особу, часто ощущавшую въ гипнагогической галлюцинаціи запахъ дыма въ своей спальнѣ. Частое появленіе у нея этого мнимо-ощущенія очень просто объясняется тѣмъ, что она чрезвычайно

боялась пожара. Макаріо сообщаетъ, что одна дама, страдавшая жестокой коликой, ощущала въ гипнагогической галлюцинаціи запахъ чеснока—здѣсь мнимо-ощущеніе тѣсно связано съ органическимъ страданіемъ.

Замѣтимъ, что вкусовые и обонятельныя галлюцинаціи, въ виду недостаточной опредѣленности вкусовыхъ и обонятельныхъ образовъ вообще, трудно поддаются анализу.

Осязаніе. Мори утверждаетъ, что гипнагогическихъ осязательныхъ галлюцинацій не существуетъ. Я не могу присоединиться къ этому мнѣнію. Выше приведена одна гипнагогическая галлюцинація, въ которой осязательное ощущеніе было выражено очень ясно; неоднократно мнѣ приходилось наблюдать ихъ у самого себя. Не подлежитъ сомнѣнію, что сравнительно съ зрительными галлюцинаціями онѣ встрѣчаются гораздо рѣже, но онѣ не уступаютъ въ частотѣ появленія галлюцинаціямъ другихъ чувствъ. Было бы даже странно, если бы чувство осязанія сравнительно съ другими чувствами рѣже давало поводъ къ возникновенію тѣхъ регрессивныхъ воспріятій, которыя и составляютъ сущность галлюцинаціи. Напротивъ того, есть основанія думать, что осязательныя гипнагогическія галлюцинаціи признаются рѣдкими только потому, что многіе факты, отнесенные къ явленіямъ иной категоріи, не были достаточно внимательно и серьезно анализированы.

Брилья-Саваренъ ¹⁾ описалъ одно пріятное ощущеніе, испытанное имъ во время сна, въ которомъ однако же легко признать гипнагогическую галлюцинацію. „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, говоритъ этотъ авторъ, я во время сна испыталъ ощущеніе, доставившее мнѣ необычайное наслажденіе. Оно состояло въ нѣжномъ и удивительно пріятномъ сотрясеніи всего моего существа. Что-то—какъ будто щекотаніе кожи всего моего тѣла съ головы и до ногъ—проникало до мозга моихъ костей. Вокругъ головы у меня было какъ бы фіолетовое пламя:

Lambere flamma comas et circum tempora pasci.

¹⁾ Brillat-Savarin, *Physiologie du goût.*

Состояніе это, которое я отчетливо сознавалъ, продолжалось, по крайней мѣрѣ, полминуты, и я проснулся изумленный, слегка испуганный“.

Привожу это наблюденіе, чтобы показать, какъ часто галлюцинаціи общаго чувства могутъ быть невѣрно истолкованы. Я имѣлъ однако же въ виду другіе факты, говоря, что есть явленія, оказывающіяся при тщательномъ изслѣдованіи несомнѣнными гипнагогическими галлюцинаціями, хотя обыкновенно ихъ относятъ къ явленіямъ иной категоріи. Это—тѣ, въ высшей степени любопытныя ощущенія, частью патологическаго свойства, но являющіяся и въ нормальномъ состояніи, совокупность которыхъ получила наименованіе *нервнаго головокруженія*.

Нервное головокруженіе является въ крайне разнообразныхъ видахъ, какъ въ болѣзненномъ, такъ и въ физиологическомъ состояніи. Я займусь здѣсь исключительно той его формой, которая представляетъ по моему мнѣнію истинную гипнагогическую галлюцинацію общаго чувства. Мой отецъ, страдавшій этой формой нервнаго головокруженія, описалъ ее, самъ я подверженъ ей и считаю себя потому достаточно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ. Стоитъ она въ слѣдующемъ. Когда вы ляжете—ощущеніе это является только при горизонтальномъ положеніи—и закроете глаза, то спустя нѣсколько минутъ чувствуете, что вы вовлечены въ какое-то болѣе или менѣе быстрое движеніе. Въ извѣстныхъ случаяхъ движеніе совершается все въ одномъ и томъ же направленіи, вначалѣ ускоряясь, а потомъ замедляясь; въ другихъ случаяхъ оно совершается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Наконецъ иногда это—движеніе вращательное: кровать, на которой вы лежите, вращается вокругъ своей оси. Любопытно, что воля оказываетъ вліяніе на направленіе движенія—часто можно заставить его совершаться въ желательномъ направленіи, однако это удается не всегда. Вотъ въ общихъ чертахъ ощущеніе, о которомъ я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ.

Какова природа этого явленія? Для меня несомнѣнно, что это—галлюцинація. Въ самомъ дѣлѣ, чувственное впе-

чатлѣніе, воспринимаемое помимо всякаго вызывающаго его внѣшняго объекта, не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ галлюцинаціи. А моментъ возникновенія этого мнимо-ощущенія заставляеть насъ отнести его къ разряду гипнагогическихъ галлюцинацій, изученіе которыхъ мы этимъ и заканчиваемъ.

ГЛАВА X.

Сомнамбулизмъ и сомнамбулическое видѣніе.

Мы едва ли найдемъ въ физиологіи вопросъ, который бы возбуждалъ въ такой сильной степени любопытство публики, какъ то своеобразное состояніе нервной системы, которое получило наименованіе сомнамбулизма (лунатизма).

Явленіе это состоитъ въ томъ, что сомнамбулы, будучи погружены въ глубокій сонъ, ходятъ, предаются своимъ обычнымъ занятіямъ, выполняютъ часто очень сложныя дѣйствія съ тою же увѣренностью и точностью, какъ это они дѣлаютъ въ состояніи бодрствованія.

Сомнамбулическіе приступы обыкновенно происходятъ ночью, послѣ нѣсколькихъ часовъ сна. Они длятся болѣе или менѣе долгое время. Потомъ больной опять ложится— или его укладываютъ окружающіе — и по пробужденіи не сохраняетъ рѣшительно никакого воспоминанія о происшествіяхъ своей ночной жизни. Иногда сомнамбулическіе приступы происходятъ и днемъ. Въ такихъ случаяхъ приступу предшествуетъ болѣе или менѣе глубокій сонъ, или же приступъ наступаетъ внезапно и тогда, по окончаніи припадка, больной засыпаетъ и проснувшись ничего не помнитъ о случившемся.

У различныхъ лицъ, страдающихъ сомнамбулизмомъ, приступы носятъ крайне разнообразный характеръ, явленіе представляетъ различныя, бросающіяся въ глаза всякому, степени интенсивности. Одни лунатики во время приступовъ остаются на мѣстѣ и не совершаютъ никакихъ движеній. Они ведутъ длинныя, связныя разговоры, не рѣдко выдаютъ свои тайны, но сохраняя объ этомъ ни малѣйшаго воспоминанія по пробужденіи. Эта форма сомнамбулизма всего болѣе приближается къ нормальному сну. Другіе, разговаривая, совершаютъ движенія, но точно также не покидаютъ кровати.

Франкъ, подъ названіемъ „*somniatio*“, описываетъ случай, представляющій одинъ изъ самыхъ чистыхъ примѣровъ этой формы сомнамбулизма. Одна молодая дѣвушка въ 1812 году была перепугана французскими солдатами, угрожавшими ей отцу смертию и смягчившимися только тогда, когда ихъ требованія были исполнены. На слѣдующій день послѣ этой сцены у нея явился сомнамбулическій приступъ, повторявшійся за тѣмъ правильно каждый вечеръ. Она испускала глубокій вздохъ и впадала въ сонъ. Ее клали на диванъ, причемъ наблюдались нѣкоторые каталептические симптомы, а затѣмъ больная воспроизводила ужасную, сильно потрясую ея сцену, которая была причиною наблюдавшихся у нея припадковъ. Правой рукой она вынимала патронъ изъ патронташа, будто бы находившагося у нея на боку, дѣлая это съ такой силой, что почти рвала на себѣ платье. Потомъ она клала патроны въ ротъ и правой же рукой сыпала порохъ на большой палецъ лѣвой руки, какъ на полку ружья, затѣмъ, забивала шомполомъ зарядъ въ ружье и вставляла пыжи. По временамъ больная, совершенно незнакомаая съ французскимъ языкомъ, произносила велухъ: „*marche, où est le baron?*“ сопровождая эти слова бранью на французскомъ же языкѣ. Забивъ зарядъ, она перебирала пальцы, точно высчитывая на нихъ условія пощады. Эту сцену она повторяла три раза кряду, въ одномъ и томъ же порядкѣ. Потомъ она сжимала кулаки, холодный потъ выступалъ у нея по всему тѣлу, она впа-

дала въ почти коматозное состояніе и потомъ просыпалась, ничего не помня о случившемся¹⁾.

Есть, наконецъ, сомнамбулы, которые встаютъ съ постели, предаются обычнымъ занятіямъ, читаютъ, пишутъ, сочиняютъ стихи, производятъ вычисленія, совершаютъ очень сложныя работы. Это — сомнамбулизмъ въ самой сильной ~~сильной~~ формѣ. Ниже мы приведемъ одинъ замѣчательный примѣръ такого сомнамбулизма и попытаемся дать ему физиологическое, раціональное объясненіе.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ случаѣ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о состояніи чувствъ во время сомнамбулическихъ припадковъ. Вопросъ этотъ очень сложенъ и при рѣшеніи его мы наталкиваемся на многочисленныя затрудненія. При внимательномъ изслѣдованіи удается, однакоже, опредѣлить степень возбудимости различныхъ органовъ чувствъ въ этомъ своеобразномъ состояніи.

Состояніе чувствъ во время сомнамбулическаго припадка. Слухъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что звуковыя впечатлѣнія воспринимаются сомнамбулами, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они соотвѣтствуютъ представленіямъ, занимающимъ умъ сомнамбуль во время приступа. Благодаря этому, нерѣдко удается заставить сомнамбуль совершить извѣстные поступки, внушить имъ извѣстныя идеи. Прибавлю, что обыкновенно, если назвать лунатика по имени, онъ поворачивается, пристально вематривается, но ничего не видитъ. Очевидно, онъ слышалъ зовъ; звуки, во всякомъ случаѣ, были имъ восприняты.

Вкусъ и обоняніе. Точно также лица, находящіяся въ сомнамбулическомъ состояніи, воспринимаютъ вкусовыя ощущенія. Одинъ лунатикъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, потребовалъ водки, и когда ему подали воды, то онъ, поднеши с канъ къ губамъ, оттолкнулъ его. Воспринимаются равнымъ образомъ и обонятельныя ощущенія. По крайней мѣрѣ одинъ субъектъ, по разсказу наблюдав-

¹⁾ J. Frank. *Pathologie interne.*

шаго его д-ра Анконтра¹⁾, повидимому, руководился обоняніемъ въ своихъ ночныхъ путешествіяхъ. Обонятельныя воспріятія встрѣчаются, впрочемъ, у сомнамбуль рѣдко.

Осязаніе. Это чувство у сомнамбуль особенно живо, что характеристично до нѣкоторой степени для состоянія, въ которомъ находится нервная система субъекта во время сомнамбулическаго приступа. Всѣ наблюдатели отмѣчаютъ этотъ фактъ, а нѣкоторые изъ нихъ, пораженные замѣчательной тонкостью осязанія у сомнамбуль, говорятъ даже, что оно вполне замѣняетъ имъ зрѣніе. Это, конечно, метафора, и ни одинъ серьезный наблюдатель не говорилъ того, что утверждали нѣкоторые адепты сомнамбулизма, а именно, будто сомнамбулы видятъ руками, затылкомъ, желудкомъ и т. д. Повторяемъ, однакоже, тонкость осязанія у сомнамбуль — чрезвычайная, существуетъ много фактовъ, доказывающихъ это, а въ нѣкоторыхъ изъ описанныхъ въ литературѣ случаевъ она достигала такой высокой степени, что можно было бы усомниться въ точности относящихся сюда наблюденій, если бы мы не знали, какой тонкости достигаетъ осязаніе подѣ влияніемъ упражненія у нѣкоторыхъ слѣпыхъ²⁾.

Одинъ лунатикъ, о которомъ говоритъ Франкъ, при спазматически закрытыхъ глазахъ различалъ осязаніемъ цвѣта. Быть можетъ сюда же слѣдуетъ отнести интересное наблюденіе д-ра Дюфэ³⁾ надъ больнымъ, который въ темнотѣ точно сортировалъ матеріи по оттѣнкамъ цвѣтовъ. Во время сомнамбулическихъ приступовъ больные часто пишутъ, рисуютъ, исполняютъ тонкія работы — и это опять-таки ясно показываетъ, что у сомнамбуль осязаніе можетъ воспринимать тончайшія впечатлѣнія.

Зрѣніе. Во время сомнамбулическихъ приступовъ глаза большею частью бываютъ открыты, иногда они закрыты. Если изслѣдовать открытые глаза лунатика во время при-

ступа, то можно убѣдиться, что они неподвижны, что зрачокъ обыкновенно расширенъ и нечувствителенъ къ свѣту. Впрочемъ, д-ръ Дюфэ у г-жи Р. Л. могъ констатировать, что усиленіе или ослабленіе интенсивности свѣта вызывало сокращеніе или расширеніе зрачка, какъ бываетъ и въ нормальномъ состояніи. Однако это наблюдается, повидимому, рѣдко.

Видятъ ли сомнамбулы? Рѣшить этотъ вопросъ крайне затруднительно, существующія на этотъ счетъ показанія въ высшей степени противорѣчивы и сбивчивы. Однако, если нѣкоторыя наблюденія заставляютъ насъ признать, что воспріятіе зрительныхъ впечатлѣній въ сомнамбулическомъ состояніи возможно, то въ большинствѣ случаевъ не подлежитъ сомнѣнію, что сомнамбулы не видятъ. При томъ существованіе зрительныхъ воспріятій во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ допускается безъ достаточныхъ основаній, такъ какъ нерѣдко рядомъ съ фактами, будто бы указывающими на то, что сомнамбулы видятъ, сообщаются другіе, не менѣе вѣрные факты, приводящіе къ обратному заключенію. Многіе авторы, занимавшіеся этимъ вопросомъ, принимаютъ существованіе зрительныхъ воспріятій у сомнамбуль только потому, что крайне трудно объяснить нѣкоторыя дѣйствія ихъ, если считать ихъ нечувствительными къ зрительнымъ впечатлѣніямъ. Но въ такихъ случаяхъ, чтобы согласовать свой взглядъ съ фактами, они бываютъ принуждены допустить, что у сомнамбуль воспріятіе зрительныхъ впечатлѣній возможно не только ночью, но и при закрытыхъ глазахъ.

Такъ Лелю пишетъ: „Хотя глаза полузакрыты вѣками или же, оставаясь широко раскрытыми, представляютъ тотъ неподвижный и углубленный взглядъ, который направленъ скорѣе на созданія фантазіи, чѣмъ на предметы окружающаго міра, — тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ обоихъ случаяхъ лунатикъ воспринимаетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя впечатлѣнія отъ этихъ предметовъ, гармонирующія съ его ложными зрительными впечатлѣніями. Даже полное закрытіе вѣкъ не можетъ

¹⁾ D-r Encontre, *Journal de Médecine de Bordeaux*.

²⁾ См. по этому поводу W. H. Lévy, *Blindness and Blind*.

³⁾ Dr-Dufay. *Revue scientifique*, 15 juillet 1876.

воспрепятствовать этому, такъ какъ болѣе энергическая и болѣе исключительная дѣятельность мозгового отдѣла зрительнаго аппарата даетъ сомнамбулѣ возможность воспринимать свѣтотыя впечатлѣнія, къ которымъ онъ былъ нечувствителенъ въ состояніи бодрствованія“.

Несмотря на весь авторитетъ д-ра Лелю мы не можемъ допустить, что зрѣніе возможно при указанныхъ имъ условіяхъ, по нашему мнѣнію болѣе чудесныхъ, чѣмъ факты, для объясненія которыхъ дѣлается это предположеніе. Нѣтъ, — сомнамбулы не видятъ съ закрытыми глазами въ темную ночь, и если факты, на которыхъ основано такое утвержденіе, неоспоримы, то они могутъ быть объяснены рационально, безъ допущенія такого способа зрительнаго воспріятія, который противорѣчитъ всѣмъ законамъ физиологической оптики. Объясненіе это мы дадимъ ниже, теперь же считаемъ нужнымъ привести одинъ случай сомнамбулизма, который послужитъ основаніемъ для нашей теоріи сомнамбулическихъ явленій.

Мы выберемъ этотъ примѣръ не на-удачу, мы постараемся, чтобы онъ содержалъ всѣ тѣ особенности, которыя придаютъ сомнамбулизму чудесный характеръ, производящій такое сильное впечатлѣніе на зрителей. Всѣ эти особенности соединены въ одномъ изъ самыхъ старыхъ, описанныхъ въ литературѣ, наблюденій; кромѣ того и опыты, такъ часто производившіеся надъ сомнамбулами, представляютъ только повтореніе опытовъ, произведенныхъ въ этомъ случаѣ. Имъ мы и воспользуемся для нашей цѣли ¹⁾.

Одинъ молодой священникъ вставалъ всякую ночь, бралъ бумагу, сочинялъ и писалъ проповѣди. Написавъ страницу, онъ перечитывалъ ее вслухъ отъ начала до конца (если можно назвать перечитываніемъ то, что онъ дѣлалъ безъ содѣйствія глазъ). Если ему какое либо мѣсто не нравилось, онъ вычеркивалъ его и сверху дѣлалъ поправки всегда на надлежащихъ мѣстахъ. Въ одной проповѣди

¹⁾ Мы заимствуемъ описаніе этого случая почти цѣликомъ изъ статьи *Сомнамбулизмъ* въ «Энциклопедіи XVIII вѣка».

имъ была сдѣлана поразительная въ этомъ отношеніи поправка. Сначала авторъ поставилъ слова: *ce divin enfant*, потомъ, перечитывая рукопись, онъ рѣшилъ замѣнить слово *divin* словомъ *adorable*: онъ вычеркнулъ первое и вверху надъ самымъ этимъ словомъ написалъ *adorable*. Тогда онъ замѣтилъ, что слово *ce*, вполне умѣстное передъ *divin*, не можетъ предшествовать слову *adorable* и удачно приписалъ *t* къ предшествующимъ буквамъ, такъ что получилось: *cet adorable enfant*. Желая убѣдиться, пользуется ли лунатикъ глазами, къ лицу его поднесли листъ картона, совершенно закрывавшій для него лежавшую на столѣ бумагу. Онъ продолжалъ писать, совѣтъ не замѣчая картона. Чтобы узнать, на чемъ основано его представленіе о предметахъ, находящихся у него подъ глазами, нѣсколько разъ тихонько брали бумагу, на которой онъ писалъ и замѣняли ее другой, — но онъ тотчасъ же замѣчалъ это, такъ какъ листы были другого формата. Когда же найдена была бумага, ничѣмъ не отличавшаяся отъ той, на которой онъ писалъ, — онъ принялъ ее за свою и *дѣлалъ поправки на мѣстахъ, соответствующихъ мѣстамъ вынутаго оригинала*. Благодаря этой хитрости удалось достать нѣсколько его ночныхъ писаній.

Всего изумительнѣе было видѣть, продолжаетъ авторъ статьи, какъ онъ пишетъ музыкальныя ноты. Тросточка замѣняла ему линейку. При помощи ея онъ наносилъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга пять линій, разставлялъ на надлежащихъ мѣстахъ ключъ, бемоли и діезы. Затѣмъ онъ вычерчивалъ ноты, которыя сначала дѣлалъ бѣлыми, а потомъ зачерчивалъ тѣ, которыя должны были быть черными. Слова онъ писалъ снизу. Однажды онъ писалъ ихъ слишкомъ крупными буквами, такъ что слова не приходились подъ соответствующими нотами. Онъ скоро замѣтилъ это, вымаралъ рукой все, что написалъ, и написалъ вторично эту строчку, разставляя слова съ почти идеальной точностью.

Не менѣе замѣчательенъ другой фактъ въ совершенно иномъ родѣ. Однажды ночью во время зимы онъ вообра-

зиль, будто прогуливается по берегу рѣки и видитъ, что въ нее падаетъ и начинаетъ тонуть ребенокъ. Несмотря на страшный холодъ, онъ немедля ни минуты бросается къ нему на помощь и ложится на кровать въ позѣ плавающего человѣка, воспроизводя все движенія послѣдняго. Спустя нѣсколько минутъ, утомленный долгимъ плаваніемъ, онъ замѣтилъ въ углу кровати одѣяло, сбившееся въ комокъ, принялъ его за ребенка, схватилъ его одной рукой и, дѣйствуя другой, сталъ плыть къ берегу воображаемой рѣки. Благополучно достигнувъ его, онъ кладетъ на берегъ свою ношу и выходитъ изъ воды, весь дрожа и стуча зубами, какъ человѣкъ дѣйствительно вышедшій изъ ползамерзшей рѣки. Онъ говоритъ присутствующимъ, что страшно прозябъ, что онъ умретъ отъ холоду, что вся кровь въ немъ застыла; чтобы согрѣться, онъ приказываетъ подать водки. Водки не было и ему подали воды; онъ поднесъ ее къ губамъ, но тотчасъ же замѣтилъ обманъ и еще настойчивѣе потребовалъ водки, указывая на угрожающую ему опасность. Ему принесли стаканъ ликеру; онъ пьетъ его съ наслажденіемъ и говоритъ, что чувствуетъ себя значительно лучше, но не просыпается, ложится и продолжаетъ спать самымъ спокойнымъ образомъ ¹⁾).

Такимъ образомъ этотъ лунатикъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы онъ бодрствовалъ, какъ будто бы онъ видѣлъ. Въ литературѣ описанъ цѣлый рядъ сходныхъ случаевъ. Основываясь на нихъ, многіе авторы, подобно доктору Лелю, допускаютъ существованіе у сомнамбулъ реальныхъ зрительныхъ воспріятій.

„Сомнамбулы, говоритъ Макаріо, воспринимаютъ впечатлѣнія отъ предметовъ, представляющихъ какое-либо отношеніе къ ихъ мыслямъ и чувствамъ. Въ самомъ дѣлѣ если бы они не видѣли, какъ могли бы они избѣжать паденія въ страшныя пропасти, которыя однакожь они обхо-

¹⁾ *Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des arts, des sciences et des métiers par une Société de gens de lettres, mis en ordre et publié par M. M. Diderot et d'Alambert, Genève 1776.*

дятъ? Какъ могли-бы они брать нужные имъ предметы, какъ могли-бы садиться на лошадь, какъ могли-бы читать, писать и т. д.? Мы принуждены допустить, что сомнамбулы отчетливо видятъ и различаютъ предметы, имѣющіе отношеніе къ ихъ представленіямъ?“ ¹⁾).

Увѣренность, какую обнаруживаютъ сомнамбулы въ своихъ дѣйствіяхъ, точная соразмѣрность производимыхъ ими движеній поражаетъ всехъ наблюдателей и заставляетъ ихъ признать существованіе зрительныхъ воспріятій въ сомнамбулическомъ состояніи. Но если поступки сомнамбулъ, сложность производимыхъ ими движеній могутъ привести къ убѣжденію, что они видятъ, то съ другой стороны цѣлый рядъ сопутствующихъ фактовъ, противорѣчитъ такому допущенію. Когда вы ставите картонъ между глазами лунатика, описаннаго въ „Энциклопедіи“ и бумагой, на которой онъ пишетъ, и онъ продолжаетъ писать, не замѣчая помѣщеннаго передъ нимъ экрана, можете-ли вы допустить, что этотъ лунатикъ видитъ? Когда вы замѣняете бумагу, на которой онъ писалъ, бумагой совершенно схожей и онъ дѣлаетъ поправки на чистомъ листѣ, то имѣете-ли вы основаніе думать, что зрительныя впечатлѣнія имъ воспринимаются? Когда лунатикъ въ освѣщенной комнатѣ зажигаетъ свѣчу ²⁾), можно-ли допустить, что онъ видитъ? Лунатикъ изъ больницы Св. Антонія, описанный докторомъ Менэ ³⁾), закуривалъ папироску и тщательно гасилъ ногой зажженную бумажку, которой онъ для этого пользовался. Но когда папироска была зажжена и находилась у него во рту, онъ не замѣчалъ, что ее тушили, такъ какъ не мѣшалъ задуть ее, и только послѣ тщетныхъ попытокъ затянута дымомъ, опять ее закуривалъ. Когда онъ писалъ письма, то не замѣчалъ, какъ брали изъ подъ его рукъ бумагу и продолжалъ писать на бумагѣ, лежавшей подъ ней; эти опыты

¹⁾ Macario. *Du Sommeil, des Rêves et du Somnambulisme.* Paris 1856.

²⁾ Макаріо, цитированное сочиненіе.

³⁾ Dr Mesnet, *Archives générales de médecine.*

продѣлывались нѣсколько разъ и всегда съ одинаковымъ результатомъ.

„Повидимому,—замѣчаетъ Мори по поводу послѣдняго факта,—„онъ замѣчалъ какое либо дѣйствіе только тогда, когда оно было произведено имъ самимъ“. Замѣчаніе это совершенно справедливо и указываетъ съ несомнѣнностью, что въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, сомнамбулы поддерживаютъ общеніе съ внѣшнимъ міромъ исключительно при посредствѣ общаго чувства. Къ сожалѣнію Мори допускаетъ въ этомъ случаѣ существованіе зрительнаго воспріятія, хотя и въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Онъ прибавляетъ, правда, что воспоминаніе о предметахъ играетъ у сомнамбулъ важную роль, что *часто* они видятъ и читаютъ мысленно; но оговорка эта по нашему мнѣнію здѣсь неумѣстна.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ лунатикъ не воспринимаетъ объективныхъ зрительныхъ впечатлѣній: онъ грезитъ. Зрѣніе бездѣйствуетъ, внѣшнія зрительныя впечатлѣнія отсутствуютъ. Благодаря этому у сомнамбулы можно безъ его вѣдома отнять бумагу, на которой онъ пишетъ. По той же причинѣ онъ зажигаетъ свѣчу въ ярко освѣщенной комнатѣ и т. д.

Теорія сомнамбулизма. Благодаря чему дѣйствія лунатика носятъ такой характеръ, какъ будто онъ видитъ? Какъ можетъ онъ писать? Какъ можетъ онъ дѣлать поправки въ рукописи, которой не видитъ? Все это объясняется тѣмъ, что лунатикъ воспринимаетъ галлюцинаторные образы отъ окружающаго міра, отъ того, что имѣетъ известное отношеніе къ его мыслямъ, а затѣмъ *и отъ внѣшнихъ предметовъ, открываемыхъ ему осязаніемъ, при чемъ онъ объективируетъ эти образы на мѣстахъ, изъ которыхъ исходятъ осязательныя ощущенія.* По этой-то причинѣ онъ продолжаетъ на чистомъ листѣ бумаги фразу, начатую на другомъ: бумага удалена, но объективированный уметвенный образъ остается на новомъ листѣ—если можно такъ выразиться, и лунатикъ продолжаетъ видѣть написанные имъ знаки и тогда, когда бумага, на ко-

торую онъ занесъ ихъ, удалена. Того, что онъ дѣйствительно написалъ, онъ не видитъ, онъ видитъ только галлюцинаторный образъ написаннаго, и этотъ образъ, какъ многіе галлюцинаторные образы, воспроизводитъ въ точности форму и окраску реального предмета.

Допуская такимъ образомъ объективацию во внѣшнемъ мірѣ образовъ сновидѣнія, я этимъ самымъ уничтожаю всякое различіе между галлюцинаціей и сновидѣніемъ. Тождество этихъ двухъ явленій, долгое время признававшееся только вѣроятнымъ, есть несомнѣнный, реальный фактъ. На это указываютъ серьезные, точныя, никѣмъ не оспариваемыя наблюденія и среди этихъ наблюденій одно изъ самыхъ интересныхъ—наблюденіе Тиссо ¹⁾, который въ моментъ пробужденія отчетливо видѣлъ чудовище, такъ напугавшее его во снѣ, что онъ проснулся. Не менѣе замѣчательенъ извѣстный случай, имѣвшій мѣсто съ Спинозой, который по пробужденіи видѣлъ ужасную фигуру прокаженнаго, явившагося ему во снѣ.

Но какъ возникаетъ галлюцинаторный образъ, о которомъ мы говорили? Мы отвѣчаемъ на это такъ: образъ, видимый лунатикомъ, порождается осязательными ощущеніями, которыя онъ продолжаетъ получать во время сна. Впрочемъ, такое происхожденіе зрительныхъ образовъ не представляетъ чего либо исключительнаго; мы показали выше, что они возникаютъ точно такимъ же путемъ во многихъ сновидѣніяхъ. Такъ, ощущеніе жара въ ногахъ вызываетъ во время сна представленіе о восхожденіи на вулканъ по склонамъ, покрытымъ расплавленной лавой; сдавленіе руки вызываетъ образъ привидѣнія, которое хватается спящаго за руку и стаскиваетъ его съ кровати. Но если и во время физиологическаго сна осязательныя впечатлѣнія нервѣкъ вызываютъ зрительныя образы, то при наблюдаемой у сомнамбулъ гиперестезіи осязанія, эти образы будутъ возникать благодаря осязательнымъ возбужденіямъ, понятно, го-

¹⁾ Tissot. *L'Imagination, ses bienfaits et ses égarements surtout dans le domaine du merveilleux.* Paris 1868, p. 341.

раздо чаще. Въ сомнамбулическихъ образахъ мы должны признать кромѣ того одну особенность, специально имъ свойственную. Особенность эта состоитъ въ томъ, что зрительный образъ обыкновенно — почти всегда — представляетъ образъ именно того предмета, отъ котораго получается воспринимаемое сознаниемъ осязательное впечатлѣніе, и что проектируясь во внѣшній міръ, — если можно прибѣгнуть къ этому выраженію, — какъ всѣ галлюцинаторные образы, онъ *въ точности совпадаетъ* съ предметомъ, его вызвавшимъ. Такимъ образомъ, лунатикъ съ одной стороны видитъ галлюцинаторный образъ предмета, вызывающаго у него осязательное впечатлѣніе, съ другой стороны — при посредствѣ осязанія получаетъ реальное впечатлѣніе отъ предмета, фантастическій образъ котораго видитъ. Оба эти впечатлѣнія — одно реальное, другое чисто галлюцинаторное, — поддерживая и подкрѣпляя другъ друга, *относятся къ одной и той же точкѣ въ пространствѣ*, а потому лунатикъ находится относительно окружающаго міра въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, что и бодрствующій человѣкъ. Роль осязанія по отношенію къ зрительнымъ образамъ могутъ брать на себя и прочія чувства, такъ что состояніе воспріятія у сомнамбуль можно опредѣлить, *какъ особое состояніе сна, въ которомъ реальныя воспріятія, порою слуховыя, обонятельныя, вкусовыя, но всего чаще исключительно осязательныя вызываютъ фантастическіе зрительные образы, въ точности совпадающіе съ предметами, обусловившими реальныя воспріятія и такимъ образомъ ставятъ спящаго въ тѣ же условія, въ какихъ онъ находится въ состояніи бодрствованія.*

Намъ могутъ указать, что фантастическій образъ грезы и предметъ, вызвавшій реальное воспріятіе, не всегда тождественны. Мы должны признать, что такіе случаи дѣйствительно наблюдаются. Въ случаѣ, приведенномъ нами изъ „энциклопедіи“ есть одинъ фактъ этого рода; Франкъ, въ числѣ многихъ случаевъ такого рода, приводитъ кавалериста, который въ сомнамбулическомъ снѣ одѣлся, надѣлъ сапоги и шпоры и сталъ влѣзать на стѣну въ убѣжденіи, что садится на ло-

шадь. Но въ этомъ фактѣ и другихъ подобныхъ нѣтъ ничего такого, что могло бы заставить насъ отказаться отъ нашего положенія.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я привелъ свое собственное наблюденіе, показывающее, что достаточно тактильныхъ ощущеній, *аналогичныхъ* съ тѣмъ, которыя способны вызвать данный предметъ, чтобы образъ этого предмета явился въ фантазмагоріи сновидѣнія. Какъ помнитъ читатель, мнѣ снилось будто я держу игральную кость, образъ которой былъ вполне ясенъ и отчетливъ. Проснувшись, я замѣтилъ, что держу межъ пальцевъ одѣяло, сложенное такимъ образомъ, что складки вызвали у меня въ самомъ дѣлѣ ощущеніе тѣла кубической формы. Аналогія между этими двумя рядами фактовъ очевидная; приведенные примѣры представляютъ частные случаи, нисколько не противорѣчащіе установленной нами теоріи и легко объяснимые.

ГЛАВА XI.

Экстазь.

Экстазомъ называютъ такое состояніе нервной системы, при которомъ субъектъ, неподвижный, при полномъ подавленіи дѣятельности однихъ чувствъ, и нерѣдко гиперестезіи другихъ — видитъ идеи, на которыхъ исключительно было сосредоточено его вниманіе, объектированными въ формѣ галлюцинаторныхъ образовъ. Прибавлю, что это состояніе часто сопровождается истерическими и каталептическими явленіями.

Экстазь возникаетъ подѣ влияніемъ усиленной умственной работы, напряженнаго сосредоточенія мысли на религиозныхъ вопросахъ, подѣ впечатлѣніемъ потрясающихъ событій, иногда подѣ влияніемъ любви.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это состояніе наступаетъ сразу. Больной впадаетъ въ экстазь, безъ какихъ бы то ни было предшествующихъ признаковъ приближенія этого состоянія. Въ другихъ случаяхъ, экстастики на основаніи извѣстныхъ признаковъ узнаютъ о предстоящемъ его наступленіи; эти признаки обыкновенно состоятъ въ болѣе напряженности вниманія, въ чрезвычайной интенсивности умственной дѣятельности. Одна дѣвушка, о которой сообщаетъ докторъ Кюнъ, принадлежала къ экстастикамъ послѣдней категоріи, она предвидѣла наступленіе припадка

и искала тогда уединенія ¹⁾). Больная доктора Эд. Сандерэ точно также всегда предчувствовала наступленіе припадка, она объявляла, что „сейчасъ она исчезнетъ“, и спустя немного времени въ самомъ дѣлѣ развивался экстазь ²⁾).

Въ чертахъ лица экстастика необыкновенно живо отражаются созерцаемые имѣ образы. Позы, принимаемыя имѣ, выразительны и выдають до нѣкоторой степени волнующія его чувства. Иногда изъ устъ его вырываются слова, по которымъ можно догадаться о его мысляхъ, объ испытываемыхъ имѣ радостныхъ или грустныхъ ощущеніяхъ. Одна молодая дѣвушка, которую наблюдалъ Соважъ, все время сидѣла, не отвѣчала ни знаками, ни словами ни на какіе вопросы и, скрестивъ руки, безъ умолку произнесла одни и тѣ же слова: „Жанъ, Жанъ, я хочу рая“. Другая дѣвушка, о которой говоритъ Франкъ, иногда испускала радостный крикъ, лицо ея—въ обыкновенномъ ея состояніи самое заурядное—принимало ангельское выраженіе; сидя на кровати съ раскрытыми, неподвижно устремленными къ небу глазами, она восклицала: „О, св. Людовикъ, прекраснѣйшій изъ юношей, приблизься и возьми меня!“ . Мой ученый товарищъ по бронской лечебницѣ, профессоръ Арто ³⁾, описалъ свои наблюденія надъ одной дѣвушкой, черты которой принимали сначала выраженіе сильной радости, потомъ глубокаго ужаса. Въ то же время она дѣлала рукой жестъ, какъ бы принимая протягиваемое ей письмо и читала его. Когда письмо было отъ св. Дѣвы, лицо ея принимало радостное выраженіе. Когда же это было посланіе дьявола, на лицѣ ея выражалось сильнѣйшее негодованіе. Наконецъ, больная доктора Жинэ, впавшая въ экстастическое состояніе подѣ влияніемъ сильнаго чувства, внушеннаго ей однимъ изъ ея родныхъ, производила движеніе губами, какъ бы цѣлуя кого-то. Выраженіе ея лица указывало, что она испытывала въ это время ощущеніе полного счастья ⁴⁾).

¹⁾ Dr. Kuhn, *Annales médico-psychologiques*.

²⁾ Dr. Sanderet. Тамъ же.

³⁾ Prof. Arthaud, *Relation de l'épidémie de Morzine*.

⁴⁾ Giné, *Annales médico-psychologiques* 1876.

Сцены, созерцаемая эксташикомъ, естественно находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ идеями, на которыхъ сосредоточено его вниманіе, съ предметомъ его привычныхъ размышлений. Часто онѣ носятъ мистическій характеръ. Богъ, ангелы, святые, Пресвятая Дѣва являются имъ, окруженные яркимъ сіяніемъ. Эксташикъ слышитъ ихъ рѣчи, получаетъ отъ нихъ указанія. Бѣсы, адъ точно также часто являются въ видѣніяхъ этого рода.

Видѣнія Джона Энгельбрехта. Между эксташическими видѣніями едва ли существуютъ болѣе интересныя, чѣмъ видѣнія Джона Энгельбрехта, описанныя Арнольдомъ ¹⁾.

Впавъ въ летаргическое состояніе, Энгельбрехтъ вообразилъ, что онъ посѣтилъ адъ и небо. Вотъ какъ онъ описываетъ свои ощущенія и картины, проходившія передъ его глазами: „Въ четвергъ, около полудня, я почувствовалъ, что приближается смерть, что она поднимается отъ ногъ къ верхнимъ конечностямъ. Тѣло мое окоченѣло, я утратилъ чувствительность въ ногахъ, рукахъ и другихъ членахъ. Я не могъ ни говорить, ни видѣть; ротъ мой былъ парализованъ, глаза перестали воспринимать свѣтъ. Я отчетливо слышалъ, какъ окружающіе говорили: „Пощупайте ноги, какъ онѣ холодны и окоченѣли; онъ скоро умретъ“. Я не чувствовалъ прикосновенія; велѣдъ за тѣмъ я пересталъ также слышать. Тогда я былъ унесенъ въ пространство съ быстротой стрѣлы, пущенной изъ лука, и очутился въ преддверіи ада. Меня поразили окружавшія меня густыя тучи и страшный мракъ; обоняніе мое раздражалъ дымъ, паръ, какія-то испаренія, отличавшіяся чрезвычайной горечью; я слышалъ вой и страшные вопли“.

„Отсюда я былъ перенесенъ Св. Духомъ на золотой колесницѣ на небо, гдѣ увидѣлъ хоры святыхъ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, пѣвшихъ и игравшихъ вокругъ престола Всевышняго. Ангелы имѣли видъ пламени, а души вѣрующихъ мелькали предо мной въ формѣ искорокъ. Тронъ

Всевышняго сверкалъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Тогда я черезъ одного ангела получилъ указаніе отъ Господа“.

Радость, которую Энгельбрехту доставило это указаніе и все имъ видѣнное, была такъ велика, что съ этого момента онъ превратился въ энтузіаста, съ трудомъ находившаго слова для выраженія того, что происходило у него въ душѣ.

„Придя въ себя, продолжаетъ онъ, я почувствовалъ, что тѣло мое оживаетъ съ головы до ногъ и сталъ слышать молитвы, которыя читались въ моей комнатѣ. Велѣдъ за слухомъ ко мнѣ вернулось зрѣніе. Мало по малу вернулись и силы. Я всталъ и почувствовалъ въ себѣ энергію, какой никогда не чувствовалъ до тѣхъ поръ. Небесное блаженство придадо мнѣ столько силъ, что все окружавшіе меня были поражены столь быстрымъ выздоровленіемъ“.

Съ этихъ поръ Джонъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ часто имѣлъ видѣнія и получалъ откровенія свыше. Происходило это днемъ, глаза у него были раскрыты, причемъ симптомы болѣзни, предшествовавшей первому его видѣнію, отсутствовали. Онъ оставался иногда въ этомъ состояніи по восьми, двѣнадцати, тринадцати дней безъ пищи и питья. Однажды онъ не смыкалъ глазъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Другой разъ, онъ въ продолженіе 41 ночи слышалъ пѣніе ангеловъ и небесную музыку; онъ не могъ, наконецъ, удержаться и началъ пѣть самъ; окружавшіе его были доведены его пѣніемъ до такого энтузіазма, что присоединились къ нему и пѣли всю ночь.

Эксташическія видѣнія. Сцены, на которыхъ присутствуютъ эксташики, не всегда такъ сложны; иногда лицу, находящемуся въ состояніи экстаза, является одно только лицо: Спаситель, Св. Дѣва, ангель, любимый человѣкъ, дьяволь. Дѣвушка, о которой говоритъ Франкъ, видѣла св. Людовика и въ видѣніи ея, повидимому, не участвовали другія лица. Женщина, которую наблюдалъ Гофманъ, послѣ проповѣди осталась въ церкви, неподвижная какъ статуя, съ раскрытыми и устремленными къ нему глазами, и видѣла образъ одного Христа. Въ самомъ дѣлѣ, когда ее спра-

¹⁾ Th. Arnold. *Observations on Insanity*. 2-e edition, London, 1806.

шивали о томъ, что она чувствовала, она отвѣтила, что не замѣчала и не слышала ничего, что происходило кругомъ, что она созерцала Спасителя и испытывала самое сладостное чувство; въ этомъ состояніи экстаза она оставалась около часа. Дѣвочка, находившаяся подъ наблюдениемъ доктора Демара въ asile de Bailleul и описанная имъ, видѣла въ состояніи экстаза Св. Дѣву, обѣщавшую исцѣлить ее.

Въ приведенныхъ случаяхъ экстазикамъ являлись исключительно зрительные образы. Однако, въ этомъ состояніи возможны галлюцинаціи и въ сферѣ другихъ чувствъ, по яркости и отчетливости не уступающія описаннымъ зрительнымъ галлюцинаціямъ. Нѣкоторые экстазики ощущаютъ благоуханіе, что часто бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда созерцаемый ими зрительный образъ представляетъ Бога, Св. Дѣву или ангеловъ. Если, напротивъ, экстазикъ видитъ дьявола, то зрительный образъ нерѣдко сопровождается отвратительнымъ зловоніемъ.

Слуховыя галлюцинаціи точно также часто сопровождаютъ экстазическія видѣнія, какъ указано нами выше. И здѣсь также звучащія въ ушахъ экстазика слова тѣсно связаны съ созерцаемыми имъ образами.

Наконецъ, въ экстазѣ могутъ восприниматься и осязательные образы. Мы видѣли, что Энгельбрехтъ увлекался въ пространство съ быстротою стрѣлы; многіе экстазики чувствуютъ, что поднимаются вверхъ или переносятся съ одного мѣста на другое. Нѣкоторые больные чувствуютъ на себѣ поцѣлуи воображаемыхъ лицъ,—ощущеніе, точно также относящееся къ экстазическимъ галлюцинаціямъ осязательнаго характера.

Одинъ случай этого рода упомянуть мною выше. У Иммермана мы находимъ разсказъ о дамѣ, которая во время разговора внезапно умолкала, впадала въ экстазъ и чувствовала на себѣ поцѣлуи мистическаго возлюбленнаго.

Экстазическія импровизаціи. Прочитывая собранныя у различныхъ авторовъ наблюденія надъ людьми, находившимися въ состояніи экстаза, мы часто встрѣчаемъ

указанія, что больные во время припадка пѣли. Въ однихъ случаяхъ это псалмы, имѣющіе отношеніе къ божественному видѣнію. Въ другихъ—передъ нами настоящая импровизація, относящаяся къ фантастической сценѣ, при которой экстазикъ, по его мнѣнію, присутствуетъ, или къ идеямъ, занимающимъ его умъ.

Франкъ подробно—быть можетъ, даже слишкомъ подробно—описалъ одну больную, страдавшую каталептической формой экстаза и часто импровизировавшую во время припадковъ гимны, музыка которыхъ тщательно записана нѣмецкимъ авторомъ. Въ одной импровизаціи она пѣла о прекрасныхъ ангелахъ, игравшихъ съ нею и для которыхъ она собирала цвѣты. Во время другого экстазическаго припадка она пѣла, что будетъ исцѣлена, такъ какъ Господь, выслушавъ ея молитвы, послалъ ей людей, которыхъ она считаетъ богами. Она надѣялась, что благодаря ихъ попеченіямъ будетъ исцѣлена, но только послѣ тяжкихъ страданій.

Импровизаціи свои она слагала на польскомъ языкѣ, хотя обыкновенно говорила по нѣмецки. Одинъ изъ сочиненныхъ ею гимновъ, хотя и написанъ не въ стихотворной формѣ, представляетъ извѣстный ритмъ и не лишень поэзіи. Приводимъ изъ него слѣдующій отрывокъ:

Великій Боже, полный милосердія,
Помоги мнѣ, я—несчастлива!
Утѣшитель скорбящихъ,
Укрѣпи меня въ добродѣтели терпѣнія,
Ибо Ты одинъ—моя надежда.
Тебѣ я ввѣрю себя.
Подруги мои,
Глядите на мои страданія,
Поймите, какъ ничтоженъ человекъ,
Сколь мало онъ отличенъ отъ праха.
Великій Боже, полный благодати,
Моя единственная надежда,
Положи конецъ моимъ страданьямъ
Или верни мнѣ здоровье.
Пусть умираютъ тѣ, что долго наслаждались жизнью!
Я же, увя! вяну въ цвѣтѣ дней.

Проповѣдники и пророки. Во время эпидемическаго душевнаго разстройства, охватившаго Швецію въ 1841 году

и характеризовавшагося въ числѣ прочихъ симптомовъ явленіями экстаза, больные точно также пѣли гимны, скоро смѣнившіеся проповѣдями на тему о спасеніи души, о Страшномъ Судѣ, и т. д. История этой эпидеміи настолько интересна, что мы остановимся на ней.

Въ сентябрѣ 1841 года шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Лиза Андердоктеръ, стала жаловаться на боль въ груди и головѣ; въ тоже время она противъ своей воли пѣла по цѣлымъ днямъ. Сначала это были только мелодіи, которыя она напѣвала велухъ, потомъ сюда присоединились слова: звучнымъ и чистымъ голосомъ дѣвушка пѣла религіозные псалмы. Спусти нѣсколько времени она стала проносить религіозныя проповѣди, сначала въ промежуткахъ отъ десяти до двѣнадцати дней, потомъ чаще. Она впадала въ экстатическое состояніе, въ которомъ получала откровенія свыше. Тогда она начинала пѣть, потомъ пробуждалась и послѣ конвульсивныхъ припадковъ начинала проповѣдывать. Въ проповѣдь она вносила столько энергіи, что покрывалась потомъ. Она утверждала, что устами ея говоритъ Св. Духъ.

Вскорѣ цѣлая толпа дѣвушекъ и женщинъ была охвачена тѣмъ же разстройствомъ, что и Лиза Андердоктеръ. Онѣ также впадали въ экстазъ и видѣли божественныя видѣнія—небо, Господа и ангеловъ,—участвовали въ трапезѣ избранниковъ за столомъ Господа. Онѣ видѣли также адъ, мѣсто пребыванія злыхъ духовъ и страданій грѣшниковъ. Подобно Лизѣ Андердоктеръ, онѣ проповѣдывали о спасеніи души, предвѣщали конецъ міра, близость Страшнаго суда и иногда предсказывали день собственной смерти. Ни одно изъ этихъ предсказаній не сбылось.

Проповѣди и пророчества представляли также одну изъ характерныхъ чертъ экстатической эпидеміи *камизаровъ*, севенскихъ квакеровъ. Эпидемія вспыхнула въ одномъ стеклянномъ заводѣ въ Дофинѣ, въ мѣстности Пейра, велѣдъ за отмѣной нантскаго эдикта. Одинъ фанатикъ, по имени Серръ, посланный убѣждавшими въ Женеву проповѣдниками, доведя слушателей до крайней эк-

зальтациі своими анти-папистскими проповѣдями, дуновеніемъ въ ротъ сообщалъ самымъ горячимъ изъ своихъ послѣдователей даръ пророчества. „Пророки явились массами; ихъ насчитывали сотни, въ числѣ ихъ попадались семи-восьмилѣтнія дѣти... Фанатики собирались въ лѣсахъ, пещерахъ, пустынныхъ мѣстахъ, на вершинахъ высокихъ горъ въ количествѣ четырехъ-пяти сотъ человекъ, иногда же число ихъ достигало трехъ-четырехъ тысячъ. Тамъ они ждали *духа свыше*. Потомъ пророкъ дулъ въ ротъ лицамъ, жаждавшимъ дара пророчества, и говорилъ: „Да снизойдетъ на васъ Св. Духъ!“ и они начинали пророчествовать, впадали въ судороги, катались по землѣ съ пѣною у рта... Фанатизмъ, приведенный въ систему, насчитывалъ четыре степени: *указаніе, дуновеніе, пророчество и благодать*. Во всякой толпѣ былъ свой пророкъ“¹⁾.

Эпидемія, охватившая Амстердамъ въ 1566 году, представляла много сходныхъ явленій. И тамъ больные пророчествовали,—кромѣ того они говорили на иностранныхъ языкахъ и угадывали событія, происходившія вдали отъ нихъ.

Проповѣди, даръ пророчества, знаніе сокровенныхъ тайнъ—все это встрѣчается въ цѣломъ рядѣ экстатическихъ эпидемій. Мы разберемъ въ отдѣльности каждый изъ этихъ разрядовъ явленій и посмотримъ, можетъ ли быть допущена здравой критикой достовѣрность этихъ фактовъ. Если они не окажутся стоящими въ противорѣчій съ требованіями логики, мы должны будемъ отыскать для нихъ раціональное объясненіе.

Когда вы читаете рассказы объ этихъ проповѣдникахъ съ неудержимымъ потокомъ рѣчей, произносимыхъ по ихъ собственнымъ словамъ произвольно,—васъ поражаетъ сходство этого явленія съ тѣмъ, что наблюдается у помѣшанныхъ, страдающихъ нѣкоторыми формами маниакальнаго разстройства. Въ самомъ дѣлѣ, часто помѣшанные заявля-

¹⁾ Grégoire, *Histoire des sectes religieuses qui sont nées, se sont modifiées, se sont éteintes dans les différentes contrées du globe*, Paris 1828.

ютъ вамъ, что они говорятъ противъ своей воли, что кто-то говоритъ въ нихъ, что ихъ заставляютъ говорить; слова, прибавляютъ они, приходятъ имъ на уста помимо ихъ желанія, произносятся сами собой безъ всякаго усилія съ ихъ стороны. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я показаль, что этотъ фактъ долженъ быть отнесенъ къ ряду импульсивныхъ явленій въ сферѣ механизма рѣчи. Въ числу тѣхъ же импульсивныхъ явленій въ болѣе слабой степени относятся тѣ голоса безъ звуковъ, та мысленная рѣчь, которая разсматривается обыкновенно какъ самостоятельный видъ галлюцинаціи и получила наименованіе *психической галлюцинаціи*. Слова, произносимыя нѣкоторыми больными противъ воли, слова безъ звуковъ, внутренняя рѣчь, которую мы встрѣчаемъ у другихъ больныхъ, — представляютъ тѣсную связь съ ихъ бредовыми идеями. Вполнѣ аналогичные факты мы встрѣчаемъ въ различныхъ, описанныхъ выше, экстатическихъ эпидеміяхъ.

„Я протестую здѣсь и объявляю предъ Верховнымъ Судіей, говоритъ Эли Маріонъ, одинъ изъ севеннекихъ экстатиковъ, — что никто не просилъ, не подкупаль и не соблазняль меня произносить какія либо слова кромѣ тѣхъ, которыя произносить моими устами Духъ или ангелъ Господень. Въ экстазѣ я всецѣло ввѣряю ему мой языкъ, а самъ только думаю о Господѣ и внимаю словамъ, произносимымъ моими устами. Я знаю, что тогда чуждая мнѣ и высшая Сила побуждаетъ меня говорить. Я не обдумываю и не знаю того, что мнѣ придется сказать. Когда я говорю, душа моя внимаеть словамъ, выходящимъ изъ моихъ устъ, какъ будто ихъ произноситъ другой, — но слова эти обыкновенно оставляютъ яркій слѣдъ въ моей памяти“ ¹⁾.

Трудно было бы лучше передать испытываемыя экстатикомъ ощущенія, чѣмъ это сдѣлаль Эли Маріонъ. Постараемся же дать этому факту, въ достовѣрности котораго не сомнѣваемся, раціональное объясненіе.

Предшествующія приобрѣтенія мысли, безчисленные об-

разы, усвоенные нерѣдко безсознательно — все локализуется въ опредѣленныхъ клѣточкахъ, стоящихъ въ связи съ двигательными клѣточками, переводящими на языкъ рѣчи эти мозговые образы. Когда уму сообщается извѣстный общій импульсъ, соотвѣтствующій настроенію субъекта — какъ это бываетъ при экстазѣ, помѣшательствахъ, при нѣкоторыхъ нервныхъ состояніяхъ, создающихъ для больного особую обстановку, то хотя воля и бездѣйствуетъ въ данный моментъ, хотя вниманіе отвлечено въ другую сторону, насколько по крайней мѣрѣ это возможно при данныхъ условіяхъ — рядъ умственныхъ образовъ, стоящихъ въ связи съ настроеніемъ субъекта, приводится въ движеніе безсознательнымъ импульсомъ, обусловленнымъ этимъ самымъ настроеніемъ. Одновременно съ указаннымъ рядомъ образовъ придутъ естественно въ дѣятельное состояніе двигательныя клѣточки, служація для внѣшнихъ проявленій внутренней работы, и у лица, поставленнаго въ эти условія, явится сознаніе, что имъ руководитъ внѣшняя сила независимо отъ его желаній, а иногда и вопреки его желанію. Такъ понимаемъ мы то, что ощущаль и прекрасно описаль протестантскій пророкъ.

Какъ объяснить даръ пророчества, проявляющійся при экстатическихъ эпидеміяхъ? Я выше сказалъ, что ни одно изъ пророчествъ подражательницъ Лизы Андередоктеръ въ эпидеміи, охватившей Швецію, не сбылось. То же происходило повсюду, и если въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ предсказанія оправдывались, то пророчество не выходило за предѣлы простого предвидѣнія или же существовало случайное совпаденіе.

Случайнымъ совпаденіемъ должны мы объяснить цѣлый рядъ чудесныхъ фактовъ этого рода; такое впечатлѣніе произвель на меня между прочимъ рассказъ о бывшемся на дѣлѣ пророчествѣ одного ребенка въ амстердамскомъ госпиталѣ, предсказавшаго отъѣздъ въ Гагу одного изъ членовъ муниципальнаго совѣта ¹⁾. Что же касается до мно-

¹⁾ Misson, *Les Prophètes protestants*, съ предисловіемъ М. А. Bost.

¹⁾ Brierre de Boismont, *Des Hallucinations*.

гихъ другихъ фактовъ этого рода, то я убѣжденъ, что они попали въ исторію науки только благодаря недостаточной точности наблюденія и отсутствію серьезной критики.

Даръ языковъ. Профессоръ Арто въ своей замѣчательной работѣ о морзинской эпидеміи подвергъ строгой критикѣ утвержденія нѣсколькихъ свидѣтелей, увѣрявшихъ, что одна дѣвушка давала опредѣленные отвѣты на вопросы, съ которыми къ ней обращались на латинскомъ языкѣ, другая—говорила по-нѣмецки, не имѣя объ этомъ языкѣ ни малѣйшаго понятія. Безпристрастный разборъ этихъ фактовъ приводитъ автора къ заключенію, что они далеко не представляютъ достовѣрности, обязательной для научныхъ наблюденій.

„Какъ бы ни было странно подобное явленіе, говорить Арто, я не рѣшился бы усумниться въ немъ только потому, что оно не можетъ быть объяснено наукой, если бы оно представляло все гарантіи достовѣрности, требуемыя здравымъ разсудкомъ. Но имѣются ли онѣ въ данномъ случаѣ? Гг. Ф. и В. ограничиваются слѣдующимъ заявленіемъ: „Мы знаемъ, что больныя давали точные отвѣты лицамъ, обращавшимся къ нимъ на неизвѣстныхъ имъ языкахъ“. Есть основаніе думать, что „они знаютъ“ это со словъ кюре, такъ какъ они не говорятъ, что наблюдали фактъ лично. Кюре со своей стороны былъ настолько любезенъ, что далъ намъ разъясненія относительно интересующихъ насъ фактовъ, достовѣрность которыхъ для него не подлежитъ сомнѣнію. Въ первомъ случаѣ онъ былъ, повидимому, единственнымъ свидѣтелемъ. Второй происходилъ въ присутствіи одного иностраннаго священника, путешествовавшего со своей воспитанницей и привлеченнаго въ Морзинъ молвой о совершающихся здѣсь чудесахъ. Больная во время припадка произнесла нѣсколько словъ, которыхъ священникъ не понялъ, а поняла его воспитанница, знавшая нѣмецкій языкъ! Я нисколько не сомнѣваюсь въ правдивости, въ искренности кюре, но его показанія въ этомъ случаѣ не удовлетворяютъ даже требованіямъ старинной логики! Замѣчательно, что факты эти имѣли мѣ-

сто болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, что съ тѣхъ поръ не наблюдалось ничего подобнаго, хотя въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ сотня больныхъ представляла тысячи нервныхъ припадковъ, обыкновенно сопровождаемыхъ явленіями, которыя принято считать сверхъестественными. Въ виду всего сказаннаго я не могу признать приведенныхъ фактовъ достаточно достовѣрными ¹⁾“.

Мы можемъ только согласиться съ этими словами. Повторяю, тысячи фактовъ, относящихся къ эпидеміямъ этого рода, попали въ науку, благодаря недостаточно серьезной критикѣ. Но если бы даже достовѣрность ихъ не подлежала сомнѣнію,—а нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно достовѣрны,—то и тогда незачѣмъ было бы видѣть въ нихъ что либо чудесное или сверхъестественное.

Безсознательныя воспоминанія. Всякое мгновеніе мы воспринимаемъ изъ внѣшняго міра посредствомъ чувствъ безчисленное множество образовъ,—воспринимаемъ ихъ безсознательно. Образы накаплиются, складываются послѣдовательными слоями, причемъ каждый изъ слоевъ погребаетъ подъ собой предшествующій. Но все эти образы существуютъ, существуютъ въ скрытомъ состояніи (потенціально) и при благопріятныхъ условіяхъ могутъ быть вызваны вновь. Велѣдствіе этого при нѣкоторыхъ физиологическихъ или патологическихъ состояніяхъ сокровенныя пріобрѣтенія духа становятся явными, неожиданно открываются сознанию.

„Помѣшанные, говоритъ Маудели, иногда во время бреда говорятъ о сценахъ и событіяхъ, о которыхъ у нихъ не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія въ нормальномъ состояніи. Въ лихорадкѣ больной можетъ декламировать цѣлыя страницы на языкѣ, котораго не понимаетъ, если только ему случайно привелось слышать эти страницы. Достаточно увидѣть во снѣ школу, чтобы пережить вновь когда-то пережитыя въ ней ощущенія. Безчисленныя воспо-

¹⁾ Arthand. *Relation d'une hystéro-démonopathie épidémique observée à Morzine*. 1862.

минація настойчиво и съ замѣчательною ясностью толпятся предъ сознаниемъ утопающаго“¹⁾.

Въ моментъ смерти, говоритъ Макаріо, многимъ случалось видѣть передъ собой картины прошлаго, проходившія передъ ними со всеми подробностями втеченіе одного мгновенія. „Я знакомъ съ этимъ фактомъ, прибавляетъ онъ, по собственному опыту. Однажды, купаясь въ Сенѣ, я сталъ тонуть. Въ это мгновеніе все поступки моей жизни какъ бы волшебствомъ предетали предъ испуганными взорами моего духа“²⁾.

Извѣстенъ также описанный Кольриджемъ случай со служанкой, въ лихорадочномъ бреду читавшей наизусть цѣлыя страницы по-еврейски, которыхъ она не понимала и не могла повторить по выздоровленіи. Она слышала, какъ ихъ читалъ велухъ священникъ, у котораго она жила.

Все эти факты, отмѣченные внимательными наблюдателями, показываютъ, что при извѣстныхъ состояніяхъ мозга образы, воспринятыя безсознательно, могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи и обнаруживаться внезапно, производя при этомъ впечатлѣніе чего-то совершенно самопроизвольнаго. Факты, изложенные въ настоящей главѣ, вполне удовлетворительно объясняются съ этой точки зрѣнія.

Вернемся къ экстазу и нѣкоторымъ любопытнымъ особенностямъ экстатического состоянія, о которыхъ мы не говорили до сихъ поръ. Пониженіе чувствительности представляетъ, какъ мы видѣли, одно изъ явленій, обыкновенно наблюдаемыхъ въ экстазѣ. Иногда оно достигаетъ такой степени, что экстастика можно колоть, щипать, жечь, не причиняя ему ни малѣйшей боли. Особенно рѣзко это состояніе выражено у нѣкоторыхъ индійскихъ факировъ, наконецъ впадающихъ въ состояніе полной нечувствительности и тетанической оцѣпенѣлости, которую ничѣмъ не удается устранить. Геберъ рассказываетъ, что встрѣтилъ

¹⁾ Маудсли. *Физиологія души*, на русскій языкъ переведена Исаинымъ.

²⁾ Macario, *Du Sommeil etc.*

однажды факира, который могъ ходить уже только на одной ногѣ и не былъ въ состояніи разогнуть рукъ. Эта оцѣпенѣлость членовъ представляетъ у экстатиковъ обычное явленіе. Кальмейль видѣлъ экстатиковъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не оставлявшихъ постели и лежавшихъ съ неподвижно вытянутыми руками и напряженно сократившимися мышцами шеи и груди. Все ихъ тѣло представлялось ооченѣлымъ, какъ это наблюдается на трупахъ¹⁾. Эта нечувствительность, эта трупная оцѣпенѣлость, находясь въ тѣсной связи съ состояніемъ мозга, представляетъ, повидимому, слѣдствіе этого состоянія и можетъ быть понята, какъ результатъ особой динамики мозговыхъ процессовъ при экстазѣ. Но если у большинства экстатиковъ это состояніе только одновременно съ созерцаніемъ галлюцинаторныхъ образовъ, то у другихъ оно зависитъ отъ сознательнаго усилія воли и обусловлено сосредоточеніемъ мысли на идеѣ небытія.

Докторъ Шейнъ видѣлъ факира, который энергическимъ напряженіемъ мысли и, вѣроятно, благодаря продолжительному упражненію, могъ превращаться въ мертвеца со всеми признаками полной смерти и оставался въ этомъ состояніи по нѣсколько часовъ. По словамъ Брэда факиры нерѣдко приказываютъ положить себя въ герметически закрытый мѣшокъ или ящикъ и похоронить; когда ихъ, по прошествіи нѣкотораго времени, откапываютъ, они постепенно оживаютъ.

Нечувствительность при экстазѣ. Если возможность мнимой смерти подъ вліяніемъ напряженнаго сосредоточенія мысли нельзя не считать явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ, то точно также заслуживаетъ вниманія нечувствительность къ страданіямъ, обнаруживаемая многими экстастиками. Многочисленные и достовѣрные свидѣтельства не оставляютъ мѣста сомнѣнію на этотъ счетъ. Благодаря обусловленной экстатическимъ созерцаніемъ нечувствитель-

¹⁾ Calmeil. *De la folie considérée sous le point de vue pathologique etc.* Paris 1845.

ности, фанатики на индійскихъ празднествахъ могутъ вѣшаться на желѣзные крючья, глубоко вонзающіеся въ ихъ тѣло, и качаться на нихъ, не испытывая при этомъ ни малѣйшей боли; благодаря той же нечувствительности, лаюшіе дервиши могутъ брать въ руки раскаленные до красна желѣзные полосы и рѣзать свое тѣло острыми орудіями. Такія произвольно наносимыя себѣ увѣчья представляютъ обычное явленіе и у тибетскихъ ламъ, и Гюкъ рассказываетъ, что однажды онъ встрѣтилъ толпу пилигримовъ, отправлявшихся смотрѣть, какъ лама-бокть будетъ распарывать себѣ животъ и вытаскивать оттуда внутренности.

„Бокть, могущество котораго какъ выражаются монголы, должно проявиться во всемъ своемъ блескѣ, продолжаетъ Гюкъ, готовится къ этой чудовищной операціи долгодневнымъ постомъ и молитвою. На все это время онъ отказывается отъ общенія съ людьми и налагаетъ на себя обѣтъ абсолютнаго молчанія. Когда назначенный день наступилъ, вся масса пилигримовъ отправляется на дворъ храма, передъ которымъ сооруженъ большой алтарь. Наконецъ, является бокть. Онъ серьезно подвигается впередъ, привѣтствуемый криками толпы, садится на алтарь, вынимаетъ изъ-за пояса большой ножъ и кладетъ его себѣ на колѣни. У ногъ его толпа ламъ, собравшись въ кружокъ, начинаетъ читать страшныя заклинанія, представляющія необходимую принадлежность этой церемоніи. По мѣрѣ того, какъ чтеніе ихъ подвигается впередъ, бокть начинаетъ дрожать всею тѣлою и постепенно впадаетъ въ судороги. Ритмъ въ чтеніи ламъ тогда исчезаетъ, голосъ ихъ воодушевляется, пѣніе становится безпорядочнымъ и наконецъ, вмѣсто словъ раздаются только вскрикиванія и вой. Тогда бокть быстрымъ движеніемъ сбрасываетъ съ себя поясъ и, схвативъ священный ножъ, распарываетъ себѣ животъ во всю его длину ¹⁾).

Мы ограничимся сказаннымъ и не будемъ вдаваться

въ дальнѣйшій разборъ этихъ фактовъ. Легко понять, что трудно опредѣлить, гдѣ кончается граница между явленіями, зависящими отъ особаго состоянія нервной системы, вызваннаго описанными выше обрядами, и ловкимъ обманомъ, едва ли совершенно отсутствующимъ въ этихъ чудовищныхъ церемоніяхъ.

¹⁾ Нас., *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine.* Paris, 1850.

ГЛАВА XII.

Г И П Н О Т И З М Ъ.

Если помѣститъ передъ глазами какого либо субъекта, говоритъ Мори, на небольшомъ разстояніи отъ его лица блестящій предметъ, напримѣръ, изъ полированного металла, или, пристально глядя ему въ глаза, мѣшать ему видѣть окружающіе предметы, или же стараться поразить чѣмъ нибудь воображеніе, — то, если это лицо обладаетъ слабымъ, нервнымъ сложеніемъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе на мерцающемъ предъ нимъ предметѣ, оно впадаетъ въ каталептическое состояніе, аналогичное тому, какое наблюдается при вдыханіи анестезирующихъ веществъ. Члены его становятся ригидными (оцѣпенѣлыми) или приходятъ въ состояніе болѣе или менѣе полного расслабленія, болевая чувствительность понижена или совсѣмъ уничтожена, между тѣмъ какъ нѣкоторыя чувства, напр. слухъ и осязаніе въ нѣкоторыхъ областяхъ тѣла становятся особенно воспримчивы къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Воспринимаются самые слабые звуки, получаютъ реакціи на самыя слабыя раздраженія. Какъ при нѣкоторыхъ каталептическихъ состояніяхъ, возникаютъ грезы и галлюцинаціи¹⁾.

¹⁾ Maury. *La Magie et l'Astrologie dans l'Antiquité et au Moyen âge*. Paris, 1863.

Явленія, описанныя Мори и происходящія при указанныхъ имъ условіяхъ, получили наименованіе *гипнотическихъ*.

Они недавно только стали изучаться съ научной и строго раціональной точки зрѣнія. Болѣе всего свѣта пролили на этотъ любопытный отдѣлъ патологіи нервной системы труды Брэда, Филиппа, Жиро-Телона, Демаркэ, Азама¹⁾, Шарко, Дюмонпалье и Маньена, Кюллерра²⁾, Бони³⁾ и др.

Историческій очеркъ. Если изученіе гипнотическихъ явленій стало на научную почву только недавно, то самые факты извѣстны уже давно. Въ древности, въ средніе вѣка, въ прошломъ столѣтіи гипнотизмомъ часто пользовались магики и колдуны, приписывавшіе божескому или дьявольскому вмѣшательству галлюцинаціи и другія явленія, наблюдавшіяся у гипнотизированныхъ субъектовъ. Различные виды гаданія древнихъ — *идроманція* или ворожба посредствомъ воды, *катоптроманція* — ворожба посредствомъ зеркаль, *леканоманція* — ворожба посредствомъ бассейна, въ который кидали золотыя или серебряныя пластинки, *лхноманція* — ворожба посредствомъ лампъ, *кристалломанція* — ворожба посредствомъ кристалла, — основаны были, очевидно, на впечатлѣніи, производимомъ блестящими предметами при сосредоточенномъ созерцаніи ихъ прорицателемъ. Приведеннымъ въ особое душевное состояніе усиленіемъ собственной воли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вдыханіемъ извѣстныхъ веществъ.

Апулей⁴⁾ рассказываетъ по Варрону, что траллійцы во время войны съ Митридатомъ обратились къ прорицателямъ, и ребоноэ, глядя на опущенное въ воду изображеніе Меркурія, въ ста шестидесяти стихахъ предсказалъ имъ результатъ войны. Мы знаемъ, что Дидій Юліанъ, желая узнать исходъ сраженія, прибѣгалъ къ катоптроманціи,

¹⁾ Azam. *Hypnotisme, double conscience et altérations de la personnalité*. Paris, 1887.

²⁾ Cullerre. *Magnétisme et hypnotisme*. 2-e édition, Paris, 1887.

³⁾ Beaunis. *Le Somnambulisme provoqué*. Paris, 1887. Переведено на русск. яз. Мокіевскимъ.

⁴⁾ Апулей, *Аполонія*.

причемъ ребенокъ, надъ головой котораго были произнесены заклинанія, смотрѣлъ въ магическое зеркало.

Въ самомъ дѣлѣ, древняя магія пользовалась для своихъ цѣлей преимущественно дѣтьми; точно также дѣтьми пользуются для своихъ чаръ талебы на востокѣ. Выборъ этотъ съ нашей точки зрѣнія вполне основателенъ: впечатлительныя организаци, каковы организаци дѣтей и женщинъ, особенно благопріятны для произведенія явленій этого рода. Названный мною сейчасъ древній писатель, Апулей, задаетъ себѣ вопросъ, почему дѣти оказываются особенно пригодными для ворожбы, и даетъ на него отвѣтъ, соответствующій философскимъ и религіознымъ воззрѣніямъ того времени. Но мы, видя ежедневно, съ какою легкостью лица нѣжнаго сложенія — женщины, дѣти, — приводятся въ гипнотическое состояніе, понимаемъ, почему древніе маги пользовались для своихъ цѣлей преимущественно дѣтьми.

Ворожба посредствомъ зеркалъ сопровождалась обрядами, имѣвшими цѣлью привести прорицателя въ состояніе, благопріятное для появленія галлюцинаціи. Повидимому для этого употреблялись постъ, благовонныя куренія и заклинанія, до сихъ поръ еще употребляемыя преемниками древнихъ маговъ на востокѣ. Зеркало обливается духами, прорицатели постытятся въ теченіи семи дней, пребываютъ все это время въ полномъ уединеніи и во время заклинаній видятъ собственными глазами или глазами дѣвушекъ и дѣтей—ангеловъ, къ которымъ и обращаются съ вопросами. ¹⁾

Гидроманція, леканоманція и т. д.—только варианты ворожбы посредствомъ зеркалъ. При этихъ видахъ ворожбы мы тоже имѣемъ блестящій предметъ, созерцаніе котораго вызываетъ галлюцинаторный образъ, принимаемый за божество или за реальный образъ грядущихъ событій. На основаніи нѣкоторыхъ сообщеній можно думать, что зрительный образъ въ извѣстныхъ случаяхъ сопровождается галлюцинаціей слуха. Если мы вспомнимъ, какая тѣсная

¹⁾ См. Reinaud. *Description du cabinet Blacas.*

связь существуетъ между чувственными впечатлѣніями, то не найдемъ въ этомъ фактѣ ничего страннаго и легко допустимъ его возможность.

На основаніи фактовъ, сообщаемыхъ итальянскимъ биографомъ извѣстнаго Калиостро, можно думать, что знаменитый авантюристъ—чудодѣй, объѣздившій Грецію, Египетъ, Персію, Аравію, познакомился тамъ съ различными способами ворожбы, тѣсно связанными съ гипнотизмомъ. У него была „голубка“—т. е. невинный ребенокъ. Стоя передъ графиномъ, этотъ ребенокъ получилъ отъ наложенія на него рукъ великаго Кофты даръ общенія съ ангелами и видѣлъ въ графинѣ все, чего отъ него требовали. Впрочемъ, на востокѣ, не понимая истинной причины появленія галлюцинаторныхъ образовъ, были повидимому знакомы съ гипнотическими явленіями обстоятельнѣе, чѣмъ маги древности, и давали себѣ довольно ясный отчетъ въ самихъ фактахъ.

„Такъ какъ зрѣніе, пишетъ Ибнъ-Халдунъ, есть благороднѣйшее изъ чувствъ, то они (прорицатели) и отдають ему предпочтеніе. Сосредоточивая свой взглядъ на предметахъ съ гладкой поверхностью, они внимательно созерцають ихъ, пока не увидятъ того, что имъ нужно возвѣстить. Нѣкоторые полагають, что видимый при этомъ образъ обрисовывается на поверхности зеркала, но это не вѣрно.

„Прорицатель пристально глядитъ на поверхность зеркала, пока она не исчезнетъ, и пока между нимъ и зеркаломъ не явится какъ-бы завѣса изъ тумана. На этой завѣсѣ выступаютъ образы, которые онъ желаетъ видѣть, что позволяетъ ему давать положительные или отрицательные отвѣты на предложенные ему вопросы. Тогда онъ рассказываетъ, что видитъ. Прорицатели въ этомъ состояніи не видятъ того, что можно дѣйствительно видѣть въ зеркалѣ, у нихъ является совершенно особый родъ воспріятія. ¹⁾“

¹⁾ Ibn Khaldoun, *Prolégomènes*, trad. de Plane, приведено у Мори.

Этот отрывок крайне любопытенъ. Явленія здѣсь описаны замѣчательно вѣрно, а тотъ особый родъ воспріятія, о которомъ говоритъ авторъ, есть конечно не что иное, какъ галлюцинація.

Къ области гипнотизма же относятся опыты, производившіеся алжирскимъ колдуномъ Ахмедомъ въ Каирѣ въ присутствіи лорда Прэдэ и Лабурда ¹⁾. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ опытахъ этого рода участвовалъ ребенокъ. На ладонь ему налиты были чернила, и мальчикъ-египтянинъ скоро увидѣлъ на нихъ движущіяся, возникавшія и исчезающія человѣческія фигуры. Эти опыты часто производились въ присутствіи Лабурда и потомъ были повторены имъ самимъ съ полнымъ успѣхомъ. Не рѣшаясь дать объясненіе этимъ явленіямъ, ученый академикъ признаетъ за ними полную достовѣрность.

„Изъ всѣхъ этихъ исполнѣ согласныхъ наблюденій и опытовъ, говоритъ онъ, вытекаетъ тотъ положительный фактъ, что подъ вліяніемъ особой организаціи и извѣстныхъ обрядовъ—въ которыхъ трудно отдѣлить обряды, вліяющіе на полученіе результата, отъ церемоній, составляющихъ только внѣшній аксессуаръ—дѣти, взятыя съ улицы, безъ всякой предварительной подготовки, безъ возможности какого либо обмана, видятъ на ладони съ такою же ясностью, какъ въ окно, движущихся, появляющихся и исчезающихъ людей, которыхъ они вызываютъ, и которые являются на ихъ зовъ, съ которыми они разговариваютъ и о которыхъ сохраняютъ воспоминаніе послѣ опыта. Я привожу факты, но не объясняю ихъ. Даже произведя надъ самимъ собой этотъ опытъ съ полнымъ успѣхомъ, я не могъ дать себѣ отчетъ въ полученныхъ результатахъ. Я только утверждаю самымъ положительнымъ образомъ, что все сказанное мною вѣрно. Я дѣлаю это спсѣтъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ покинулъ востокъ, потому что не говоря уже объ абсолютной реальности явленія и даже точности нѣкоторыхъ отвѣтовъ, не могу допустить, чтобы

¹⁾ Léon de Laborde, *Commentaire sur l'Exode*, Paris 1841 in-folio.

былъ обманутъ или самъ обманывался во время опытовъ, производившихся около двадцати разъ на моихъ глазахъ, по моему требованію, въ присутствіи множества различныхъ лицъ въ двадцати различныхъ мѣстахъ,—то въ четырехъ стѣнахъ моей комнаты, то подъ открытымъ небомъ, то на моей лодкѣ у береговъ Нила“.

Изъ описанія Лабурда, изъ приведенныхъ выше словъ Ибнъ-Халдуна мы должны заключить, что видѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ случаяхъ, относятся къ числу видѣній галлюцинаторнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Ибнъ-Халдунъ, фигуры яляются не въ самомъ зеркалѣ, а на завѣсѣ какъ будто изъ тумана, появляющейся между зеркаломъ и прорицателемъ. Зеркало исчезло—т. е. прекратились внѣшнія воспріятія, и другіе образы—образы, связанные съ идеями, на которыхъ сосредоточилась мысль загипнотизированнаго субъекта—заняли ихъ мѣсто.

Точно также субъекты, наблюдавшіеся Лабурдомъ, видятъ на ладони съ такою же ясностью, какъ въ слуховое окно. Слѣдовательно, и здѣсь образъ не совпадаетъ съ предметомъ, обусловливающимъ видѣніе, а находится—на этотъ разъ—позади его. Мы имѣемъ здѣсь проэцированный во внѣшній міръ фантастическій образъ, какъ всегда бываетъ при объективирующихся мозговыхъ образахъ. Кромѣ того, самый характеръ образовъ заставляетъ отнести ихъ къ числу образовъ галлюцинаторныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многочисленные описанные въ литературѣ факты говорятъ за то, что воспринятый образъ обнаруживаетъ соотвѣтствіе съ душевнымъ настроеніемъ воспринимателя субъекта, съ его привычками, идеями, предшествующимъ душевнымъ опытомъ.

Такъ одинъ римлянинъ, часто посѣщавшій игры цирка и постоянно терпѣвшій пораженіе на бѣгахъ, видѣлъ въ наполненной водою вазѣ коней и колесницы ¹⁾. Лица, га-

¹⁾ Maury, *La Magie etc.*

давнія въ среднія вѣка о будущемъ посредствомъ зеркалъ, видѣли обыкновенно ангеловъ или злыхъ духовъ. Наконецъ индійскія вдовы, восходя на костеръ, видятъ въ зеркалѣ, которое передаетъ имъ жрецъ, сцены изъ переселенія душъ.

Достаточно ли одного фиксированія взглядомъ зеркала, воды, блестящихъ предметовъ, чтобы возникла галлюцинація,—или же мы должны приписать извѣстную долю вліянія различнымъ сопутствующимъ церемоніямъ: заклинаніямъ, куреніямъ и т. д.?

Мы думаемъ, что заклинанія, молитвы и т. д. оказываютъ несомнѣнное вліяніе на получаемый результатъ. Талисманы, заклинанія, молитвы служатъ очевидно для того, чтобы привести субъекта, надъ которымъ производится опытъ, въ состояніе, благоприятное для появленія галлюцинацій и притомъ—галлюцинацій опредѣленнаго характера. Это—родъ внушенія, вызывающаго видѣніе, которое желаютъ получить. Благонныя куренія, сожигаемыя обыкновенно на жаровнѣ и вдыхаемыя субъектомъ, надъ которымъ производится опытъ, оказываютъ по всей вѣроятности нѣкоторое анестезирующее дѣйствіе, тоже способствующее появленію галлюцинаторныхъ образовъ.

Мы видѣли, что для приведенія субъекта въ особое нервное состояніе, при которомъ легко возникаютъ галлюцинаторные образы, пользуются блестящими предметами, зеркаломъ, водой, металломъ. Но, какъ выше указано, нѣтъ абсолютной необходимости въ фиксированіи блестящихъ предметовъ. Фиксированіе любого предмета при извѣстномъ душевномъ настроеніи ведетъ къ тѣмъ же результатамъ.

Методы гипнотизированія. Въ XIV вѣкѣ монахи на Афонѣ продолжительнымъ созерцаніемъ пупка приводили себя въ такое состояніе, въ которомъ имъ являлось сіяніе Фавора. По методу, которымъ они пользовались, они получили названіе *omvi salamini*. Вотъ подробное описаніе способа, которымъ достигается это божественное видѣніе: „Помѣтившись въ углу комнаты, сдѣлай все, какъ я говорю: притвори двери, пусть твой духъ вос-

парить надъ веѣмъ браннымъ и мимолетнымъ, пусть твоя борода ляжетъ тебѣ на грудь, а очами и духомъ своимъ сосредоточься на срединной точкѣ своего тѣла, на пупкѣ. Зажми ротъ и носъ, чтобы дыханіе твое было стѣнено. Внутренно постарайся отыскать то мѣсто сердца, гдѣ расположены веѣ твои способности. Сначала будетъ непроницаемый туманъ и мракъ. Но спустя нѣсколько дней и ночей, о чудо! ты вкусишь несказанное блаженство. Духъ твой узритъ тогда то, чего никогда не видѣлъ: онъ видитъ ослѣпительный свѣтъ, пылающій между сердцемъ и имъ“. Свѣтъ этотъ—истинный свѣтъ Божій, тотъ свѣтъ, который явился на горѣ Фаворъ.

Созерцаніе пальца, кончика носа и т. д. представляютъ только различныя видоизмѣненія того способа, которымъ пользовались афонскіе монахи.

Другой способъ гипнотизаціи состоитъ въ фиксированіи глазами бѣлой черты, проведенной мѣломъ, или зачерненнаго круга. Первымъ изъ этихъ методовъ описавшій его патерь Кирхеръ ¹⁾ пользовался для приведенія куръ въ каталептическое состояніе. Связанная курица кладется на землю. На полу передъ ея глазами проводятъ мѣломъ бѣлую черту. Когда она успокоилась, ее развязываютъ, но она остается неподвижною на томъ же мѣстѣ. Чермакъ, повторившій опыты патера Кирхера, убѣдился, что курицу можно и не связывать, что достаточно придержать ее рукой. „Бѣлая черта служитъ для того, чтобы фиксировать взглядъ животнаго, а по прошествіи нѣкотораго времени замѣчаются явленія, тождественныя съ тѣми, которыя изучались подъ именемъ гипнотизма. Животное, будучи совершенно свободно, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ убѣжать. Оно сохраняетъ приданное ему положеніе, какъ бы оно ни было неудобно. Глаза его иногда широко раскрыты, въ большинствѣ же случаевъ полузакрыты вѣками. Это состояніе длится отъ одной до пяти минутъ ²⁾).

¹⁾ Kircher. *Ars magna lucis et umbrae*.

²⁾ Mat. Duval. *Nouveau Dictionnaire de médecine et de chirurgie pratiques*, tome XVIII, статья «Гипнотизмъ».

Опыты эти не проходят безслѣдно для животныхъ, надъ которыми они производятся, какъ видно изъ сообщенія, читаннаго Гартингомъ въ парижской академіи наукъ. „Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, говоритъ Гартингъ, я произвелъ множество опытовъ надъ животными, гипнотизированными по извѣстному методу—надъ курами, голубями, кроликами, морскими свинками, лягушками. Если одно и тоже животное подвергалось гипнотизации нѣсколько разъ, его нервная система оказывалась сильно расшатанной. У меня были куры, подвергавшіяся гипнотизации въ промежуткахъ отъ двухъ до трехъ дней. По прошествіи трехъ недѣль одна курица начала хворать, обнаружилась гемиплегія (параличъ половины тѣла), и животное издохло. То же произошло съ остальными пятью курицами. Всѣ онѣ одна за другой поражались гемиплегіей, хотя и по прошествіи различныхъ промежутковъ времени. Втеченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ куры подошли. Этотъ опытъ, прибавляетъ Гартингъ, долженъ внушить намъ нѣкоторую осторожность при производствѣ гипнотическихъ опытовъ надъ людьми“¹⁾. Другіе факты, приводимые нами ниже, точно также указываютъ на необходимость крайней осторожности при производствѣ гипнотическихъ опытовъ надъ человѣкомъ. Вернемся къ изложенію различныхъ методовъ гипнотизации.

Для того, чтобы привести человѣка въ гипнотическое состояніе, фиксируемый предметъ не долженъ обязательно быть блестящимъ или бѣлымъ, какъ въ описанныхъ опытахъ. Пристальное созерцаніе чернаго круга приводитъ къ тѣмъ же результатамъ.

„Я очерчиваю кускомъ угля, говоритъ Жигот-Сюаръ, на квадратной доскѣ кругъ 10-ти сантиметровъ въ діаметрѣ и совершенно зачерчиваю его. Потомъ я приглашаю г-жу X. пристально смотрѣть на черныи кругъ такъ же, какъ она смотрѣла за нѣсколько дней передъ тѣмъ на

¹⁾ Harting, *Comptes rendus de l'Acad. des sciences*, засѣданіе 13 февраля 1882.

свѣчу и тѣмъ сама привела себя въ гипнотическое состояніе. По прошествіи одной минуты она была загипнотизирована и находилась въ сомнамбулическомъ состояніи“¹⁾. Этотъ опытъ показываетъ, что самое главное здѣсь—пристальность взгляда, внимательное и продолжительное созерцаніе одного предмета.

Въ извѣстныхъ опытахъ Дюпотэ пристальное глядѣніе, исключительное созерцаніе одного предмета точно также вызывало то странное состояніе, которое наблюдалось у подвергавшихся опытамъ лицъ. Но такъ какъ въ этихъ случаяхъ послѣднія находились въ особомъ душевномъ настроеніи, то рядомъ съ каталептическими явленіями, которыя легко было констатировать, наблюдались и другія явленія, въ которыхъ не трудно признать ужасающія галлюцинаціи. Къ такому выводу приводитъ разсказъ самого Дюпотэ объ его опытахъ съ магическимъ зеркаломъ, который мы повторяемъ вдѣсь, выпуская нѣкоторыя спиритическія подробности, такъ какъ не можемъ допустить фантастическихъ данныхъ, относящихся скорѣе къ области магіи, чѣмъ къ числу точно наблюденныхъ фактовъ.

„Молодой человѣкъ двадцатипяти-шести лѣтъ приближается къ волшебному кругу, сначала увѣренно глядитъ на него, изслѣдуетъ его очертанія, такъ какъ онъ очерченъ не вездѣ одинаково, поднимаетъ голову, окидываетъ взглядомъ окружающихъ, потомъ опускаетъ глаза на полъ, къ ногамъ. Съ этого мгновенія начинаетъ сказываться эффектъ: онъ опускаетъ голову все ниже, обнаруживаетъ тревогу, двигается около круга, не теряя его ни на мгновеніе изъ виду, наклоняется еще болѣе впередъ, поднимается, отступаетъ на нѣсколько шаговъ, опять приближается, хмуритъ брови, становится мрачнымъ и тяжело дышетъ. Тогда мы видимъ нѣчто въ высшей степени любопытное и странное. Онъ видитъ—въ этомъ невозможно сомнѣваться—предметы, обрисовывающіеся въ зеркалѣ; его

¹⁾ Gigot-Suard, *Les mystères du magnétisme animal et de la magie dévoilés ou la vérité démontrée par l'Hypnotisme*. Paris 1860.

безпокойство, его движенія, которыя трудно воспроизвести, его рыданія, слезы, гнѣвъ, его отчаяніе и ярость—все это указываетъ на тревожное, потрясенное состояніе его души. Это—не сонъ, не кошмаръ. Видѣнія вполне реальны; предъ нимъ проходитъ рядъ событій, изображаемыхъ образами и знаками, смыслъ которыхъ онъ улавливаетъ и которые онъ созерцаетъ—то исполненный радости, то впадая въ глубокое отчаяніе по мѣрѣ того, какъ картины грядущаго проносятся предъ его взоромъ. Иногда онъ приходитъ въ бѣшенство, хочетъ схватить явившуюся передъ нимъ фигуру, устремляетъ на нее яростный взглядъ, наконецъ бросается и ударяетъ ногой въ покрытый углемъ кругъ. Поднимается пыль—и экспериментаторъ приближается, чтобы положить конецъ этой страшной, богатой душевными потрясеніями драмѣ“.

Выше мы говорили, что усыпить субъекта можно, производя быстрыя движенія передъ его глазами съ цѣлью помѣшать ему видѣть окружающіе предметы. Этотъ методъ гипнотизаціи примѣняется рѣже, чѣмъ фиксированіе блестящихъ предметовъ, хотя онъ не менѣе успѣшно приводитъ къ цѣли. Если вѣрить нѣкоторымъ разсказамъ, онъ очень употребителенъ въ Индіи, гдѣ лица, занимающія похищеніемъ дѣтей, часто пользуются имъ для приведенія своихъ жертвъ въ полу-безсознательное состояніе, мѣшающее имъ узнавать родителей или домашнихъ. Описываютъ одинъ фактъ такого рода, имѣвшій мѣсто въ Кантонѣ въ 1820 году. Какой-то ткачъ, проходя по улицѣ, узналъ сына своего хозяина, пропавшаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Онъ кликнулъ его, но ребенокъ взглянулъ на него тупымъ взглядомъ, видимо не узнавая его. Ткачъ насильно увелъ его домой къ отцу. Только послѣ цѣлаго ряда церемоній и обрядовъ, совершенныхъ жрецами Будды, мальчикъ узналъ отца и мать. Слѣдствіе, начатое по этому поводу, показало, что нѣсколько тысячъ дѣтей было похищено такимъ же образомъ.

Къ разсказамъ этого рода слѣдуетъ относиться съ крайней осторожностью и признаюсь, я самъ склоненъ былъ бы

отвергнуть ихъ, если бы факты, свидѣтельствующіе объ умственномъ притупленіи, вызываемомъ различными, мѣшающими зрѣнію, движеніями, были засвидѣтельствованы исключительно такими лицами, которыя при всей своей добросовѣстности лишены подготовки, необходимой для научнаго наблюденія. Совершенно такой же фактъ однако же сообщаетъ докторъ Джемсъ Эдель, хирургъ, состоявшій на службѣ у остъ-индской компаніи, самъ наблюдавшій его и подвергшій его строгому контролю ¹⁾.

Проходя по базару въ Гугли въ первыхъ числахъ іюня 1845 года, докторъ Эдель увидѣлъ большую толпу народа у полицейскаго бюро. Разспросивъ, въ чемъ дѣло, онъ узналъ, что пойманъ человекъ, укравшій ребенка. Ребенокъ и похититель находились въ гауптвахтѣ, куда Эдель и направился. Тамъ онъ нашелъ ребенка 10—12-ти лѣтъ, сидѣвшаго на колѣняхъ у человека, который его спасъ. Выраженіе лица у ребенка было тупое, безмысленное, одинъ глазъ у него безобразно распухъ. Докторъ Эдель приказалъ отвести его въ госпиталь. Потомъ Эделю показали преступника. Послѣдній объявилъ, что онъ по ремеслу—цырюльникъ и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ сумку, въ которой дѣйствительно оказались только инструменты, употребляемые цырюльниками. Мальчикъ, придя скоро въ себя, разсказалъ, что когда онъ былъ утромъ въ полѣ, недалеко отъ дома, къ нему подошелъ какой-то незнакомый человекъ и пробормоталъ нѣсколько магическихъ словъ. Потомъ незнакомецъ взялъ его за руку, а другой рукой провелъ нѣсколько разъ передъ его глазами. При этомъ мальчикъ впалъ въ безсознательное состояніе и послѣдовалъ за незнакомцемъ, хотя тотъ не принуждалъ его идти: онъ чувствовалъ, что долженъ слѣдовать за нимъ. Придя въ себя, мальчикъ очутился у воротъ Чандерногора въ двухъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ встрѣтился съ незнакомцемъ. Послѣдній не давалъ ему чего либо ѣсть или пить, точно также не заставлялъ его курить. Хозяинъ ре-

¹⁾ J. Esdaile, *Mesmerism in India*. London.

бенка и его товарищи заявили, что это былъ понятливый, умный мальчикъ, прекраснаго поведенія, не страдавшій никакими конвульсивными припадками. Точно также никогда не наблюдали у него сомнамбулическихъ явленій.

Въ заключеніе скажу, что гипнотическій сонъ можетъ быть вызванъ также повторными однообразными звуковыми впечатлѣніями. Такъ какъ способъ этотъ менѣе извѣстенъ и пользуется меньшимъ распространеніемъ, то я и ограничусь однимъ этимъ заявленіемъ. Прибавлю только, что появленіе гипнотическаго сна влѣдетвіе прегражденія доступа слуховымъ впечатлѣніямъ не представляетъ ничего страннаго. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: въ этомъ случаѣ, какъ и въ вышеописанныхъ, все сводится къ сосредоточенію вниманія на одномъ впечатлѣніи, къ утомленію чувства, играющаго выдающуюся роль въ душевной жизни. По Гайдентайну тотъ же результатъ достигается осязательными раздраженіями ¹⁾.

Явленія анестезіи и гиперестезіи въ области общаго чувства. До сихъ поръ мы занимались исключительно различными методами гипнотизаціи и умственными представленіями, возникающими у гипнотизированныхъ. Но, изслѣдуя гипнотизированныхъ, мы наблюдаемъ и другія явленія, представляющія не менѣшій интересъ. Мы изучимъ ихъ и постараемся—насколько это возможно въ такомъ трудномъ и малоизслѣдованномъ вопросѣ—дать фактамъ рациональное объясненіе. Такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ явленій, напр. гиперестезія въ области общаго чувства, тетаническое сокращеніе мышцъ, сами по себѣ не стоятъ въ непосредственной связи съ занимающимъ насъ предметомъ, то мы и не будемъ останавливаться на нихъ подробно. Обстоятельнѣе мы разберемъ явленія внушенія, пользуясь преимущественно фактами, которые приводятся Брэдомъ ²⁾ и Азамомъ ³⁾.

¹⁾ Chambard. *L'Encéphale*, 1881, p. 236.

²⁾ Braid. *Neurypnologie, traité du sommeil nerveux*, trad. par J. Simon.

³⁾ Azam. *Hypnotisme, double conscience etc.* Paris 1887.

Просматривая различныя сочиненія по гипнотизму, мы находимъ, что у однихъ гипнотизированныхъ замѣчается анестезія, у другихъ—гиперестезія въ области общаго чувства. Въ опытахъ, производившихся Демаркэ и Жиро-Телономъ въ муниципальной больницѣ, общая гиперестезія наблюдалась всего одинъ разъ. Азамъ, не отмѣчая количественнаго отношенія случаевъ анестезіи у гипнотизированныхъ къ случаямъ гиперестезіи, говоритъ, что часто наблюдать первую. Въ случаѣ, описанномъ докторомъ Герино въ Пуатье, болевая чувствительность была подавлена, тогда какъ тактильная была сохранена. Аналгезія (невосприимчивость къ болевымъ раздраженіямъ) была настолько сильна, что, когда раненному отрѣзали ногу, онъ заявлялъ, что находится въ раю, хотя съ точностью могъ указать моментъ, когда былъ произведенъ разрѣзъ мягкихъ тканей. Точно также при операціи, произведенной Брока и Фолленомъ, больная, женщина сорока лѣтъ, не ощущала ни малѣйшей боли. Я не буду останавливаться на этихъ наблюденіяхъ, общеизвѣстныхъ и вызвавшихъ въ хирургическомъ мірѣ надежды, которымъ не суждено было оправдаться. Прибавлю однакоже, что въ случаяхъ, приводимыхъ Демаркэ и Жиро-Телономъ, у многихъ больныхъ, страдавшихъ различными болѣзнями, боли проходили благодаря гипнотизаціи.

Если гипнотизація часто влечетъ за собой анестезію различныхъ степеней, то съ другой стороны она нерѣдко вызываетъ гиперестезію. Въ вышеупомянутыхъ опытахъ, производившихся въ муниципальной лечебницѣ, у одной больной наблюдалась сильно выраженная общая гиперестезія. У одной дѣвушки, усыпленной докторомъ Азамомъ, наблюдалось тоже явленіе въ очень высокой степени. Кромѣ того, здѣсь наблюдалась гиперестезія въ области мышечнаго чувства, и Азамъ пользуется ею для объясненія крайне сложныхъ дѣйствій, исполнявшихся дѣвушкой въ состояніи гипноза, тогда какъ по нашему мнѣнію правильнѣе объяснять ихъ съ той точки зрѣнія, которую мы изложили въ главѣ объ естественномъ сомнамбулизмѣ. У больной, о которой говоритъ Азамъ, наблюдалась также замѣчательная гиперэ-

стезія температурнаго чувства. Она ощущала теплоту обнаженной руки, помѣщенной за ея спиной на разстояніи 40 сантиметровъ; ощущение холоднаго предмета при тѣхъ же условіяхъ воспринималось ею съ одинаковой ясностью.

Гиперэстезія нѣкоторыхъ чувствъ. Воспріятіе зрительныхъ впечатлѣній въ гипнотическомъ состояніи обыкновенно отсутствуетъ. Что касается до другихъ высшихъ чувствъ, то здѣсь часто обнаруживается пониженіе воспримчивости къ виѣшнимъ впечатлѣніямъ. Это доказывается почти полнымъ отсутствіемъ реакціи у больныхъ Демаркэ и Жиро-Телона, которымъ давали нюхать амміачные растворы или же смачивали этими растворами губы и языкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако же наблюдается повышеніе воспримчивости этихъ чувствъ. Нѣкоторые лица въ состояніи гипноза воспринимаютъ такіа обонятельныя раздраженія, какихъ не замѣчаетъ никто. Иногда достаточно задолго передъ тѣмъ прикоснуться къ какому нибудь пахучему предмету, чтобы гипнотизированный замѣтилъ это и опредѣлить запахъ.

Наибольшую остроту пріобрѣтаетъ въ состояніи гипноза, безспорно, слухъ. Всѣ наблюдатели согласны въ этомъ отношеніи. Одна больная въ муниципальной лечебницѣ отчетливо слышала слова, произносимыя слабымъ шопотомъ у ея ногъ, тогда какъ окружающіе несмотря на всѣ свои усилія ничего не слышали. Дѣвушка, о которой сообщаетъ Азамъ, слышала разговоръ, происходившій этажомъ ниже, различала тиканіе часовъ на разстояніи двадцати пяти футовъ. Гиперэстезія слуха не всегда бываетъ выражена такъ рѣзко, но наблюдается постоянно и притомъ въ значительной степени. Демаркэ и Жиро-Телонъ ¹⁾ не безъ основанія объясняютъ этой гиперэстезіей слуха тѣ случаи внушенія, которые иногда приписываются вліянію воли гипнотизера, — власти, которую онъ получаетъ надъ гипнотизируемымъ субъектомъ. Но, объясняя сохраненіемъ нормальной восприм-

¹⁾ Demarquay et Giraud-Teulon. *Recherches sur l'hypnotisme ou sommeil nerveux.* Paris 1860.

чивости или даже гиперэстезіей ея нѣкоторые случаи внушенія, эти авторы не придаютъ внушенію того значенія, какимъ оно обладаетъ въ дѣйствительности. Все сводится по ихъ мнѣнію къ приказу, произносимому вполголоса и произвольно исполняемому гипнотизированнымъ. Они не допускаютъ даже возможности внушенія посредствомъ извѣстныхъ позъ, что однако же наблюдается несомнѣнно и вполне объяснимо съ физиологической точки зрѣнія.

Каталептическое состояніе. Внушеніе помощью позъ. Извѣстно, что каталептическія явленія нерѣдко наблюдаются въ гипнотическомъ состояніи, и что при каталепсии больные въ теченіи долгаго времени сохраняютъ приданное имъ положеніе. Изучая эти явленія, Брэдъ замѣтилъ, что извѣстныя позы, приданныя гипнотизированнымъ субъектамъ, вызывали у нихъ во время каталептическаго періода душевныя состоянія, выражаемыя въ нормальныхъ условіяхъ этими позами. Такъ, придавая имъ молитвенную позу, онъ вызывалъ у нихъ эмоціи религіознаго характера; когда онъ заставлялъ ихъ протянуть руку и сжать ее въ кулакъ и слегка наклонять имъ голову впередъ, лицо ихъ принимало угрожающее выраженіе, а вслѣдъ затѣмъ они съ яростью бросались на воображаемыхъ противниковъ ¹⁾. Когда Азамъ сложилъ у г-жи X. руки такъ, какъ ихъ складываютъ при молитвѣ, и оставилъ ее на нѣкоторое время въ этомъ положеніи, дѣвушка отвѣтила на обращенный къ ней вопросъ, что она молится и присутствуетъ при религіозной церемоніи. „Когда ея голову наклоняли впередъ и складывали руки, ею овладѣвало чувство смиренія, сознаніе собственнаго ничтожества; когда голова была поднята высоко — у нея являлось гордое чувство. Эти опыты были повторены множество разъ на различныхъ лицахъ и приводили обыкновенно къ одному и тому же результату ²⁾“.

¹⁾ J. P. Philips. *Cours théorique et pratique de Braidisme ou hypnotisme.* Paris 1860.

²⁾ Azam, *Archives de médecine*, Janvier 1860. См. также сочиненіе того же автора: *L'Hypnotisme, la double conscience etc.* Paris 1887.

Если остановиться на приведенных фактах, они покажутся нам менее странными, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Между умственными образами, выражающими ихъ символическими образами, и движеніями, служащими для внѣшняго проявленія этихъ образовъ и символовъ, существуетъ столь тѣсная связь, что къ какому бы звену изъ образуемой ими цѣпи мы не прикоснулись, на это прикосновеніе немедленно отвѣтятъ все прочія звенья. Умственный образъ обыкновенно вызываетъ появленіе символическаго образа, а послѣдній влечетъ за собой движенія голосовыхъ мышцъ, но явленіе можетъ протекать и въ обратномъ направленіи: когда мы произносимъ даже не слово, а хотя бы одинъ изъ составляющихъ его слоговъ, остальные слоги являются сами собой, и въ тоже время возникаетъ умственное образное представленіе. То, что наблюдается въ области рѣчи, справедливо и для игры физиономіи и жестовъ, представляющихъ иной видъ выраженія мысли, языкъ особаго рода. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ обстоятельстве, что извѣстныя спеціальныя позы вызываютъ опредѣленные умственные образы; опытъ только подтверждаетъ то, что можно было предвидѣть на основаніи теоріи.

Внушеніе посредствомъ словъ. Относясь къ явленіямъ внушенія посредствомъ словъ во время гипнотическаго сна со всей осторожностью, необходимой въ научномъ изслѣдованіи, мы не находимъ однакоже и здѣсь ничего такого, что могло бы насъ заставить отвергнуть относящіяся сюда и описанные въ литературѣ факты. Самый интересный, наблюдаемый здѣсь, фактъ состоитъ въ томъ, что усыпленному субъекту внушаютъ убѣжденіе, будто тотъ или другой предметъ, вызывающій у него чувственыя впечатлѣнія, представляетъ нѣчто совершенно иное, что та или другая часть его тѣла подверглась опредѣленнымъ измѣненіямъ. „Я вытягиваю у m-lle X. руки, говоритъ Филипсъ и говорю ей, что онѣ приобрѣли ригидность желѣза, что онѣ стали также нечувствительны, какъ ручки кресла. Сказанное мною осуществляется въ дѣйствительности. Гг. Се-

ригъ и Легуэ и многіе изъ ихъ присутствующихъ коллегъ убѣждаются въ полной нечувствительности дѣвушки къ самымъ глубокимъ уколамъ въ теченіи четверти часа; уколы были настолько глубоки, что слѣды ихъ сохранились по прошествіи долгаго времени. Другой опытъ относился къ вкусовымъ впечатлѣніямъ. Я подаю m-lle X. стаканъ чистой воды съ маленькой ложечкой и говорю: „вотъ вамъ фиштакковое мороженое“. Она беретъ стаканъ, смотритъ и заявляетъ, что видитъ чистую воду. Я дѣлаю видъ, будто возвращаю стаканъ обратно, но минуту спустя подаю его гипнотизированной со словами: „такъ вотъ же вамъ ванильное мороженое; оно, надѣюсь, будетъ вамъ по вкусу“. На этотъ разъ иллюзія въ области зрѣнія и мышечнаго чувства была достигнута. Дѣвушка взяла ложечку и опустила ее въ стаканъ съ тѣмъ легкимъ усиленіемъ и полукруговымъ движеніемъ руки, съ какимъ гастрономы снимаютъ верхушку мороженаго. Иллюзія вкусовая однакоже не получилась, m-lle X. жалуется, что мороженое — плохо приготовлено“.

Я повторяю, какъ ни осторожно должны мы относиться къ фактамъ этого рода, въ нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, ничего такого, что не могло бы быть объяснено на основаніи того, что мы знаемъ изъ патологіи души. Въ сущности гипнозъ это — сонъ, а мы знаемъ, что во время сна подъ влияніемъ слуховыхъ впечатлѣній возникаютъ умственные образы, когда, напр. эти впечатлѣнія состоятъ изъ словъ, сказанныхъ на ухо спящему. Какъ помнитъ читатель,¹⁾ Рейль сообщаетъ, что одна особа видѣла во снѣ все, что ей говорили на ухо, а Мори рассказываетъ, что когда однажды братъ сказалъ ему на ухо во время сна: *возьми спичку*, онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ искалъ спичекъ. Но образы сонныхъ грезъ и галлюцинаторныя образы — явленія одного и того же рода или, вѣрнѣе, одно и то же явленіе. Поэтому галлюцинаторное состояніе можетъ быть

¹⁾ Глава вторая настоящаго сочиненія.

вызвано слуховымъ впечатлѣніемъ, т. е. можетъ случиться— какъ я говорилъ въ теоріи зрительной галлюцинаціи, — что чувства при дѣйстви на нихъ извѣстныхъ вліяній придуть въ такое же физиологическое состояніе, какъ при реальномъ воспріятіи. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ обстоятельстве, что дѣвушка, усыпленная Филипомъ, приняла воду за вещество болѣе плотной консистенціи и получила чувственное впечатлѣніе, соответствующее вкусовому галлюцинаторному образу, вызванному у нея умѣ.

Что касается до ригидности, которую представляли руки m-lle X., то мы полагаемъ, что это явленіе должно быть объясняемо иначе. Въ самомъ дѣлѣ, Филипъ совѣтуетъ разминать конечность, которой желаетъ придать ригидность, чтобы показать гипнотизируемому субъекту, что онъ ничего не чувствуетъ. Но извѣстно, что при нѣкоторыхъ гипнотическихъ состояніяхъ наступаютъ мышечныя контрактуры отъ простыхъ механическихъ раздраженій. По Шарко онѣ возникаютъ въ летаргическомъ періодѣ при механическомъ раздраженіи сухожилія, самой мышцы или иннервирующаго ее нерва, въ сомнамбулическомъ періодѣ— отъ слабыхъ раздраженій кожи у истеричныхъ женщинъ, гипнотизированныхъ обычнымъ способомъ. Въ виду этого можно думать, что въ первомъ опытѣ Филипа мы имѣемъ дѣло не съ внушеніемъ, что ригидность руки, напоминающая по словамъ этого автора плотность желѣзной полосы, обусловлена особымъ состояніемъ нервной системы, свойственнымъ летаргическому и сомнамбулическому періодамъ гипнотического сна, причѣмъ всякое чувственное впечатлѣніе вызываетъ по рефлексу крайне интенсивныя мышечныя сокращенія. Впрочемъ, уже до работъ Шарко, установившихъ различіе между явленіями, наблюдаемыми въ каталептическомъ и сомнамбулическомъ стадіяхъ гипноза, было замѣчено, что мышечныя контрактуры легко вызываются разминаніемъ мышцъ у гипнотизированныхъ и что легкое поглаживаніе вызываетъ почти моментально расслабленіе сокращенныхъ мышцъ. У Филипа и Азама мы находимъ

множество фактовъ, не оставляющихъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Выше мы видѣли, что гипнотизація не проходитъ безслѣдно для подвергающихся ей животныхъ. Можно думать, что она не безвредна и для человѣка. Въ послѣднее время противъ этого мнѣнія часто протестовали, но изъ фактовъ, приводимыхъ Демаркэ и Жиро-Телономъ видно, что слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ при примѣненіи гипноза, представляющаго неудобства и опасности разнаго рода. Одна дама, усыпленная названными авторами, во время гипнотического сна стала передавать факты, до такой степени компрометирующіе ее, что экспериментаторы поспѣшили ее разбудить. Другая дама, изъ любопытства просившая усыпить ее, потеряла на время всякую восприимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и была два дня больна отъ „этого маленькаго фантастическаго опыта“.

ГЛАВА XIII.

Иллюзии.

Существует, какъ известно, два вида иллюзій: иллюзій чисто-физиологическія и иллюзій, часто наблюдаемыя при душевныхъ болѣзняхъ. Мы будемъ здѣсь говорить объ этой второй категоріи обмановъ чувствъ, но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ иллюзій физиологической.

Физиологическая иллюзія. Въ физиологической иллюзій мы не всегда имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ. Для нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ чувствъ необходимо различать два вида физиологической иллюзій—*иллюзію непреодолимую* и *иллюзію, зависящую отъ сосредоточенія мысли* на извѣстномъ вопросѣ.

Я называю *непреодолимой иллюзіей* такое ложно-ощущеніе, при которомъ мы не можемъ видѣть вызывающій иллюзію предметъ инымъ, чѣмъ мы его видимъ, хотя разсудокъ и говоритъ намъ, что наше представленіе о немъ ошибочно.

Всякому случалось испытывать иллюзій этого рода. Сюда относится разница въ величинѣ луны на горизонтѣ и въ зенитѣ, свообразный видъ неба и т. д. Я упоминаю только объ этихъ примѣрахъ и останавлиюсь подробнѣе на одномъ менѣе извѣстномъ ложно-ощущеніи. Въ воздухоплаватели говорятъ, что на извѣстной высотѣ поверхность земли пред-

ставляется имъ не выпуклой, какъ можно было бы думать а-ргіогі на основаніи формы земной поверхности, а вогнутой. Иллюзія получается полная и ничѣмъ не удастся ее устранить. Объясняется это ложно-ощущеніе очень просто, хотя оно и абсолютно-непреодолимо. Воздухоплаватель, находящаяся на отвѣсной линіи прямо подъ нимъ точка земной поверхности и горизонтъ образуютъ прямоугольный треугольникъ, гипотенузу котораго составляетъ лучъ зрѣнія воздухоплавателя, а основаніе—линія, идущая отъ указанной выше точки земной поверхности къ горизонту. Такъ какъ высота, на которой находится воздухоплаватель, крайне ничтожна по сравненію съ пространствомъ, открывающимся его взорамъ, то гипотенуза и основаніе треугольника оказываются почти параллельными линіями, т. е. онъ видитъ точку горизонта постоянно на томъ же уровнѣ, на какомъ находится самъ. А такъ какъ разстояніе отъ земли, оставаясь ничтожнымъ сравнительно съ обѣими другими линіями, въ сущности очень велико, то воздухоплавателю, когда онъ смотритъ внизъ, находящаяся подъ нимъ точка земной поверхности кажется расположенной неизмѣримо глубоко по сравненію съ точкой горизонта, которую онъ видитъ на томъ уровнѣ, на какомъ находится самъ. Велѣдствіе этого земная поверхность представляется ему вогнутой.

Слухъ также подверженъ извѣстнымъ иллюзіямъ, которыхъ не въ силахъ преодолѣть разсудокъ, хотя мы и знаемъ, что ошибаемся. Особенно часты у насъ ошибки относительно интенсивности и направленія звуковъ, на чемъ и основано въ значительной степени искусство чревовѣщанія. Обстановка, въ которой находится чревовѣщатель, и его мимика содѣйствуютъ до нѣкоторой степени появленію иллюзій. Этихъ примѣровъ достаточно для характеристики ложно-ощущеній, о которыхъ мы теперь говоримъ.

Существуетъ, какъ я выше сказалъ, и другой видъ физиологическихъ иллюзій—иллюзій, возникающія велѣдствіе сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ. При этомъ сильно занимающая насъ мысль, настроеніе, вызванное чте-

ніемъ, поразившимъ насъ предметомъ, своеобразной внѣшней обстановкой, напр. развалинами, ночью, лѣсомъ—заставляютъ насъ видѣть окружающіе предметы при извѣстныхъ условіяхъ иными, чѣмъ они представляются намъ въ другихъ случаяхъ. Всѣмъ случалось испытывать такіа ложно-ощущенія и видѣть при тѣхъ или другихъ условіяхъ фантастическіе предметы, принимавшіе при болѣе тщательномъ изслѣдованіи свой истинный видъ. Приведу два типическихъ примѣра этого вида иллюзій.

Спустя немного времени послѣ смерти лорда Байрона, Вальтеръ-Скоттъ, близко знавшій покойнаго поэта, читалъ однажды осенью во время сумерекъ его біографію, въ которой были мѣста, относившіяся лично къ нему и другимъ друзьямъ покойнаго. Зала, въ которой читалъ романистъ, выходила въ прихожую, фантастически убранную гербами, шкурами дикихъ звѣрей и т. д. Оставивъ на минуту книгу и выйдя въ прихожую, полусвѣщенную мѣсяцемъ, Вальтеръ-Скоттъ увидѣлъ передъ собой образъ покойнаго друга. Не сомнѣваясь, что это—иллюзія, Вальтеръ-Скоттъ былъ только пораженъ замѣчательнымъ сходствомъ призрака и направился къ нему. Призракъ все блѣднѣлъ по мѣрѣ его приближенія и наконецъ исчезъ. Тогда только Вальтеръ-Скоттъ увидѣлъ, изъ чего онъ состоялъ; это былъ большой щитъ, увѣшанный сюртуками, шалями, плѣдами и другими предметами—обычными принадлежностями дачной обстановки.

Другой примѣръ мы заимствуемъ у Ферріара. Одинъ джентльменъ, путешествовавшій по Шотландіи, зашелъ переночевать въ уединенную хижину. Хозяйка повела его въ комнату и смущенно проговорила, что онъ вѣроятно самъ замѣчаетъ, что въ окошкѣ что-то неладно. Подойдя къ окну, джентльменъ дѣйствительно замѣтилъ, что стѣна въ одномъ мѣстѣ проломана для увеличенія размѣровъ окна. На вопросъ его хозяйка отвѣтила, что нѣсколько времени тому назадъ въ комнатѣ жилъ разнощикъ, окончившій жизнь самоубійствомъ: однажды утромъ его нашли повѣсившимся. Такъ какъ по мѣстнымъ обычаямъ нельзя было вынести покойника въ дверь, то пришлось проломать стѣну, чтобы

расширить окно. Хозяйка пробормотала, что съ тѣхъ поръ духъ несчастнаго часто навѣщаетъ комнату. „Мой пріятель, продолжаетъ Ферріаръ, приготовилъ оружіе и легъ спать, нѣсколько встревоженный. Онъ видѣлъ страшный сонъ и, проснувшись полумертвымъ отъ страха, нашелъ себя сидящимъ на кровати съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ. Оглянувшись кругомъ, онъ замѣтилъ при лунномъ свѣтѣ у окна прямо противъ себя человѣческую фигуру, окутанную въ саванъ. Послѣ многихъ колебаній онъ рѣшился подойти къ призраку, все черты лица котораго и одѣяніе онъ ясно различалъ. Онъ провелъ по немъ руками, ничего не ощущалъ и бросился назадъ на кровать. Спустя нѣкоторое время онъ рѣшился еще разъ изслѣдовать, въ чемъ дѣло, и убѣдился, что напугавшее его видѣніе было дѣломъ лучей мѣсяца, образовавшихъ на стѣнѣ длинное свѣтлое пятно, которому его воображеніе подъ впечатлѣніемъ видѣннаго имъ сна придало видъ покойника“.

Физиологическія иллюзіи въ области слуха подъ влияніемъ сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ, встрѣчаясь, можетъ быть, рѣже зрительныхъ, представляютъ тѣмъ не менѣе довольно обыкновенное явленіе. Вѣроятно всякому при извѣстныхъ обстоятельствахъ случалось слышать свое имя произнесеннымъ вѣдухъ—напримѣръ во время разговора, который по мнѣнію слушающаго идетъ о немъ—тогда какъ никто его не произносилъ. Точно также въ извѣстныя эпохи подъ влияніемъ суевѣрныхъ представленій наблюдались повальные иллюзіи, охватывавшія цѣлыя мѣстности. Въ тѣ времена, когда еще была распространена вѣра въ гномовъ, фей, эльфовъ, обитатели цѣлыхъ странъ слышали во время бури шумъ, производимый полетомъ воздушныхъ духовъ.

Напомнимъ еще о склонности приписывать извѣстнымъ блюдамъ опредѣленный запахъ или вкусъ, когда мы убѣждены, что этотъ запахъ и вкусъ присущъ имъ.

Патологическія иллюзіи. При внимательномъ анализѣ патологическихъ ложно-ощущеній, такъ часто наблюдаемыхъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, легко убѣ-

дятся, что громадное большинство этих иллюзий обусловлено сосредоточением мысли на известном предмете. Вся разница в томъ, что это сосредоточение мысли представляетъ результатъ болѣзненнаго душевнаго настроенія. Вполнѣ подчиненный власти известныхъ идей, помѣшанный видитъ все окружающее въ ложномъ свѣтѣ.

Зрительныя иллюзіи. Справедливость выказаннаго положенія доказывается между прочимъ тѣмъ, что иллюзіи душевно-больныхъ видоизмѣняются въ зависимости отъ характера бредовыхъ идей, что одинъ и тотъ же больной испытываетъ различныя иллюзіи въ разные періоды своей болѣзни. Тогда какъ больные, страдающіе меланхоліей съ оцѣпенѣлостью, принимаютъ окружающихъ за страшныя существа, чудовища и палачей, маниакъ признаетъ всѣхъ ихъ родственниками и друзьями. Страдающій бредомъ величія будетъ считать однихъ изъ окружающихъ его лицъ важными и могущественными сановниками, достойными его общества, другихъ—слабыми существами, внушающими ему жалость и состраданіе. Страдающій бредомъ преслѣдованія будетъ видѣть вокругъ себя однихъ шпионовъ, враговъ и сыщиковъ. Если нѣкоторые изъ окружающихъ больного кажутся ему старыми знакомыми, то онъ видитъ подѣ влияніемъ своего болѣзненнаго душевнаго настроенія хорошо знакомыя ему черты лица. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *помѣшанный ложно видитъ, благодаря своему ложному убѣжденію*, т. е. лицу, которое онъ принимаетъ за того или другого человѣка, онъ придаетъ черты лица этого человѣка, хотя зрительное воспріятіе совершается правильно: въ этомъ и состоитъ иллюзія.

Я могъ бы привести множество примѣровъ иллюзій маниаковъ или лицъ, страдающихъ бредомъ преслѣдованія, у которыхъ ложно-ощущенія носятъ болѣе устойчивый, болѣе закоренѣлый—если можно такъ выразиться—характеръ. Ограничусь примѣромъ одной больной, которая послѣдовательно страдала бредовыми идеями двоякаго рода; при этомъ каждый изъ періодовъ болѣзни характеризовался иными ложно-ощущеніями, соответствовавшими характеру бредовыхъ

идей и представлявшими тѣ черты, которыя я отмѣтилъ выше, какъ специально свойственные этимъ болѣзненнымъ состояніямъ.

Г-жа X. поступила въ психіатрическое заведеніе съ явственно выраженными симптомами меланхоліи съ отупѣніемъ. Грустная, сосредоточенная, не отвѣчавшая ни на какіе вопросы, больная эта, какъ она рассказала впоследствии, страдала обманами чувствъ въ сильной степени. Сидѣлки наводили на нее ужасъ: она принимала ихъ за пероидѣтыхъ мужчинъ, за бѣлыхъ улановъ. Иллюзія была полная и длилась все время, пока существовали бредовыя идеи угнетающаго характера. Впоследствии, какъ это часто бываетъ, болѣзненное состояніе видоизмѣнилось: отупѣніе смѣнилось крайнимъ маниакальнымъ возбужденіемъ. Обманы чувствъ бывали у г-жи X. и въ этомъ состояніи, но это были иллюзіи мимолетныя, измѣнчивыя, и характеръ навязчивости выраженъ былъ въ нихъ слабѣе. Больная недовѣрчиво относилась къ своимъ впечатлѣніямъ и подчинялась ложно-ощущенію только послѣ цѣлаго ряда колебаній. Любопытно, что иллюзіи г-жи X. видоизмѣнялись въ зависимости отъ ея настроенія. Когда она бывала весела, то расположена была считать окружающихъ своими друзьями и родственниками; когда, наоборотъ, она бывала въ мрачномъ настроеніи, то принимала ихъ за самыхъ антипатичныхъ изъ числа своихъ прежнихъ знакомыхъ, за людей, обвиняемыхъ въ гнусныхъ преступленіяхъ, за знаменитыхъ злодѣевъ. Не удивительно ли, что иллюзія, носившая въ періодъ меланхоліи такой неизмѣнно-угнетающій характеръ, приняла столь измѣнчивый видъ въ періодъ маниакальнаго возбужденія? И однакоже, если мы присмотримся къ дѣлу поближе, то найдемъ этотъ фактъ вполнѣ естественнымъ. При меланхоліи съ отупѣніемъ у больныхъ всегда наблюдается одно и тоже подавленное душевное состояніе, тогда какъ на маниака дѣйствуютъ, что ни минута, то другія впечатлѣнія, другіе импульсы, и возникающія подѣ ихъ влияніемъ различныя душевныя настроенія заставляютъ ихъ въ разные моменты смотрѣть на вещи различно.

Въ описанномъ случаѣ больная нѣкоторое время сомнѣвалась въ реальности воспринятаго ею впечатлѣнія, но въ концѣ концовъ все таки поддавалась иллюзіи, т. е. видѣла то или другое лицо съ совершенно иными чертами, не принадлежащими ему въ дѣйствительности, и это ложно-ощущеніе обуславливалось исключительно болѣзненнымъ душевнымъ настроеніемъ. Другіе больные, принимая тѣхъ или другихъ людей за совершенно иныхъ, видятъ однакоже ихъ дѣйствительныя черты лица и не вводятся въ заблужденіе воображаемымъ наружнымъ сходствомъ.

Одна дама, съ которою я давно знакомъ, представляла замѣчательный примѣръ иллюзіи такого рода, если можно назвать иллюзіей явленіе, которое я сейчасъ опишу. Больная эта, очень интеллигентная и умная женщина, страдала систематизированнымъ бредомъ; у нея было много иллюзій, между прочимъ зрительныхъ. Она воображала, что давно знакома съ окружавшими ее лицами и—что далеко не льстило самолюбію ея товарокъ—знала ихъ раньше жалкими, въ лучшемъ случаѣ внушающими состраданіе, болшею же частью презрѣнными существами. Когда ее спрашивали, знаетъ ли она даму, сейчасъ только поступившую въ заведеніе, она отвѣчала утвердительно и заявляла, что видѣла ее при тѣхъ или иныхъ компрометирующихъ ее обстоятельствахъ. Все это она заявляла съ полной увѣренностью въ справедливости своихъ словъ, но ее крайне изумляло то обстоятельство, что у ея мнимой знакомой оказывались не тѣ черты лица, которыя она видѣла раньше. Впрочемъ, это нисколько не смущало г-жу X. Она объясняла различіе во внѣшности тѣмъ, что нѣкоторые люди умѣютъ придавать себѣ черты лица другихъ людей, что и было сдѣлано вновь поступившей.

Такимъ образомъ, больная хорошо видитъ, что ея товарка по несчастью, изображенная ею въ крайне невыгодномъ свѣтѣ, совершенно непохожа на то лицо, за которое она ее приняла. Она прибѣгаетъ къ различнымъ уловкамъ, чтобы объяснить это несходство. Имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ иллюзіей? Да, если дѣло идетъ о результатѣ, о конеч-

номъ сужденіи; но это—не иллюзія воспріятія, такъ какъ больная видитъ вещи въ ихъ настоящемъ видѣ.

Есть еще одна категория иллюзій, зависящая не отъ сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ, а отъ того, что само чувство приноситъ сознанию извращенные образы. Такіе обманы чувствъ встрѣчаются рѣже вышеописанныхъ, и мы остановимся на нихъ тѣмъ охотнѣе, что обыкновенно ихъ не отличаютъ отъ иллюзій, обусловленныхъ бредовыми идеями.

Больные, страдающіе такими ложно-ощущеніями, видятъ встрѣчающихся имъ людей или самихъ себя въ увеличенномъ до необыкновенныхъ размѣровъ видѣ. Въ однихъ случаяхъ лицо, представляющееся благодаря иллюзіи въ увеличенномъ видѣ, сохраняетъ пропорціональность своихъ отдѣльныхъ частей. Въ другихъ оно обезображено и напоминаетъ каучуковыя куклы или тѣ изображенія, которыя можно видѣть въ шаровидныхъ садовыхъ металлическихъ зеркалахъ.

Одинъ больной, находившійся въ бронской лечебницѣ, въ начальномъ періодѣ болѣзни видѣлъ всехъ встрѣчныхъ съ искаженными описаннымъ образомъ чертами лица. Фотографическія карточки знаменитостей, выставляемыя обыкновенно въ витринахъ эстампныхъ магазиновъ, онъ принималъ за изображенія знакомыхъ портныхъ, мелочныхъ торговцевъ, рабочихъ; кромѣ того, все фізіономіи представлялись ему въ крайне обезображенномъ видѣ. Это искаженіе чертъ лица крайне изумляло его; передавая свои ощущенія, онъ заявлялъ, что никакъ не можетъ понять, съ какой стати выставляютъ портреты его пріятелей и сосѣдей въ витринахъ эстампныхъ магазиновъ. До болѣзни онъ часто встрѣчалъ одного калѣку, руки котораго во время ходьбы лежали на небольшихъ подпоркахъ отъ костылей; теперь же больной видѣлъ на ихъ мѣстѣ два конекскихъ сѣдла,—до такой степени увеличились ихъ размѣры. Испуганный всемъ, что онъ видѣлъ, больной, вернувшись домой, потребовалъ отъ жены, чтобъ его немедленно отвели въ лечебницу.

У другого больного, наблюдавшагося мной и страдавшаго горделивыми идеями бреда въ формѣ абсолютно-хронической, часто возникали различныя иллюзіи касательно его роста: то онъ казался себѣ великаномъ, то—карликомъ.

Какъ объяснить эти иллюзіи? Обманы чувствъ относились здѣсь не къ чертамъ лица, а къ размѣрамъ предмета, вѣрная оцѣнка которыхъ обыкновенно не представляетъ для насъ затрудненій. Есть много оснований думать, что въ приведенныхъ случаяхъ имѣло мѣсто органическое измѣненіе чувствующаго аппарата, а нѣкоторые аналогичные факты позволяютъ намъ составить себѣ понятіе о характерѣ этихъ измѣненій. Всякому вѣроятно случалось испытывать, что рука напримѣръ влѣдствіе неудобнаго положенія, приданнаго ей во время сна, имѣетъ, при чемъ у спящаго является представленіе о необычайномъ увеличеніи ея вѣса и объема. Можно думать, что влѣдствіе ненормальной, обусловленной болѣзнию, динамики мозга зрительный нервъ при нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ ставится въ сходныя условія. Конечно, это—только аналогія, но аналогія эта, думается мнѣ, можетъ уяснить происхожденіе тѣхъ ложно-ощущеній, о которыхъ мы говоримъ.

Иллюзіи слуха. Слуховыя ложно-ощущенія встрѣчаются при всѣхъ формахъ помѣшательства; какъ и при зрительныхъ иллюзіяхъ, характеръ ложно-ощущеній обуславливается содержаніемъ бредовыхъ идей, такъ какъ бредовая идея не только налагаетъ особый отпечатокъ на обманы чувствъ, но и прямо порождаетъ ихъ.

При иллюзіяхъ слуха часто наблюдается одна особенность, на которой стоитъ остановиться и которая можетъ уяснить многое въ вопросѣ о происхожденіи иллюзіи вообще. Всякое ложно-ощущеніе носитъ на себѣ отпечатокъ бредовыхъ идей, но рядомъ съ этимъ наблюдается нерѣдко вліяніе другого фактора, имѣющаго не меньшее значеніе—я говорю о возбужденномъ состояніи слухового аппарата.

Въ самомъ дѣлѣ, если разспросить на этотъ счетъ больныхъ, выздоровѣвшихъ послѣ остраго помѣшательства, они вамъ скажутъ, что во время болѣзни всякій шумъ раздра-

жалъ ихъ и казался имъ необыкновенно интенсивнымъ. Звуки ихъ собственнаго голоса производили на нихъ впечатлѣніе раскатовъ грома, самое тихое пѣніе раздражало ихъ не меньше барабаннаго боя, звонъ колокольчика вызывалъ у нихъ такое тягостное ощущеніе, какъ будто на нихъ дѣйствовали звуки варварскаго оркестра. Въ виду этого мы должны заключить, что гиперѣстезія слуха оказываетъ свою долю вліянія на возникновеніе ложно-ощущеній.

Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ разсматриваемое нами чувственное разстройство имѣетъ источникомъ исключительно болѣзненное душевное настроеніе.

Въ той формѣ помѣшательства, при которой изученіе иллюзіи представляетъ всего менѣе трудностей—при бредѣ преслѣдованія—различныя звуки, слышимые больнымъ, превращаются въ угрозы или оскорбленія. Приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ нѣсколько примѣровъ.

Одинъ больной, долго находившійся подъ моимъ наблюденіемъ и страдавшій бредомъ преслѣдованія съ галлюцинаціями и иллюзіями слуха, принималъ самыя незначительныя слова, произносимыя въ его присутствіи, за безпощадную критику его прежняго образа дѣйствій. Простого созвучія было достаточно, чтобы онъ принялъ достигавшія его слуха слова за оскорбительныя упреки, которые онъ расположенъ былъ слышать въ своемъ угнетенномъ душевномъ настроеніи. Ему слышались оскорбленія и укоры, соотвѣтствовавшіе содержанію его бредовыхъ идей, даже въ шелестѣ густой листвы вѣкового вяза, приходившей въ движеніе подъ вліяніемъ вѣтра.

Подобныя же иллюзіи испытываетъ другой больной, находящійся въ настоящее время у меня въ бронской лечебницѣ и страдающій горделивымъ бредомъ преслѣдованія, осложненнымъ эротическими идеями. Галлюцинаціями онъ не страдаетъ, за то у него часто наблюдаются иллюзіи слуха. Когда онъ ходитъ, звукъ каждаго шага превращается въ его воображеніи въ обидное и неприличное слово.

Если сосѣдъ его по дортуару во время сна тяжело дышетъ, то ритмъ его дыханія превращается для больного

въ рядъ двусмысленныхъ предложеній. Когда другой больной прогуливается рядомъ съ нимъ по тротуару двора, звукъ его шаговъ превращается въ воображеніи X. въ приказанія, распоряженія, предостереженія, оскорбительныя предложенія и такъ далѣе.

У другого больного, находившагося въ томъ же заведеніи, страдавшаго бредомъ преслѣдованія и въ настоящее время совершенно здороваго, наблюдались сходныя слуховыя ложно-ощущенія: звонъ колоколовъ, звуки оркестра превращались для него въ оскорбленія или несправедливые укоры.

„Экипажи, говорилъ одинъ больной, цитируемый Грингеромъ,—издаютъ страшный трескъ и рассказываютъ сказки и различныя исторіи; лай собакъ—сплошной рядъ оскорбленій и укоровъ. Тоже самое дѣлаютъ утки, гуси и куры: что ни крикъ—то имена, слова и разговоры. Когда кузнецъ дуетъ въ мѣхъ или ударяетъ молотомъ, получаютъ фразы, слова, рассказы. Всѣ лица, которыя ко мнѣ подходятъ, разговариваютъ со мной безъ своего вѣдома и часто говорятъ при этомъ самыя странныя и нелѣпыя вещи; тоже я слышу, когда кто нибудь поднимается по лѣстницѣ. Перо, которымъ я пишу, точно также произноситъ членораздѣльные звуки, слова и цѣлыя рѣчи“¹⁾.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы имѣемъ слуховыя ложно-ощущенія. Больные принимаютъ за обидныя рѣчи, большею частью одного и того же содержанія—самыя невинныя слова, представляющія крайне отдаленное сходство съ оскорбленіями, навязчиво преслѣдующими мысль больного, въ сущности же имѣющія совершенно иной, безобидный смыслъ. Мы имѣемъ дѣло съ обманомъ слуха и въ томъ случаѣ, когда шелестъ листьевъ принимается за слова, произносимыя невидимками, потѣхи ради устраивающими всякаго рода пакости больному. Наконецъ, когда страдающій бредомъ преслѣдованія въ скрипѣ пера, водимаго по бумагѣ, слышитъ произносимыя его врагами обидныя рѣчи,

¹⁾ Грингеръ, *Душевные болѣзни*, пер. подъ ред. Ф. В. Овсяникова.

когда другой больной слышитъ членораздѣльные звуки и слова въ шагахъ лица, поднимающагося по лѣстницѣ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы очевидно опять таки имѣемъ дѣло съ иллюзіями, зависящими отъ представленій, поглощающихъ вниманіе больного. Единственный источникъ этихъ ложно-ощущеній—болѣзненное душевное настроеніе.

Иллюзіи слуха у слабоумныхъ въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ зависятъ отъ иныхъ причинъ. Слабоумные часто ложно истолковываютъ слышимые ими звуки подъ вліяніемъ встрѣчающихся у нихъ бредовыхъ идей, въ большинствѣ случаевъ, однако же, иллюзія обуславливается низкимъ уровнемъ умственныхъ способностей и несовершенствомъ чувственныхъ аппаратовъ. Слѣдовательно, въ образованіи иллюзіи у слабоумныхъ участвуютъ различные моменты: сосредоточеніе мысли на извѣстныхъ вопросахъ подъ вліяніемъ бредовыхъ идей, представляющихъ въ однихъ случаяхъ остатокъ бреда, сопровождавшаго предшествующее помѣшательство, или же возникшихъ первично, какъ это имѣетъ мѣсто при старческомъ слабоуміи,—низкій уровень психической жизни и слабость чувственныхъ аппаратовъ. Такое взаимодействіе ряда причинъ, наблюдаемое при слуховыхъ иллюзіяхъ, встрѣчается и при обманахъ зрѣнія.

Одна больная, которую я зналъ, представляла прекрасный примѣръ такого взаимодействія моментовъ, порождающихъ обманы чувствъ при слабоуміи. Она принимала всѣхъ нравившихся ей людей за родственниковъ, всѣхъ сидѣлокъ заведенія за своихъ враговъ, за любовницъ ея мужа. Когда она слышала свистки локомотива, ей казалось, что ее зовутъ и что она обязана откликнуться на зовъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что это ложно-ощущеніе обуславливалось какъ ея слабоуміемъ, такъ и разстройствомъ слуха, потому что между именемъ больной и звуками парового свистка существовало нѣкоторое сходство. Здоровый человѣкъ конечно не впалъ бы въ подобную ошибку, но при слабости и извѣстной предубѣжденности ума такое смѣшеніе было возможно тѣмъ болѣе, что чувства, какъ было въ

данномъ случаѣ, не приносили сознанию вполне отчетливыхъ представлений.

Иллюзіи вкуса. Вкусовые ложно-ощущенія тоже часто встрѣчаются у помѣшанныхъ. Къ счастью они бываютъ обыкновенно непродолжительны — къ счастью потому, что обыкновенно иллюзіи этого рода побуждаютъ больныхъ отказываться отъ пищи. Въ большинствѣ случаевъ онѣ связаны съ желудочнымъ разстройствомъ, которое и порождаетъ вкусовые ложно-ощущенія: чувство горечи во рту, обусловленное разстройствомъ желудка, больные истолковываютъ согласно своимъ бредовымъ представленіямъ.

Не всегда впрочемъ иллюзіи вкуса имѣютъ такое происхожденіе. При бредѣ преслѣдованія напримѣръ, часто не удается открыть и слѣда желудочнаго разстройства, между тѣмъ какъ больныхъ упорно преслѣдуютъ вкусовые ложно-ощущенія. Одна больная, страдавшая горделивымъ бредомъ преслѣдованія, никогда не ѣла грушъ, такъ какъ была убѣждена, что это — куски тѣла ея дѣтей. Никакого желудочнаго разстройства у нея не было, и однакоже иллюзія была несомнѣнная, такъ какъ специальное ощущеніе вкуса груши она принимала за вкусовое ощущеніе, вызываемое мясомъ.

Можно ли относить къ иллюзіямъ тѣ случаи, когда больные мясо животныхъ принимаютъ за человѣческое мясо, что нерѣдко наблюдается при нѣкоторыхъ формахъ меланхолии? Рѣшить этотъ вопросъ довольно трудно; мнѣ кажется однакоже, что отвѣтить на него слѣдуетъ утвердительно: хотя больные и ощущаютъ вкусъ мяса, но къ этому ощущенію у нихъ примѣшивается особое вкусовое ощущеніе, заставляющее ихъ признать это мясо — человѣческимъ. Мы имѣемъ здѣсь слѣдовательно иллюзію и притомъ — точно также, какъ при другихъ обманахъ чувствъ, — эта иллюзія обусловлена особымъ душевнымъ настроеніемъ и въ свою очередь поддерживаетъ въ больномъ убѣжденіе въ справедливости его бредовыхъ идей.

Отъ того же сосредоточенія мысли на бредовыхъ представленіяхъ зависятъ вкусовые иллюзіи, возникающія при старческомъ слабоуміи. О пониженіи дѣятельности чувстви-

наго аппарата здѣсь едва ли можно говорить въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ чувство вкуса — самое стойкое изъ всѣхъ чувствъ и исчезаетъ у человѣка послѣднимъ. Источникомъ вкусовыхъ ложно-ощущеній при старческомъ слабоуміи я считаю бредъ преслѣдованія, часто сопровождающій это душевное разстройство. Слабый, легко поддающій всякимъ вліяніямъ слабоумный скоро приходитъ къ убѣжденію, что его преслѣдуютъ, отъ него хотятъ избавиться, его хотятъ отравить, и подъ вліяніемъ этого ложнаго убѣжденія несчастному больному кажется, что всѣ кушанья имѣютъ вкусъ мышьяка. Подъ моимъ наблюденіемъ долгое время находилась больная, представлявшая явленія этого рода. Она вѣчно преслѣдовала мужа жалобами и подозрѣніями. Когда на столъ подавали какое нибудь питье, она немедленно обращалась къ врачу съ просьбой произвести анализъ или жаловалась полиціи на злоумышленія старика-мужа, котораго обвиняла въ многочисленныхъ и невѣроятныхъ любовныхъ связяхъ.

Въ заключеніе замѣчу, что полученіе точныхъ вкусовыхъ воспріятій извѣстнаго рода возможно только при содѣйствіи другого чувства. Это чувство — обоняніе. Нѣкоторыя кушанья совсѣмъ перестаютъ намъ нравиться, когда обоняніе у насъ разстроено: всякому вѣроятно приходилось наблюдать, что при насморкѣ получаютъ извращенныя вкусовые впечатлѣнія, или же вкусовые впечатлѣнія совершенно отсутствуютъ. Можно поэтому думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вкусовые иллюзіи у душевно-больныхъ зависятъ отъ разстройства обонянія. Я помню одну помѣшанную, страдавшую хроническимъ насморкомъ и часто отказывавшуюся отъ пищи подъ предлогомъ, что подаваемая ей кушанья отравлены.

Иллюзіи обонянія. Болѣе рѣдкія, сравнительно съ предшествующей категоріей иллюзій, обонятельныя ложно-ощущенія по временамъ встрѣчаются у душевно-больныхъ. Онѣ наблюдаются большею частью при бредѣ преслѣдованія или слабоуміи, представляющемъ его исходъ, и обыкновенно ихъ

трудно бывает отличить отъ галлюцинацій въ области того же чувства.

Примѣромъ обонятельныхъ ложно-ощущеній можетъ служить слѣдующій случай. Одна больная, слабоумная, съ остатками бреда преслѣдованія, страдала давно уже органическимъ порокомъ сердца. Одышка заставляла ее искать свѣжаго воздуха, большею частью въ саду заведенія. Въ дурную погоду ее туда не пускали и удерживали въ гостиной. Сначала больная подчинялась этой мѣрѣ, вызванной необходимостью, но потомъ, когда воздухъ въ гостиной отъ дыханія большого числа присутствующихъ загрязнялся, слабоумная начинала жаловаться, что лица, сидящія въ гостиной, извергаютъ на нее жидкости и вещества отвратительнаго запаха и, несмотря на ненастье, ее иногда не удавалось удержать въ общей залѣ.

Иллюзии общаго чувства. Многіе больные, страдающіе разстройствами въ сферѣ общаго чувства истолковываютъ свои ложно-ощущенія въ духѣ своихъ бредовыхъ идей. Часто напримѣръ, вы услышите отъ больныхъ, что ихъ строгаютъ, пилятъ и т. д.

Одинъ больной, находящійся въ бронской лечебницѣ, испытываетъ иллюзии болѣе сложнаго свойства. Жестокія боли, зависящія отъ вывиха въ голеностопномъ сочлененіи, вызываютъ у него представленіе о мукахъ, причиняемыхъ ему „духами кожи“. Эти „духи кожи“, разгуливая по его ногѣ, причиняютъ ему жестокія страданія, и иногда онъ чувствуетъ, какъ главный изъ нихъ спускается по его спинѣ и разрѣшаетъ имъ потѣшаться надъ несчастнымъ, сколько вздумается. Другой помѣшанный, долгое время находившійся подъ моимъ наблюденіемъ, страдалъ довольно часто ревматизмомъ и приписывалъ испытываемыя имъ боли электрическимъ разрядамъ со стороны преслѣдующихъ его враговъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня была больная, которая подъ влияніемъ болей, сосредоточивавшихся въ мышцахъ и кожныхъ покровахъ, вообразила, что на спинѣ у нея сидитъ человѣкъ. Человѣкъ этотъ игралъ видную роль въ ея бредѣ, она называла его Магометомъ. Мы должны отнести

это ложно-ощущеніе къ числу иллюзій въ сферѣ мышечнаго чувства, такъ какъ только послѣднее вызываетъ у насъ представленіе о тяжести, а больная постоянно жаловалась, что врагъ, котораго она принуждена таскать на спинѣ, страшно тяжелъ.

Наблюдаются ли иллюзии въ сферѣ температурнаго чувства? Несомнѣнно. Въ бронской лечебницѣ мнѣ пришлось наблюдать больного, страдавшаго эритемой нижнихъ конечностей и часто жаловавшагося, что ему растираютъ ноги купоросомъ.

Другой рядъ относящихся сюда же фактовъ состоитъ не въ воспріятіи различныхъ впечатлѣній, ошибочно истолковываемыхъ вмѣшательствомъ воображаемаго агента, — а въ отсутствіи впечатлѣній, вызывающемъ иллюзію. Анестезія и аналгезія (потеря болеваго чувства) наблюдаются у помѣшанныхъ нерѣдко, и эти разстройства чувствительности часто порождаютъ у нихъ представленіе, будто у нихъ теперь другое тѣло, будто они умерли, будто та или другая часть ихъ тѣла исчезла. Всѣмъ извѣстна исторія рѣге Lambert, находившагося въ Шарантонѣ и считавшаго себя мертвымъ со дня Аустерлицкой битвы, въ которой онъ былъ тяжело раненъ. Когда его спрашивали о здоровьѣ, онъ отвѣчалъ: „рѣге Lambert умеръ; они сдѣлали машину немножко похожую на него, но она мнѣ не нравится; имъ бы слѣдовало сдѣлать для меня машину получше“. Кожная чувствительность была имъ совершенно утрачена. Эскироль разсказываетъ о женщинѣ, точно также утратившей кожную чувствительность и пребывавшей въ убѣжденіи, что тѣла у нея нѣтъ, что его унесъ чортъ. Наконецъ, Бульо¹⁾ разсказываетъ о субъектѣ, страдавшемъ геміанестезіей (потерей чувствительности на половинѣ тѣла) и говорившемъ, что онъ принужденъ таскать съ собой мертвеца.

Иллюзии, сосредоточивающіяся во внутреннихъ органахъ. Эти ложно-ощущенія, обусловленные обыкновенно орга-

¹⁾ Bouillaud. *Encéphalite*. Paris, 1825.

ническими страданіями, часто встрѣчаются при помѣшательствѣ съ бредовыми идеями угнетающаго характера, особенно при хроническомъ сумасшествіи. Приведу нѣсколько примѣровъ иллюзій этого рода, которыя могутъ быть, понятно, крайне разнообразны по содержанию. Во всѣхъ бредовыхъ представленіяхъ, вызываемыхъ страданіями внутреннихъ органовъ, есть одна преобладающая черта: больные воображаютъ, будто въ полости, заключающей въ себѣ больной органъ, сидитъ какое-то животное. Въ дижонской лечебницѣ я зналъ больную, страдавшую горделивымъ бредомъ преслѣдованія и умершую отъ рака желудка. Подъ вліяніемъ послѣдняго страданія она воображала, будто въ желудкѣ у нея сидитъ гложущая ее змѣя; она чувствовала движенія змѣи, и иллюзія эта длилась до самой смерти больной.

Фальре разсказываетъ, что одна сумасшедшая, страдавшая легочной чахоткой и аневризмой сердца, была убѣждена, что въ груди у нея сидитъ какое-то животное. Убѣжденіе это было настолько сильно, что однажды она сдѣлала попытку вскрыть грудь, чтобы вынуть это животное. Тотъ же авторъ сообщаетъ, что одинъ ипохондрикъ, у котораго часто являлось урчаніе въ животѣ, пришелъ къ убѣжденію, что въ животѣ у него сидятъ птицы, и боялся, какъ бы онѣ не улетѣли. Вуазенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ въ парижскомъ медицинскомъ обществѣ сообщеніе о больной, проглотившей вилку и полагавшей, что въ желудкѣ у нея сидитъ змѣя.

Я могъ бы привести множество наблюденій этого рода, накопившихся въ большомъ числѣ въ лѣтописяхъ помѣшательства. Считаю нужнымъ однакоже ограничиться вышеприведеннымъ.

Случаи, въ которыхъ больные воображаютъ, будто въ ихъ внутренностяхъ сидитъ какое-то животное, встрѣчаются всего чаще. Въ другихъ случаяхъ у больныхъ являются болѣе сложные и еще болѣе чудовищныя представленія. Я помню одну чахоточную, находившуюся въ блуасской лечебницѣ и жаловавшуюся на страшныя боли въ животѣ, зависѣвшія, какъ выяснилось впослѣдствіи, отъ высыпанія

бугорковъ на брыжжейкѣ. Она постоянно жаловалась, что кто-то катается у нея въ животѣ на кровати съ колесиками. Наконецъ веѣмъ психіатрамъ извѣстенъ описанный Эскиролемъ¹⁾ случай больной, находившейся въ Сальпетриерѣ, страдавшей жестокими болями подъ ложечкой и увѣрявшей, что у нея въ желудкѣ распинаютъ Спасителя на крестѣ.

На основаніи разсказовъ помѣшанныхъ, что у нихъ въ головѣ, груди или животѣ происходитъ то или другое невѣроятное явленіе, не всегда слѣдуетъ заключать, что больные эти испытываютъ иллюзіи. Нерѣдко можно наблюдать у помѣшанныхъ возникновеніе извѣстнаго бредоваго представленія, вызывающаго у нихъ идею о нахожденіи въ ихъ головѣ того или иного лица, хотя нѣтъ никакихъ болей или поврежденій, которыя могли бы дать поводъ къ возникновенію такой идеи. Я долго наблюдалъ двухъ больныхъ, представлявшихъ это явленіе: одинъ изъ нихъ былъ убѣжденъ, что въ головѣ у него сидитъ графъ Шамборъ, — другой увѣрялъ, что носить въ животѣ трехъ апостоловъ. Ни у того, ни у другого не наблюдалось болѣзненныхъ ощущеній въ головѣ или животѣ, на основаніи которыхъ можно было бы считать эти бредовыя идеи ложно-ощущеніями.

Изрѣдка можно наблюдать у больныхъ явленія, натуру которыхъ на первый взглядъ трудно опредѣлить и которыя при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказываются иллюзіями, возникающими особымъ образомъ. Въ видѣ иллюстраціи приведу слѣдующій случай, которымъ и закончу рѣчь о ложно-ощущеніяхъ. Одна больная въ убѣжищѣ св. Лазаря, если въ ея присутствіи разрѣзали какую нибудь матерію, жаловалась, что ее рѣжутъ, рвутъ на части и впадала при этомъ въ сильную ярость. Больная эта очевиднымъ образомъ страдала, когда рѣзали и рвали матерію въ ея присутствіи. Съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ этомъ случаѣ? По моему мнѣнію мы имѣемъ здѣсь дѣло съ иллюзіей рефлекторнаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что

¹⁾ Esquirol. *Maladies mentales*. Paris, 1838.

нѣкоторые звуки, производимые напримѣръ проведеніемъ руки по лакированной или воощеной поверхности, скрипъ ножа при разрѣзаніи извѣстныхъ предметовъ и т. д. вызываютъ у многихъ людей крайне непріятную дрожь. Звукъ отъ разрѣзанія матеріи вызывалъ по всей вѣроятности у нашей больной эту дрожь, которую она объясняла согласно своимъ бредовымъ идеямъ.

~~~~~

ГЛАВА XIV.

Искусственный рай.

Какъ извѣстно, существуетъ цѣлый рядъ веществъ, вызывающихъ галлюцинаторные образы. Въ древности жрецы и маги, не умѣя въ точности опредѣлить сущность явленія, знали однакоже, что при извѣстныхъ условіяхъ человѣкъ получаетъ воспріятія особаго характера. Знакомство съ этими состояніями сохранилось и въ средніе вѣка: въ книгахъ по колдовству мы находимъ указанія на приемы, къ которымъ прибѣгали посвященные, желая участвовать въ шабашѣ вѣдьмъ. Въ настоящее время изъ веществъ, вызывающихъ галлюцинаціи, наиболѣе извѣстныя—опій и гашишъ, употребленіе которыхъ очень распространено на востокѣ и начало было нѣсколько времени тому назадъ проникать и въ Европу. Мы изучимъ дѣйствіе этихъ двухъ снотворныхъ веществъ особенно подробно, а потомъ займемся галлюцинаціями, возникающими влѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками.

Опій. Въ небольшихъ приемахъ опій дѣйствуетъ слегка возбуждающимъ образомъ—мозгъ работаетъ живѣе, энергичнѣе, мысль становится свѣтлѣе. Въ большихъ приемахъ онъ влечетъ за собой тяжелый, нерѣдко мучительный сонъ съ грезами, которыя будутъ разсмотрѣны нами подробнѣе.

Въ качествѣ средства, вызывающаго видѣнія, опій въ

Европѣ употребляется рѣдко. За то на востокѣ, особенно въ Китаѣ, онъ пользуется громаднымъ распространѣніемъ и играетъ въ жизни восточныхъ народовъ ту же роль, какую водка и вино играютъ въ жизни европейцевъ—роль утѣшителя при жизненныхъ невзгодахъ, роль наслажденія, котораго, разъ отвѣдавши, страстно ищешь, несмотря на связанные съ этимъ лишеныя, и которое продолжаетъ оказывать дѣйствіе только при прогрессивномъ увеличеніи дозъ.

Злоупотребленіе опиѣемъ ведетъ по меньшей мѣрѣ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, что и злоупотребленіе алкоголемъ: субъектъ быстро худѣетъ, является сильное нервное разстройство и человекъ впадаетъ въ своеобразное состояніе оупѣнія, поражающее всѣхъ путешественниковъ, видѣвшихъ курильщиковъ опиѣя.

Видѣнія, вызываемыя опиѣемъ, носятъ въ однихъ случаяхъ радостный, въ другихъ тягостный, грустный, даже мрачный характеръ. Образы смѣняются съ чрезвычайной быстротой, отъ чего, по всей вѣроятности, и зависитъ чувство безконечнаго бытія, сопровождающее нѣкоторыя изъ этихъ видѣній. Эта быстрая смѣна впечатлѣній доставляетъ спящему удовольствіе даже тогда, когда въ содержаніи грезъ нѣтъ ничего радостнаго: фантазмагорія, измѣняющаяся каждую минуту и являющаяся передъ спящимъ безъ всякаго усилія съ его стороны, вызываетъ у галлюцинанта чувство удовлетвореннаго любопытства. Лица, случайно принимавшія опиѣя, легко припомнятъ факты, подтверждающіе это замѣчаніе. Здѣсь мы займемся эффектами привычнаго куренія опиѣя; не имѣя возможности сослаться на личный опытъ, я займусь анализомъ впечатлѣній, описанныхъ въ любопытномъ и остроумномъ сочиненіи англійскаго писателя, Томаса де-Квинси ¹⁾.

Жестокія и упорныя страданія заставили Квинси прибѣгнуть къ употребленію опиѣя сначала въ обыкновенныхъ дозахъ. Скоро онъ сталъ прогрессивно увеличивать ихъ и

¹⁾ T. de Quincey, *Confessions of an english opium-eater*. На французскій языкъ многіе отрывки мастерски переведены Боделэромъ, см. *Oeuvres de Baudelaire*, t. IV.

дошелъ наконецъ до громадныхъ приѣмовъ. Подъ влияніемъ опиѣя передъ нимъ проходилъ рядъ видѣній и галлюцинацій, составившихъ какъ бы цѣлую искусственную жизнь, съ которой насъ знакомитъ выдающійся писатель.

Видѣнія потребителя опиѣя. Сначала грезы, вызванныя употребленіемъ опиѣя, были, повидимому, пріятнаго характера; въ послѣдствіи онѣ приняли тягостный характеръ, стали необыкновенно интенсивны и навязчивы. Когда Квинси лежалъ въ кровати, но еще не спалъ, передъ его глазами проходили похоронныя шествія, громадныя зданія громоздились одно на другое безъ конца; затѣмъ наступалъ сонъ и галлюцинаторныя образы смѣнялись грандіозными видѣніями. Всякую ночь Квинси спускался въ бездонныя пропасти, откуда не было выхода. Пространство увеличивалось до безконечности, время исчезало, сливаясь съ вѣчностью. Давно минувшія событія изъ дѣтскихъ лѣтъ рисовались передъ нимъ въ такихъ живыхъ краскахъ, воспроизводились съ такою точностью и яркостью, что приводили его въ отчаяніе. Историческія сцены, съ которыми онъ познакомился изъ книгъ, сцены, относившіяся къ далекимъ временамъ, складывались на его глазахъ въ чудовищную драму.

„Въ молодости, говоритъ Квинси, я любилъ читать Тита-Ливія; это чтеніе было однимъ изъ величайшихъ моихъ наслажденій. Признаюсь, по содержанію и слогу онъ нравится мнѣ болѣе всѣхъ другихъ римскихъ историковъ. Два слова, такъ часто встрѣчающіяся у Тита-Ливія: *Consul Romanus*, особенно, когда консулъ является въ своемъ военномъ санѣ, казались мнѣ самымъ энергическимъ выраженіемъ величія римскаго народа, я ощущалъ всю грозную и торжественную ихъ звучность. Я хочу сказать, что слова: король, регентъ, султанъ и всѣ прочіе титулы, носимые людьми, воплощающими въ себѣ могущество великаго народа, никогда не внушали мнѣ такого уваженія.

„Хотя я—не особенный любитель историческихъ произведеній, однакоже я обстоятельно и критически ознакомился съ однимъ періодомъ англійской исторіи—съ эпохой

парламентскихъ войнъ. Меня влекло къ ней правдивное величіе лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ войнахъ; я читалъ съ наслажденіемъ многочисленныя интересныя мемуары, оставшіяся отъ этого смутнаго періода. Эти двѣ эпохи исторіи человѣчества, надъ которыми я часто размышлялъ, давали теперь пищу моимъ видѣніямъ. Мнѣ часто случалось видѣть, еще бодрствуя, толпу дамъ, балъ и танцы. Я слышалъ слова,—быть можетъ, я произносилъ ихъ самъ: „Это—жены и дѣти тѣхъ, которые собирались въ мирѣ, сидѣли за одними столами и были связаны другъ съ другомъ бракомъ и узами крови. И однакоже, послѣ одного дня въ августѣ 1642 года они никогда не улыбались другъ другу и встрѣчались только на полѣ сраженія. Въ Марстонъ-Мурѣ, Ньюбэри и Несби они разрубили окровавленными саблями узы любви, смыли кровью воспоминанія старинной дружбы“. Дамы танцовали и были также привлекательны, какъ дамы при дворѣ Георга IV. Между тѣмъ я зналъ даже во время этихъ грезъ, что все онѣ покоятся въ могилѣ болѣе двухъ столѣтій. Но всему этому торжеству суждено было мгновенно исчезнуть. Я услышалъ хлопаніе въ ладоши, затѣмъ раздались слова, звукъ которыхъ потрясъ мою душу: *Consul Romanus!*—и въ залу вошелъ, сметая все передъ собой, великолѣпный въ своей походной мантии, Павелъ Эмилий или Марій, окруженный своими центуріонами съ красной туникой на остриѣ копья, при оглушительномъ „ура“ римскихъ легионовъ.“

Одно время вода играла въ видѣніяхъ Квинси ту роль, которая раньше принадлежала историческимъ сценамъ: онѣ видѣлъ озера, громадныя бассейны стоячей воды, и эти картины сдѣлались преобладающимъ элементомъ въ его грезахъ. Воды не долго однакоже оставались тихими и спокойными, свѣтлыя озера превратились въ моря и океаны, и въ ихъ волнахъ стали мелькать человѣческія лица. „Я увидѣлъ море, говоритъ Квинси, устланное безчисленнымъ множествомъ головъ, обращенныхъ къ небу; яростныя, умоляющія, отчаянныя лица принялись танцовать по поверхности океана тысячами, мириадами, поколѣніями, вѣ-

ками; мое возбужденіе достигло необычайныхъ размѣровъ, а духъ мой носился и бушевалъ, какъ валы океана“.

Эти видѣнія смѣнились другими. Предъ глазами галлюцинанта проходили Китай, Индія съ ихъ странными животными, архитектурными памятниками, обрядами и легендами. Одинъ малаецъ, котораго Квинси видѣлъ незадолго передъ тѣмъ, сталъ обычнымъ гостемъ его грезъ и вводилъ его въ этотъ міръ, пугавшій его своею странностью: таинственная, сложная и чудовищная Азія, внушающая, по словамъ Квинси, такую тревогу обитателю запада, вызывала въ немъ страхъ и отвращеніе. Вотъ отрывокъ изъ этихъ видѣній:

„Предо мной проносились различныя твари: птицы, звѣри, гады, деревья и кустарники, обычаи и сцены, знакомыя путешественникамъ, посѣщавшимъ тропическія страны, и я на удачу помѣщалъ ихъ въ Китай или Индію. Египетъ съ его богами также вошелъ въ фантазмагорію моихъ грезъ. Обезьяны, попугаи и какаду пристально смотрѣли на меня, оглушали меня своими криками, корчили гримасы, насмѣшливо готали на мой счетъ. Я спасался отъ нихъ въ пагоды и проводилъ тамъ цѣлыя столѣтія, прикованный къ ихъ верхушкѣ или заключенный въ тайныхъ подземельяхъ. Я былъ идоломъ и жрецомъ, мнѣ поклонялись и приносили меня въ жертву. Я скрывался въ лѣса Азіи, убѣгая отъ гнѣва Браммы, Вишну меня ненавидѣлъ, Шива строилъ противъ меня ковы. Вдругъ я очутился у Озириса и Изиды, и мнѣ объявили, что я согрѣшилъ, совершивъ преступленіе, вызвавшее негодованіе ибиса и крокодила. Цѣлыя столѣтія я лежалъ погребеннымъ въ каменныхъ гробахъ съ муміями и сфинксами внутри узенькихъ келій въ глубинѣ вѣчныхъ пирамидъ. Я чувствовалъ на себѣ смертоносныя поцѣлуи крокодиловъ и лежалъ среди кучи отвратительныхъ слиззкихъ тварей въ илѣ среди нильскаго тростника. Крокодилъ внушалъ мнѣ особенный ужасъ, и однако же я принужденъ былъ жить съ нимъ, увя! (такъ всегда бывало въ моихъ видѣніяхъ), цѣлыя вѣка. Нѣсколько разъ я убѣгалъ и попадалъ въ китайскіе до-

мики со столиками изъ тростника. Ножки столовъ и дивановъ, казалось, жили, отвратительная голова крокодила съ маленькими косыми глазками глядѣла на меня отовсюду, изъ всѣхъ угловъ, появлялась въ безчисленныхъ копѣяхъ— и я оставался на мѣстѣ, словно пригвожденный, оцѣпенѣлый отъ ужаса“.

Въ приведенныхъ видѣніяхъ Квинси видное мѣсто занимали зрительные образы, и ихъ странный, страшный или отталкивающий видъ придавалъ грезамъ тягостный характеръ. Въ другихъ грезахъ образы не возникаютъ, преобладающій элементъ въ нихъ—смутное чувство, тревожное ожиданіе неизвѣстнаго, страхъ предъ неизбѣжнымъ и печальнымъ событіемъ, повергающій душу грезящаго въ ужасъ, предъ которымъ ничто—ужасъ, внушенный ему странными тварями Китая и Индіи, отвратительными чудищами, которыя въ описанныхъ видѣніяхъ проходили тысячами передъ его глазами.

„Грезы начинались музыкой, которую я слышалъ часто,—музыкой, подготовлявшей мой духъ, возбуждавшей его и вызывавшей напряженное ожиданіе. Она напоминала увертюру, исполняемую во время коронаціи; подобно ей она производила впечатлѣніе грандіознаго марша, за ней слышался топотъ дефилирующей кавалеріи, топотъ ногъ безчисленныхъ войскъ. Настало утро торжественнаго дня, дня кризиса и послѣдней надежды для человѣческаго рода, которому угрожаетъ таинственная гибель, и опасность эта внушаетъ тревожныя опасенія. Гдѣ-то—неизвѣстно гдѣ,—неизвѣстно какимъ образомъ и почему, какими-то неизвѣстными существами дается сраженіе, происходитъ борьба, наступаетъ агонія, развивающаяся въ формѣ грандіозной драмы или музыкальной композиціи. Овладевшее мною чувство симпатіи становится для меня источникомъ невыносимой муки, такъ какъ я не знаю мѣста, причины, характера и возможнаго исхода столь важнаго событія. Какъ часто бываетъ въ грезахъ, въ которыхъ мы по необходимости дѣлаемъ самихъ себя центромъ всего совершающагося, я имѣлъ власть рѣшить его судьбу и былъ лишень этой

власти. Я былъ бы могущественъ, если бы могъ возвыситься до хотѣнія—и былъ немощенъ, такъ какъ меня придавливала тяжесть двадцати Атлантидъ или бремя неизгладимаго преступленія. Глубже, чѣмъ проникалъ когда либо свинець морского лота, лежалъ я неподвижный, въ бездѣйствіи. И вдругъ я услышалъ какъ бы хоръ, какъ бы звуки болѣе глубокой страсти. Рѣшалось чрезмѣрно важное событіе,—дѣло, за подобное которому никогда еще не обнажалась шпага, не звучали военныя трубы. Вдругъ наступила тревога: гдѣ-то послышались ускоренные, испуганные шаги, я услышалъ крики безчисленной толпы, бѣжавшей въ ужасѣ. Кто это? Сражались они за дѣло правды или зла? Я не зналъ этого: мракъ и свѣтъ, гроза и человѣческія лица... Я почувствовалъ наконецъ, что все погибло. Предо мной стали проноситься женскіе образы, лица, которыя я желалъ бы узнать и за осуществленіе этого желанія отдалъ бы цѣлый міръ, и которыя я могъ видѣть однакоже только мгновеніе. Потомъ—судорожно стиснутыя руки, сцены разлуки, раздиравшія мнѣ сердце, и наконецъ „вѣчное прости!“ Со вздохомъ—тѣмъ вздохомъ, какимъ огласились подземелья Ада, когда оскверненное море произнесло страшное имя Смерти,—эхо повторило: „вѣчное прости!“ и еще разъ повторило: „вѣчное прости!“ Я проснулся въ конвульсіяхъ и воскликнулъ: „нѣтъ, я не хочу болѣе спать!“

Мы ограничимся приведенными выдержками. Ихъ достаточно, чтобы уяснить характеръ видѣній, вызываемыхъ опіемъ. Въ этихъ грезахъ—какъ и въ видѣніяхъ, являющихся во время нормальнаго сна—образы состоятъ изъ впечатлѣній, ранѣе воспринятыхъ грезящимъ. Опій не создаетъ ничего, онъ приводитъ въ движеніе существующіе уже мозговые образы, сообщая имъ необычайную интенсивность. Жители востока видятъ подъ вліяніемъ опія грезы, не имѣющія, конечно, ничего общаго съ картинами, проходившими передъ Квинси. Муки и радости, испытываемыя спящимъ, стоятъ въ соотвѣтствіи съ его привычками и душевнымъ строемъ,—и можно думать, что сладострастные

образы, совершенно отсутствующіе въ видѣніяхъ англійскаго писателя, какъ они отсутствовали и въ его привычныхъ думѣхъ, занимаютъ несравненно болѣе видное мѣсто въ грезахъ чувственныхъ жителей востока. Нелишне отмѣтить здѣсь наблюдаемый при употребленіи опія ростъ времени и пространства, грандіозный, колоссальный, даже чудовищный характеръ образовъ—въ этой чертѣ есть, повидимому, нѣчто специфическое, нѣчто присущее веществу, вызывающему видѣнія. Упомянуто можно сказать о картинахъ озеръ и спокойныхъ, зеркальныхъ водныхъ бассейновъ; въ томъ же видѣ, иногда съ тѣмъ же навязчивымъ характеромъ, эти видѣнія являются въ грезахъ, вызываемыхъ гашишемъ.

Видѣнія этого рода могутъ возникать — и дѣйствительно возникаютъ—и во время естественнаго сна, но они не представляютъ того постоянства и той интенсивности. Читатели, конечно, обратили вниманіе на тягостный характеръ нѣкоторыхъ видѣній Квинси, и ихъ можетъ удивить, какимъ образомъ при такихъ условіяхъ возникаетъ страсть къ опію. Но во первыхъ, не всѣ грезы носятъ такой страшный или даже грустный характеръ, каковъ мы видѣли въ грезахъ англійскаго писателя; во вторыхъ, въ чувствѣ небытія, вызываемомъ опіемъ, въ этомъ какъ бы раздвоеніи личности, при которомъ вы присутствуете безъ всякаго участія съ вашей стороны при безконечной смѣнѣ проносящихся предъ вами измѣнчивыхъ картинъ,—есть наслажденіе, представляющее даже при страшномъ характерѣ образовъ для разъ вкусившаго его лица опасную прелесть. Такое же влеченіе вызываютъ, впрочемъ, всѣ наркотическія, всѣ снотворныя вещества. Всѣ они вызываютъ состояніе полу-сладострастнаго оцѣпенія, въ которомъ мысли проносятся предъ нашимъ духовнымъ взоромъ безъ всякаго усиленія съ нашей стороны,—состояніе, хорошо знакомое всякому, кто принималъ опій, эфиръ или куритъ табакъ.

Гашишъ. Гашишъ добывается изъ индійской конопли. Опьяняющее начало содержится, главнымъ образомъ, въ верхушкахъ растенія. Ихъ можно курить или отдѣльно

или въ смѣси съ табакомъ. Обыкновенно употребляютъ густой экстрактъ—гашишъ и принимаютъ его вмѣстѣ съ различными ароматическими веществами въ чашкѣ кофе.

Послѣ приѣма гашиша, чтобы испытать полное его дѣйствіе въ самой пріятной формѣ, нужна благоприятная обстановка, напр. прекрасная зала съ открывающимся изъ нея живописнымъ горнымъ пейзажемъ. Когда это условіе осуществлено, вы можете ожидать наступленія галлюцинаціи—иллюзіи (наблюдаемое здѣсь явленіе—двойкой природы), такъ какъ эффектъ можетъ иногда запоздать, но въ концѣ концовъ обыкновенно все-таки наступаетъ. Ему предшествуютъ предвѣстники. Сначала вами овладѣваетъ странная веселость: все васъ смѣнитъ, все вамъ нравится и радуетъ васъ, вы относитесь ко всѣмъ дружелюбно и доброжелательно. Скоро вы замѣчаете, что отношенія различныхъ предметовъ другъ къ другу существенно измѣнились, связь между вашими идеями такъ слаба, такъ необычна, что эти отношенія понятны однимъ вамъ. Потомъ вы начинаете чувствовать страшную слабость, вы блѣдны, голова тяжелеетъ. Упругость въ мышцахъ исчезла, и вамъ кажется что у васъ руки изъ хлопчатой бумаги. Чувства пріобрѣтаютъ необычайную остроту. Наступаютъ галлюцинаціи.

Замѣчательный писатель, ставшій къ сожалѣнію жертвой помѣшательства, далъ удивительное по точности и выразительности описаніе галлюцинаторныхъ грезъ, вызванныхъ приѣмомъ гашиша. Этимъ описаніемъ мы и воспользуемся.

„Видѣніе предметы, говоритъ Боделэръ, принимаютъ чудовищный видъ. Они являются передъ вами въ формахъ, которыхъ вы передъ тѣмъ никогда не видали. Потомъ они теряютъ свою форму и переходятъ въ васъ, или же вы переходите въ нихъ. Происходятъ самыя странныя, самыя двусмысленныя и необъяснимыя перестановки идей. Звуки имѣютъ цвѣтъ, цвѣта имѣютъ музыку. Музыкальныя ноты—числа, и вы съ ужасающей быстротой производите колоссальныя ариѳметическія вычисленія по мѣрѣ того, какъ передъ вашимъ слухомъ разыгрывается музыкальная пьеса. Вы сидите и курите; вамъ кажется, что вы сидите въ ва-

шей трубки и ваша трубка куритъ васъ. Выдыхаемое вами синеватое облачко, это—вы.

„Вамъ хорошо, одно только васъ занимаетъ и беспокоитъ. Какъ вы выберетесь изъ вашей трубки? Вы размышляете объ этомъ цѣлую вѣчность. Короткій свѣтлый промежутокъ позволяетъ вамъ сдѣлать страшное усилие и взглянуть на часы. Вѣчность длилась минуту. Другой потокъ идей увлекаетъ васъ, вы будете вовлечены на минуту въ его бѣшенный водоворотъ, и эта минута будетъ опять вѣчностью. Вы теряете всякую возможность ориентироваться во времени и въ своемъ бытіи, благодаря безчисленному множеству и интенсивности ощущеній и идей. Вы переживаете нѣсколько человѣческихъ жизней втеченіе одного часа.

„Время отъ времени сознаніе личности исчезаетъ. Объективность—создающая поэтовъ-пантеистовъ и великихъ драматурговъ—достигаетъ такой высоты, что вы сливаетесь съ виѣшними предметами. Вотъ вы теперь—дерево, шумящее отъ вѣтра и напѣвающее природѣ растительныя мелодіи. Теперь вы парите по небесной лазури въ видѣ тѣла безконечныхъ размѣровъ. Всѣ страданія исчезли. Вы не боретесь, вы увлечены, вы потеряли всякую власть надъ собой—и это васъ не печалитъ. Вдругъ у васъ исчезаетъ совершенно представленіе о времени.

„Въ другіе разы музыка будетъ вамъ рассказывать поэмы, вводить васъ въ страшныя или волшебныя драмы. Она сливается съ предметами, находящимися передъ вашими глазами. Живопись на потолкѣ, даже посредственная и плохая, оживаетъ. Свѣтлая, волшебная вода течетъ подъ дрожащимъ дерномъ. Прекрасныя нимфы глядятъ на васъ большими глазами, которые свѣтлѣе воды и небесной лазури. Вы попадете въ злыя каррикатуры, въ грубыя лубочныя картинки, какими бывають увѣшаны стѣны кабаковъ, и будете въ нихъ играть свою роль.

„Я замѣтилъ что вода имѣетъ чарующую прелесть для всѣхъ сколько нибудь артистическихъ натуръ, находящихся подъ вліяніемъ гашиша. Потоки воды, фонтаны, гармони-

чекіе каскады, безграничное синее море—все это катится, спитъ и поетъ въ глубинѣ вашего духа. Не совѣмъ безопасно оставлять человѣка въ такомъ состояніи на берегу прозрачной рѣки: какъ рыбака въ балладѣ, его, быть можетъ, увлечетъ Ундины въ свои объятія.

„Третья фаза, отдѣляющаяся отъ второй новымъ кризисомъ, головокруженіемъ и чувствомъ тяжести, представляетъ нѣчто, неподдающееся описанію. Это-то, что жители востока называютъ *кейфъ*, состояніе абсолютнаго блаженства. Здѣсь нѣтъ ни бурь, ни смятенія. Это-блаженство спокойное и неподвижное. Всѣ философскіе вопросы рѣшены, человѣкъ сталъ богомъ¹⁾“.

Если сравнить эти грезы съ видѣніями, вызываемыми гашишемъ у людей иной культуры, другихъ нравовъ, то мы убѣдимся, что гашишъ подобно опию ничего не создаетъ, что видѣнія грезящаго, такъ сказать, набираются изъ его привычныхъ представлений. Для гашиша специфично только извращеніе чувства личности, быстрая смѣна идей, утрата представленія о времени и особенная склонность къ преобразованію предметовъ, принимающихъ самыя фантастическія, самыя странныя формы въ зависимости отъ богатства воображенія у лица, принявшаго гашишъ. Самое же содержаніе галлюцинацій и иллюзій стоитъ въ тѣсной связи съ его душевнымъ складомъ. Я говорю *галлюцинации и иллюзии*, такъ какъ въ противоположность тому, что мы видѣли при опіѣ, обманы чувствъ играютъ здѣсь значительную роль²⁾. Эта роль позволяетъ намъ выяснитъ

¹⁾ Baudelaire. *Les Paradis artificiels*

²⁾ «Я сдѣлалъ послѣдній отчаянный призывъ ко всѣмъ силамъ своей души—такъ описываетъ Теофиль Готье состояніе, въ которомъ онъ находился послѣ приема гашиша,—и наконецъ со страшнымъ усилиемъ воли поднялъ одну ногу, вшившуюся въ землю и которую пришлось выдернуть, какъ выдергиваютъ съ корнями древесныя стволы. Мои конечности окаменѣли и я чувствовалъ, что мраморъ окутываетъ меня до самыхъ ногъ. До половины ногъ я былъ статуей, какъ тѣ волшебные принцы, о которыхъ повѣствуютъ намъ сказки *тысячи и одной ночи*. Тѣмъ не менѣе, я дошелъ до площадки лѣстницы и попробовалъ спуститься внизъ. Ступени были мягки и заваливались подо мной, какъ таинственныя лѣстницы, употребляемыя при испы-

одинъ любопытный вопросъ, вызвавшій много споровъ и противорѣчій, вопросъ о волшебныхъ садахъ старца Горы.

Восточный деспотъ, извѣстный подъ именемъ *старца Горы*, пользовался вѣроятно гашишемъ для пробужденія въ своихъ сеидахъ неукротимой отваги. Послѣ церемоніи посвященія ихъ окружали въ чудныхъ садахъ женщины удивительной красоты, казавшіяся имъ гуріями Магометова рая. Опьяненные чувственными наслажденіями, надѣясь обрѣсти послѣ смерти радости, вкушенныя ими въ волшебныхъ садахъ, сектанты проявляли невѣроятное мужество, въ предпріятіяхъ, которыя имъ поручалъ Гассанъ. Существованіе садовъ старца Горы допускается Мальтъ-Брюномъ и Гаммеромъ, тогда какъ Сальвертъ ¹⁾ и Вирей ²⁾ безусловно отвергаютъ ихъ реальность и принижаютъ все рассказы *ассасиновъ* ³⁾ о пережитыхъ ими чудесныхъ сценахъ за грезы, вызванныя гашишемъ. Сальвертъ удивляется, какъ можно допустить, чтобы соумышленники тирана, рабы обо-его пола—ангелы и гуріи, фигурировавшія въ этихъ сценахъ—постоянно хранили тайну; какъ поступали съ ними, когда, состарившись, они не могли болѣе принимать на себя исполненіе роли, для которой была необходима молодость и красота? Быть можетъ, ихъ молчаніе обезпечивалось смертью? Но въ такомъ случаѣ они должны были бы стараться избавиться отъ тирана. Могъ ли ихъ властелинъ, не вызывая подозрѣній, удовлетворять все ихъ потребно-

таніяхъ франкъ масоновъ. Камни, клейкіе и мягкіе, вдавливались подъ мои ноги, точно я наступалъ на брюшко жабы.»—Въ этихъ своеобразныхъ ощущеніяхъ не трудно признать иллюзіи въ сферѣ общаго чувства. Воображеніе романиста, возбужденное гашишемъ, переводило на образный языкъ то состояніе притупленности осязанія и мышечной слабости, которое вызывается приемомъ гашиша.

¹⁾ Salverte. *Des rapports de la médecine avec la politique*. Paris 1806. Отрывки перепечатаны въ Salverte *Des sciences occultes ou essai sur la magie*, изд. Литтре, Paris 1856 p. 27.

²⁾ Virey. *Bulletin de pharmacie*, tome V. февраль 1813.

³⁾ О сектѣ ассасиновъ (вѣрнѣе: *гашишиновъ*) см. сочиненіе Гаммера, и мемуаръ Саси въ XVI томѣ *Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*

сти? Если обратить вниманіе на то, какія предосторожности были при этомъ необходимы, какъ часто должна была являться необходимость въ удаленіи лицъ, нескромность которыхъ внушала опасенія, — если обратить вниманіе на трудность приобрѣтенія большихъ запасовъ провіанта, то легко понять, говорить Сальвертъ, что секта при этихъ условіяхъ не могла бы просуществовать и трехъ лѣтъ.

Доводы, приводимые Сальвертомъ, не лишены значенія. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что преданіе о садахъ старца Горы—не плодъ только воображенія, что оно имѣетъ, по всей вѣроятности, реальное основаніе. Грезы, конечно, играли значительную роль въ переживавшихся сектантами чудесныхъ сценахъ. Очень вѣроятно, что гашишъ въ самомъ дѣлѣ давался посвященнымъ. Но если мы вспомнимъ, какъ часто при опьяненіи гашишемъ наблюдаются иллюзіи, что внѣшніе образы служатъ канвою, на которую воображеніе грезящаго наноситъ фантастическіе узоры, то естественно будетъ предположить, что Гассанъ ставилъ своихъ послѣдователей въ условія наиболѣе благоприятныя для того, чтобы доставить ихъ воображенію тему, легко поддающуюся самымъ разнообразнымъ вариціямъ. Доводы, основанные на трудности имѣть въ своемъ распоряженіи нужный персоналъ, указываютъ на недостаточное знакомство съ востокомъ: это—попытка представить себѣ восточные нравы съ европейской точки зрѣнія. Если смотрѣть на роль ангеловъ и гурій въ этомъ искусственномъ раю такъ, какъ мы ее изложили, то сцены, проходившія передъ глазами сеидовъ Гассана, будутъ мало чѣмъ отличаться отъ описанія, даннаго въ „Калифъ на часъ“; впрочемъ въ послѣднемъ нѣтъ рѣчи о чувственныхъ наслажденіяхъ, игравшихъ по дошедшему до насъ преданію выдающуюся роль въ соблазнахъ волшебныхъ садовъ Гассана.

Это присутствіе чувственного элемента въ грезахъ ассасиновъ заставляетъ насъ думать, что имъ давался не одинъ гашишъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ грезахъ, вызываемыхъ индійской коноплей, являются иногда образы молодыхъ женщинъ чудной красоты, — видѣнія эти могутъ быть ре-

зультатомъ галлюцинаціи или иллюзіи, но чувственныя желанія отсутствують. „Я смотрѣлъ восхищеннымъ, но спокойнымъ взоромъ, говоритъ Теофиль Готье, на гирлянду идеально-прекрасныхъ женщинъ, блиставшихъ во всей своей божественной наготѣ. Я видѣлъ ослѣпительныя, атласныя плечи, серебристую грудь, маленькія розовыя ножки, роскошныя бедра, но все это не искушало меня. Видѣнія, смущавшія св. Антонія, не имѣли бы никакой власти надомной¹⁾“. Это отсутствіе чувственныхъ желаній, отмѣченное писателемъ-романтикомъ, вполне согласуется съ наблюденіемъ д-ра Феликса Рубо о полномъ подавленіи полового чувства подъ влияніемъ приемовъ гашиша²⁾. Я думаю поэтому, что одновременно съ гашишемъ, — благодаря которому сеиды старца Горы видѣли въ измѣненномъ и идеализированномъ видѣ являвшіеся передъ ними человѣческіе образы, — имъ давалось другое вещество, вызывавшее у нихъ чувственныя желанія, которыя лишали созданныя гашишемъ образы идеальной чистоты, не имѣвшей въ себѣ ничего привлекательнаго для грубыхъ умовъ. Мы знаемъ, впрочемъ, что къ препаратамъ гашиша, употребляемымъ теперь на востокѣ, часто примѣшиваются т. наз. *aphrodisiaca* (вещества, возбуждающія половое чувство).

Спиртные напитки. То наслажденіе, то забвеніе горестей жизни, котораго житель востока ищетъ въ опиіи и гашишѣ, — европеецъ находитъ въ подвергшихся броженію напиткахъ. Вино, алкоголь вызываютъ особое душевное состояніе, въ которомъ все представляется пьющему въ радужномъ свѣтѣ. Печаль, горе, невзгоды забыты; „печальный брегъ“ съ тягостными заботами повседневной жизни скрылся изъ виду, вы плывете по морю забвенія.

Но, подобно опиіи и гашишу, вино и алкоголь имѣютъ свои опасности. Фантастическій міръ, созданный воображеніемъ пьяницы, обманчивыя, тревожныя, нерѣдко страшныя

¹⁾ Théophile Gautier. *Le club des Haschischins*.

²⁾ F. Roubaud, *Traité de l'impuissance et de la stérilité*. Paris 1876.

грезы преслѣдуютъ его, не оставляя ни на минуту, тѣнять его со всѣхъ сторонъ. Жертва безчисленныхъ галлюцинацій, освободившись отъ одного призрака, онъ тотчасъ же подпадаетъ подъ власть другого. Страшная пропасть, угрожавшая ему гибелью, исчезла; за то теперь онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ животными, кишачими по его тѣлу, раздаются грозныя окрики, онъ слышитъ всякаго рода оскорбленія и угрозы. Въ самомъ дѣлѣ, при алкоголизмѣ встрѣчаются галлюцинаціи въ сферѣ всѣхъ чувствъ. Фантастическіе зрительные образы встрѣчаются однако же, повидимому, всего чаще. Многочисленные и подвижныя, они смѣняются съ чудовищной быстротой, дѣлающей несчастнаго алкоголика игрушкой лживой и мучительной фантазмагоріи. На это преобладаніе зрительныхъ галлюцинацій при алкоголизмѣ, на эту быструю и непрестанную смѣну образовъ, проходящихъ подобно сновидѣнію предъ глазами алкоголика, обратилъ вниманіе выдающійся психіатръ, профессоръ Ласегъ. Въ своей замѣчательной работѣ, озаглавленной: „*Алкогольный бредъ есть не бредъ, а сновидѣніе*“¹⁾, онъ указалъ на тѣсную связь, существующую между бредовыми представленіями, возникающими вслѣдствіе отравленія алкоголемъ, и сновидѣніемъ. Мы не считаемъ галлюцинаціи въ сферѣ другихъ чувствъ, кромѣ зрѣнія, у алкоголиковъ столь рѣдкими, какъ это полагаетъ Ласегъ; мы не согласны съ его мнѣніемъ, будто въ сновидѣніи мы имѣемъ дѣло исключительно съ зрительными образами; но нельзя не согласиться, что въ алкогольномъ бредѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ, зрительныя галлюцинаціи преобладаютъ, носятъ крайне измѣнчивый характеръ, смѣняются безпрестанно на подобіе фигуръ калейдоскопа, а самый бредъ алкоголика, разсказывающаго о странныхъ и безсвязныхъ происшествіяхъ, прошедшихъ предъ его глазами, напоминаетъ сонъ чрезвычайно.

Ласегъ приводитъ еще одинъ новый и оригинальный доводъ въ пользу того, что между алкогольнымъ бредомъ

¹⁾ Lasègue. *Archives générales de médecine*, nov. 1881.

и сновидѣніемъ существуетъ крайне тѣсная родственная связь. На цѣломъ рядѣ примѣровъ онъ показываетъ, что бредовыя представленія алкоголика въ состояніи бодрствованія представляютъ обыкновенно продолженіе, развитіе безсвязныхъ картинъ, видѣнныхъ имъ во снѣ. Тогда какъ у помѣшаннаго, по словамъ Ласега, сонъ обыкновенно прерываетъ теченіе бредовыхъ идей—страдающаго бредомъ преслѣдованія перестаютъ преслѣдовать во снѣ, страдающій бредомъ величія или паралитикъ перестаетъ считать себя королемъ,—алкоголикъ въ сновидѣніи бредитъ тѣмъ же, чѣмъ будетъ бредить на яву.

Часто указывали на галлюцинаціи въ видѣ болѣе или менѣе отвратительныхъ животныхъ, змѣй, крысъ, пауковъ, какъ на признакъ, характеристическій для алкогольнаго помѣшательства. Названныя галлюцинаціи, въ самомъ дѣлѣ, наблюдаются очень часто; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть многочисленныя наблюденія Маньяна ¹⁾. Но еще чаще наблюдается другая черта: страшный и тягостный характеръ галлюцинацій. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ фантастическими образами змѣй, крысъ, львовъ, пауковъ, встрѣчающимися у пьяницъ, больные въ алкогольномъ бреду часто жалуются на пылающее пламя, на окровавленные трупы, на призраки, на преслѣдующихъ ихъ вооруженныхъ людей, убійцъ; они жалуются, что имъ угрожаютъ, наносятъ оскорбленія. Одинъ больной, о которомъ рассказываетъ Маньянъ ²⁾, видѣлъ кругомъ себя людей, собиравшихся его страшнымъ образомъ изувѣчить, онъ чувствовалъ, какъ ножъ проникаетъ въ его тѣло. Другой больной видѣлъ свою жену, надъ которой негодяи хотѣли гнуемымъ образомъ надругаться. Больной, находившійся въ моей лечебницѣ, всегда видѣлъ вокругъ себя пламя, отъ котораго онъ старался спастись. Иногда, впрочемъ, алкогольный бредъ сопровождается видѣніями пріятнаго свойства; факты

¹⁾ *Etude sur l'Alcoolisme*, Paris 1871.

²⁾ Magnan. *De l'Alcoolisme, des diverses formes du délire alcoolique*. Paris 1874.

этого рода имѣются въ литературѣ, но они крайне рѣдки, и я лично никогда ничего подобнаго не наблюдалъ.

Какъ бы то ни было, если употребленіе алкоголя и можетъ на первыхъ порахъ быть источникомъ пріятныхъ ощущеній, то по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, какъ и при употребленіи опія или гашиша, неминуемо развивается болѣзненное расстройство. Мечтательное состояніе и блаженный покой, котораго искалъ пьяница, смѣняются мучительными, навязчивыми галлюцинаціями.

ГЛАВА XV.

Рагль или галлюцинація пустыни.

У лицъ, путешествующихъ по пустынѣ, часто наблюдается явленіе, получившее у арабовъ названіе *рагль*. Рагль—явленіе настолько обычное, что у арабовъ существуетъ даже глаголь для выраженія этого состоянія.

Рагль возникаетъ подъ вліяніемъ сильной усталости, лишенія сна, крайняго голода и жажды. Онъ состоитъ изъ суммы обмановъ чувствъ въ сферѣ зрѣнія, слуха, вкуса, обонанія и даже осязанія. Обманы зрѣнія наблюдаются всею чаще; за ними слѣдуютъ по частотѣ обманы слуха, главнымъ образомъ, у путешественниковъ, подверженныхъ вліянію *самума*, уши которыхъ долгое время подвергались механическому раздраженію пескомъ. Приѣмъ хирина часто влечетъ за собой сходныя разстройства.

Рагль является въ сумеркахъ, главнымъ образомъ, въ моменты, предшествующіе сну или слѣдующіе за нимъ. Другими словами, состояніе просонки представляетъ наиболѣе благоприятный моментъ для рагля. Это обстоятельство не лишено значенія, оно можетъ уяснить намъ натуру нѣкоторыхъ чувственныхъ разстройствъ, наблюдаемыхъ при раглѣ. Прибавлю, что рагль можетъ возникать и среди бѣлаго дня и возникаетъ тогда, повидимому, подъ вліяніемъ ослѣпительнаго свѣта. Фактъ этотъ наблюдается од-

нако же только въ исключительныхъ случаяхъ, и сумерки представляютъ самый благоприятный моментъ для возникновенія разнообразныхъ ненормальныхъ воспріятій, изъ совокупности которыхъ состоитъ рагль.

Мы опишемъ по возможности точнѣе ощущенія, испытываемыя при раглѣ, а потомъ постараемся путемъ тщательнаго анализа фактовъ выяснитъ истинную природу явленія. Самому мнѣ никогда не приходилось испытывать эту любопытную галлюцинацію, и я воспользуюсь наблюденіями д'Эскейракъ де-Лотюра ¹⁾, чтобы представить картину разнообразныхъ ощущеній, испытываемыхъ при галлюцинаціи пустыни.

Путешественникъ, утомленный длинной дорогой, чувствующій настоятельную потребность въ снѣ и дѣлающій все усилія, чтобы не заснуть, впадаетъ скоро въ состояніе, которое нельзя назвать ни сномъ, ни бодрствованіемъ. Ясно сознавая свое положеніе, онъ получаетъ въ то же время рядъ странныхъ впечатлѣній отъ окружающаго. Ему кажется, что горизонтъ подымается передъ нимъ въ видѣ стѣны, небо кажется ему сводомъ громадной залы, замкнутой со всехъ сторонъ, звѣзды — тысячами лампъ и люстръ, освѣщающихъ эту залу. Передъ нимъ и вокругъ него вырастаютъ лѣса деревьевъ съ тоненькими и пушистыми вѣтками; деревья чрезвычайно высоки и закрываютъ часть неба, не мѣшая однако же путешественнику видѣть звѣзды. Камни превращаются въ утесы и зданія; слѣды звѣрей и вьючныхъ животныхъ придаютъ дорогѣ видъ воздѣланнаго поля или преріи. Тѣни, отбрасываемыя предметами въ лунномъ свѣтѣ, превращаются въ колодцы, пропасти и овраги; тѣни меньшихъ размѣровъ принимаютъ видъ одушевленныхъ существъ: передъ вами тянется длинная вереница верблюдовъ, каравановъ и войскъ, вы различаете ихъ оружіе и мундиры. Образы эти находятся отъ наблюдателя на разстояніи полу-метра или метра. Иногда ему приходится

¹⁾ D'Escayrac de Lauture, *Mémoire sur le ragle ou hallucination du désert*. Paris 1855.

проходить сквозь стѣны и зданія, которыя всегда опять вырастаютъ впереди его. „Рука моя, говоритъ д'Эскейракъ де-Лотюръ, погрузилась въ стѣну, но тѣло мое нигдѣ не наткнулось на нее: стѣны разступались, чтобы пропустить меня“. Одинъ изъ крайне часто наблюдаемыхъ при раглѣ обмановъ чувствъ состоитъ, по словамъ того же наблюдателя, въ томъ, что горизонтальныя поверхности принимаютъ вертикальное положеніе: „По бокамъ дороги вырастаютъ палисадники. Горизонтъ превращается въ стѣну, ограду или колоссальный бассейнъ. Иногда вамъ кажется, что вы находитесь въ центрѣ кратера, въ val del Bove, или въ какомъ нибудь тѣсномъ альпійскомъ ущельѣ. Аналогичный фактъ состоитъ въ превращеніи части неба въ длинную и узкую полосу флера.“ Кромѣ того д'Эскейракъ де-Лотюръ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что характеръ ложныхъ воспріятій при раглѣ видоизмѣняется въ зависимости отъ расы субъекта, страдающаго этимъ чувственнымъ разстройствомъ, и что у индивидовъ одной расы, одинаковаго воспитанія наблюдаются тождественныя или, по меньшей мѣрѣ, сходныя воспріятія. Тамъ, гдѣ европеецъ видитъ ель, тельгу, колокольню, арабъ видитъ пальму, верблюда и минареть. Кромѣ того, зрительныя воспріятія при раглѣ обыкновенно представляютъ связь съ мыслями, на которыхъ сосредоточено вниманіе путешественника.

Анализируя сумму ложныхъ и реальныхъ воспріятій, изъ которыхъ состоитъ раглъ, мы увидимъ, что преобладающимъ элементомъ въ галлюцинаціи пустыни являются иллюзіи, обусловленныя сосредоточеніемъ вниманія на извѣстныхъ предметахъ, и ложныя впечатлѣнія, зависящія отъ ослабленія зрѣнія. Когда лицо, страдающее раглемъ, принимаетъ слѣды животныхъ за борозды, проведенныя по воздѣланному полю, это—иллюзія. Точно также мы имѣемъ дѣло съ иллюзіей, когда тѣни отъ предметовъ кажутся пропастями, когда скалы представляются въ видѣ памятниковъ болѣе или менѣе сложной архитектуры.

Но хотя иллюзія создаетъ канву для чувственного бреда при раглѣ, однако же часть образовъ, воспринимаемыхъ

въ этомъ своеобразномъ состояніи, слѣдуетъ повидимому отнести къ числу чисто-галлюцинаторныхъ образовъ. Условія, при которыхъ возникаютъ нѣкоторые изъ нихъ, ихъ характеръ и форма заставляютъ предположить, что это — истинныя гипнагогическія галлюцинаціи. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ образовъ возникаетъ въ видѣ рагла въ состояніи просонокъ, наиболѣе благопріятномъ для появленія названныхъ галлюцинацій. Этого обстоятельства, быть можетъ, недостаточно, чтобы признать здѣсь существованіе гипнагогическихъ галлюцинацій, но взглядъ нашъ подтверждается и при болѣе тщательномъ изученіи явленій, наблюдаемыхъ при раглѣ. Когда д'Эскейракъ де-Лотюръ говоритъ намъ о тѣняхъ, превращающихся въ пропасти, о колеяхъ, принимающихъ видъ полевыхъ бороздъ, мы имѣемъ передъ собой истинныя иллюзіи; здѣсь существуетъ реальное воспріятіе, преобразуемое умомъ. Но когда тотъ же авторъ описываетъ появленіе предъ глазами путешественника вереницы верблюдовъ, вооруженныхъ войскъ, — короче говоря, образовъ одушевленныхъ существъ, для явленія которыхъ нѣтъ достаточнаго повода въ формѣ реального воспріятія, мы невольно припоминаемъ смѣну образовъ, которая такъ часто наблюдается въ полу-снѣ, невольно думаемъ о гипнагогической галлюцинаціи.

При раглѣ наблюдается однакоже еще одно ощущеніе, которое нельзя признать ни за иллюзію, ни за чистую галлюцинацію: на глазахъ путешественника горизонтальныя поверхности принимаютъ вертикальное положеніе, горизонтъ подымается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ видѣ стѣны, рука его проходитъ сквозь стѣны. Специальнаго объясненія требуетъ также видѣніе деревьевъ съ мелкими вѣтвями, сквозь которыя отчетливо просвѣчиваютъ небо и звѣзды. Займемся прежде всего послѣднимъ явленіемъ.

Д'Эскейракъ де-Лотюръ полагаетъ, что видѣніе мелко-вѣтвистыхъ деревьевъ, сквозь которыя просвѣчиваютъ небо и звѣзды, зависитъ отъ переполненія кровью сосудовъ роговой оболочки. Объясненіе это ошибочно въ томъ смыслѣ, что въ роговой оболочкѣ сосудовъ нѣтъ, но правильно по

существо: въ самомъ дѣлѣ весьма вѣроятно, что иллюзія эта вызывается налитіемъ сосудовъ сѣтчатки или сосудистой оболочки глаза. Жиро-Телонъ ¹⁾, комментировавшій съ офтальмологической точки зрѣнія зрительныя разстройства, описанныя въ интересномъ мемуарѣ Лотюра, становится на ту же точку зрѣнія или, по крайней мѣрѣ, считаетъ данное имъ объясненіе весьма правдоподобнымъ. Итакъ это— иллюзія, зависящая отъ того, что переутомленные мышцы аккомодационнаго аппарата глаза не даютъ вѣрнаго представленія о разстояніяхъ предметовъ, такъ что наблюдатель видитъ на небесномъ сводѣ сѣтчатое сплетеніе, находящееся на одной изъ оболочекъ самого зрительнаго органа.

Что касается до вертикальнаго положенія, принимаемаго горизонтальными поверхностями, то мы должны принять вмѣстѣ съ Жиро-Телонемъ, что это впечатлѣніе обуславливается съ одной стороны отсутствіемъ опредѣленныхъ границъ и получаемыхъ отъ этихъ границъ впечатлѣній, такъ какъ вслѣдствіе незначительнаго количества свѣта, падающаго на сѣтчатку, всѣ впечатлѣнія по необходимости должны имѣть смутный характеръ; съ другой стороны — „ослабленіемъ зрѣнія подъ вліяніемъ усталости и начинающагося физиологическаго паралича“.

Наконецъ, послѣдній рядъ сообщаемыхъ Лотюромъ фактовъ, состоящій въ томъ, что передъ вѣдущимъ вдругъ подымается висящая въ воздухѣ стѣна, что онъ пробѣзжаетъ сквозь нее, но стѣна постоянно появляется опять впереди его, что онъ погружаетъ въ нее свою руку, — представляетъ, какъ вѣрно замѣтилъ Жиро-Телонъ, поразительную аналогію съ любопытными явленіями, описанными Брюстеромъ. Вотъ эти факты въ краткомъ изложеніи:

Если вы съ разстоянія въ 3 фута взглянете на обои съ нарисованными на нихъ одинаковыми цвѣтами и постараетесь соединить въ одинъ всякіе два цвѣтка, отстоящіе другъ отъ друга на 12 дюймовъ, то вся стѣна по-

¹⁾ Giraud-Toulon, *Physiologie et pathologie fonctionnelle de la vision binoculaire*, Paris 1861.

кажется вамъ покрытой цвѣтами, какъ раньше, но всякій цвѣтокъ будетъ образованъ двумя наложившимися другъ на друга и слившимися цвѣтами, а вся стѣна съ нарисованными на ней букетами будетъ казаться висящей въ воздухѣ на разстояніи шести дюймовъ отъ наблюдателя. Въ первую минуту, продолжаетъ англійскій физикъ, наблюдатель не можетъ точно опредѣлить это кажущееся разстояніе. Обыкновенно обои только очень медленно устанавливаются въ новомъ положеніи. Когда этотъ моментъ наступилъ, получается странная картина: поверхность стѣны кажется слегка изогнутой и имѣетъ серебристый цвѣтъ. Она несравненно красивѣе исчезнувшихъ обоевъ, и при малѣйшемъ движеніи головой поверхность эта передвигается. Если наблюдатель, находящійся, какъ мы предположили, на разстояніи 3-хъ футовъ отъ стѣны, будетъ удаляться отъ нея, стѣна висящая въ воздухѣ, будетъ слѣдовать за нимъ и тоже удаляться отъ реальной стѣны, но съ меньшей скоростью, такъ что и висящая въ воздухѣ стѣна будетъ постепенно удаляться отъ наблюдателя. Напротивъ того, оставаясь на мѣстѣ, онъ можетъ протянуть руку и съ изумленіемъ увидитъ, что рука его проходитъ сквозь стѣну; если онъ будетъ держать зажженный факелъ на разстояніи болѣе шести дюймовъ, ему покажется, что между факеломъ и имъ находится воображаемая стѣна.

Этотъ любопытный фактъ объясняется неправильной содружественной координаціей осей глаза, намѣренно созданной въ опытахъ Брюстера. Въ раглѣ мы встрѣчаемъ тѣ же иллюзорные образы и на основаніи тождества результатовъ естественно заключаемъ о тождествѣ причинъ. Между обоими рядами фактовъ есть однакоже та существенная разница, что тогда какъ въ опытахъ Брюстера неправильная координація осей вызывалась, какъ мы видѣли, намѣренно, при раглѣ она совершается произвольно и зависитъ отъ утомленія органа. Во всякомъ случаѣ, аналогія между иллюзіями, описанными Брюстеромъ, и нѣкоторыми фактами, приводимыми Лотюромъ, — поразительная, и мы вправѣ воспользоваться разсужденіями англійскаго физика

для объясненія нѣкоторыхъ видѣній, являющихся при раглѣ, — главнымъ образомъ, видѣнія препятствія, сквозь которое проходитъ путешественникъ. Иллюзорное представленіе о переходѣ горизонта и почвы въ вертикальное положеніе, о превращеніи ихъ въ стѣну, въ которую наблюдатель можетъ погрузить руку, зависитъ отъ трехъ причинъ: отъ неправильной координаціи зрительныхъ осей, благодаря чему образъ кажется расположеннымъ на близкомъ разстояніи, — отъ душевнаго настроенія путешественника при раглѣ, располагающаго его придавать горизонту видъ стѣны и, наконецъ, отъ неопредѣленности границъ и смутности впечатлѣній вслѣдствіе недостатка свѣта, что въ связи съ усталостью глаза вызываетъ, какъ мы видѣли, представленіе о переходѣ горизонтальныхъ поверхностей въ вертикальное положеніе.

Какъ видитъ читатель, наблюдаемые при раглѣ факты довольно сложны. Они столько же относятся къ физиологіи зрѣнія, сколько и къ психо-физиологіи. Приведенное нами объясненіе, вполнѣ удовлетворительное по отношенію къ нѣкоторымъ фактамъ, приложимо ли ко всемъ тѣмъ случаямъ, когда замѣчается переходъ горизонтальныхъ предметовъ въ вертикальное положеніе, и наблюдатель можетъ погружать руку въ подымающіяся передъ нимъ воображаемыя стѣны? Мы не думаемъ этого. Одно изъ условій, осуществленныхъ въ опытахъ Брюстера, состоитъ въ тождествѣ образовъ, расположенныхъ на извѣстномъ разстояніи, — тождествѣ, позволяющемъ глазу сливать два воспринятыхъ образа въ одинъ. Между тѣмъ, это условіе не всегда имѣется налицо при раглѣ. Допуская поэтому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло происходитъ такъ, какъ въ опытахъ Брюстера, мы думаемъ, что въ остальныхъ случаяхъ фактъ долженъ получить иное объясненіе. Причина перехода горизонтальныхъ предметовъ въ вертикальное положеніе остается всегда та же, но воспринятый образъ представляетъ не простую иллюзію. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ иллюзіей — галлюцинаціей. Реальное воспріятіе служитъ только для того, чтобы привести въ движеніе мозговые образы, которые, объек-

тивируясь, порождаютъ галлюцинацію, и галлюцинаторный образъ воспринимается тогда на томъ разстояніи, на какомъ обыкновенно замѣчаются фантастическіе образы, — на разстояніи, указанномъ Лотюромъ.

Если читателю покажется страннымъ, что извѣстное зрительное воспріятіе вызываетъ галлюцинацію въ области того же чувства, мы отвѣтимъ, что фактъ этотъ, если въ него вдуматься, не представляетъ ничего удивительнаго. Въ нашей физиологической жизни можно отмѣтить факты, близко напоминающіе разсматриваемое нами явленіе. Почти все мы при видѣ предмета, напоминающаго намъ сильно поразившее насъ происшествіе, видимъ передъ собой это происшествіе и все его детали такъ отчетливо и живо, точно это — не плодъ воображенія, а сама дѣйствительность. Если мы вспомнимъ, что образы воспоминаній даютъ матеріалъ для галлюцинацій, что между воспоминаніемъ и галлюцинаціей существуетъ разница, вѣроятно, только въ степени, мы не найдемъ ничего страннаго въ томъ обстоятельстве, что зрительныя впечатлѣнія порождаютъ галлюцинацію зрѣнія.

ГЛАВА XVI.

Мозгъ и грезы.

Простое наблюдение показываетъ, что всѣ галлюцинаторные образы — будутъ ли то образы сновидѣній или галлюцинаціи въ собственномъ смыслѣ — заимствуются, по крайней мѣрѣ въ видѣ своихъ составныхъ элементовъ, изъ внѣшняго міра, откуда они воспринимаются чувствами. На это ясно указываетъ тѣсная связь образовъ съ привычными занятіями галлюцинантовъ, а еще очевиднѣе — различное содержаніе грезъ у людей различныхъ расъ; въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что при той своеобразной галлюцинаціи, которая возникаетъ у людей, путешествующихъ по пустынѣ, и получила названіе *рагль*, европеецъ видитъ колокольни, вѣтвистыя деревья, ели и т. д. тамъ, гдѣ арабъ видитъ пальмы и минареты. Такимъ образомъ, содержаніе галлюцинацій составляется изъ ранѣе воспринятыхъ образовъ, и если галлюцинаторные образы обнаруживаютъ иногда уродливыя ассоціаціи, то все же не подлежитъ сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ элементы самыхъ фантастическихъ грезъ черпаются изъ внѣшняго міра.

Намъ остается рассмотреть, въ какомъ мѣстѣ нервной системы концентрируются и хранятся — нервѣдко въ теченіи очень долгаго времени — эти матеріалы галлюцинацій,

воспринятые въ продолженіи предшествующей жизни индивида.

Когда вы изслѣдуете полушарія головного мозга, васъ поражаетъ масса покрывающаго ихъ сѣраго вещества. Масса эта, въ самомъ дѣлѣ, значительна. Если принять во вниманіе борозды, которыми отдѣляются одна отъ другой извилины головного мозга, то поверхность сѣраго вещества будетъ равняться 1,700 слишкомъ квадр. сантиметрамъ¹⁾. То обстоятельство, что поверхность сѣраго вещества, состоящаго преимущественно изъ клѣточныхъ нервныхъ элементовъ, имѣетъ такіе размѣры, не лишено, конечно, значенія. Если мы вспомнимъ, что повсюду въ нервной системѣ клѣтка играетъ роль спеціального нервнаго элемента, конечнаго пункта, куда достигаютъ впечатлѣнія внѣшняго міра, роль агента, преобразующаго движеніе, тогда какъ бѣлое вещество состоитъ исключительно изъ проводниковъ, — то, конечно, явится основаніе думать, что корковое вещество полушарій и представляетъ то мѣсто, гдѣ локалируются всѣ впечатлѣнія, приносимыя чувствами. Эти впечатлѣнія, накопляющіяся всякій день, всякую минуту, могутъ, разумѣется, локализоваться только въ аппаратѣ, имѣющемъ достаточные размѣры, и изъ всѣхъ отдѣловъ сѣраго вещества полушарій одинъ только корковый слой удовлетворяетъ этому требованію. Приведенный доводъ, сообщая нашему заключенію большое правдоподобіе, однакоже не былъ бы достаточно, если бы патологическія данныя не представляли блестящаго подтвержденія въ пользу нашего взгляда.

Существуетъ одинъ видъ душевнаго расстройства — слабоуміе, характернымъ симптомомъ котораго является почти полная потеря умственныхъ способностей и, главнымъ образомъ, памяти. Прекрасныя изслѣдованія Паршаппа, вполне подтвержденныя Марсэ²⁾ и современными патолого-анато-

¹⁾ Вычисленіе это принадлежитъ Боллярже.

²⁾ Marcé, *Recherches cliniques et anatomo-pathologiques sur la démence sénile et sur les différences qui la séparent de la paralysie générale.*

мами, показали, что при слабоумии наблюдаются резко выраженные изменения в корковом веществе полушарий. При другом страдании, тоже сопровождаемом, особенно в последнем периоде, почти полную потерю умственных способностей, — при общем параличе точно также наблюдается больше или меньше глубокое разрушение нервных элементов коркового слоя. В виду приведенных фактов и многих наблюдений, которые я мог бы привести здесь, мы должны рассматривать корковый слой сразу вещества полушарий, как то место, где накаплиются и складываются впечатления от внешнего мира, воспринимаемые каждую минуту чувствами.

Чтобы составить себе понятие о характере образов, служащих материалом для операций памяти и воображения и лежащих в основе всех тех явлений, которые мы изучали в настоящем труде, рассмотрим, каким путем чувства и, в частности, чувство зрения получают впечатления из внешнего мира.

Мы можем сказать, что предметы внешнего мира действуют на наш зрительный орган цветом и формой, которую в конце концов можно тоже свести на цветовое восприятие. Мы знаем, что сами по себе тела присутствующего им цвета не имеют. Если мы видим их окрашенными в различные цвета, то зависит это от того, что они отражают или, точнее говоря, рассеивают известные лучи спектра, поглощая прочие. Когда они рассеивают все лучи спектра, они представляются нам белыми, когда они поглощают все лучи спектра, они кажутся нам совершенно черными; когда они поглощают только часть лучей спектра, отражая при этом прочие лучи, они кажутся нам окрашенными в цвет отражаемых ими лучей. Таким образом цвет тела представляет только результат впечатления, производимого на наши чувства лучами спектра, рассеиваемыми целиком или отчасти теми телами, на которых они падают. Благодаря этому свет является посредником между нами и внешним миром. Но свет представляет только род движения.

Если вы просверлите в ставне темной комнаты два отверстия одинакового диаметра на небольшом расстоянии одно от другого и вставите в оба отверстия цветные, напр. красные стеклышки, то вследствие прохождения света через эти отверстия, вы получите два конуса красного света, встречающиеся на определенном расстоянии. Если на пути этих двух конусов вы поместите экран, то в общем сегменты кругов, образованных пересечением конусов с экраном, вы заметите чередующиеся красные и темные полосы. Вы закрываете одно из отверстий в ставне, и темные полосы исчезают. Вы опять открываете отверстие, и немедленно снова являются темные полосы. Таким образом, прибавление света к свету вызывает темноту. Это явление было впервые замечено Гримальди, теорию его дал Юнг, а впоследствии вполне развил Френель. Оно известно под именем *интерференции света* и может быть объяснено только в том случае, если мы признаем свет за движение и притом движение волнообразное.

В чем состоит этого рода движение?

Предположите, что в бассейн с водою бросают с определенной высоты тело известного объема. Вокруг этого тела образуется ряд концентрических возвышений и углублений, которые будут становиться все шире по мере удаления от места, куда упало тело. Эти возвышения и углубления называются *волнами*. На первый взгляд кажется, будто волны образованы перемещением жидкости; при внимательном исследовании, однакоже, не трудно убедиться, что это не так. Если вы положите на одно из возвышений, образованных падением тела, поплавок из пробки, этот поплавок не будет перемещаться, он останется на месте. Таким образом, мы имеем здесь движение формы, а не вещества. Предположите теперь, что на известном расстоянии от того места, куда упало первое тело, в тот самый момент, когда оно предоставлено самому себе, мы бросаем другое тело, абсолютно тождественное с первым и с той же высоты. Падение

этого тѣла вызоветъ новый рядъ волнъ, тождественныхъ съ первыми, и волны эти будутъ распространяться до встрѣчи съ кругами, вызванными паденіемъ перваго тѣла. Если возвышенія одной системы волнъ совпадутъ съ возвышеніями другой системы, мы получимъ возвышенія двойной высоты. Если углубленія совпадутъ съ углубленіями, мы получимъ углубленія вдвое болѣе глубокія. Если же углубленіе совпадетъ съ возвышеніемъ, то поверхность жидкости останется ровной, и поплавокъ, расположенный на этомъ мѣстѣ, не будетъ колебаться: обѣ системы интерферировали и въ результатѣ двухъ движеній получилось отсутствіе движенія.

Совершенно аналогичнымъ образомъ прибавленіе свѣта къ свѣту производитъ темноту; всюду, гдѣ мы имѣемъ интерференцію, мы должны допустить существованіе волнообразнаго движенія: оно одно удовлетворительно объясняетъ явленія интерференціи. Мы должны поэтому представить себѣ, что свѣтящіяся тѣла пребываютъ постоянно въ колебательномъ движеніи. Между ними и тѣлами, разбросанными въ пространствѣ, находится упругая жидкость, *эфиръ*, приводимая этими колебательными движеніями въ волнообразное движеніе, и эти чрезвычайно быстро слѣдующія одна за другой волны, ударяясь о сѣтчатку глаза, вызываютъ свѣтовое ощущеніе. Мы не видимъ эфира, но утверждаемъ, что онъ существуетъ, такъ какъ видимъ дѣйствія, имъ производимыя, видимъ явленія интерференціи. Итакъ, свѣтъ есть движеніе, и внѣшніе предметы подъ вліяніемъ колебательнаго движенія источниковъ свѣта посылаютъ намъ рядъ волнъ различнаго діаметра въ зависимости отъ природы этихъ предметовъ. Эти волны, система которыхъ находится въ тѣсной связи съ разсѣивающими ихъ тѣлами, достигаютъ сѣтчатки глаза. Последняя приходитъ, въ свою очередь, въ колебательное движеніе, и колебанія сѣтчатки, сохраняя строгое соотвѣтствіе съ вызвавшимъ ихъ волнообразнымъ движеніемъ, достигаютъ чувственнаго центра, а потомъ распространяются вплоть до корковыхъ слоевъ, гдѣ они отлагаются и сохраняются.

Если мы обратимся къ впечатлѣніямъ, получаемымъ при посредствѣ другихъ чувствъ, и постараемся выяснитъ ихъ натуру, то не трудно будетъ придти къ заключенію, что и эти впечатлѣнія представляютъ результатъ воспринятаго извнѣ движенія и представляютъ, въ сущности, родъ движенія.

Въ самомъ дѣлѣ, звукъ производится, какъ извѣстно, воздушными волнами, которыя, ударяясь о волокна Кортиева органа, вызываютъ въ нихъ колебанія того же ритма. И здѣсь мы имѣемъ, слѣдовательно, передъ собой движеніе.—Теплота, представляющая въ сущности родъ колебательнаго движенія,—относительно теплоты, какъ и относительно свѣта и звука, явленія интерференціи наблюдались и могутъ быть воспроизведены экспериментальнымъ путемъ—можетъ вызывать только движеніе. Только движеніе можетъ быть вызвано прикосновеніемъ тѣла. Точно также пахучія и вкусовые вещества, дѣйствующія на насъ, повидимому, путемъ прикосновенія, могутъ вызывать только движеніе. Можно поэтому думать, что всѣ наши впечатлѣнія, какимъ бы путемъ они ни возникали, представляютъ результатъ движенія.

Такимъ образомъ, одушевленные существа подвергаются дѣйствию безконечнаго ряда колебаній, исходящихъ изъ внѣшняго міра,—колебаній, которыя воспринимаются на поверхности тѣла органами чувствъ, проводятся къ центральнымъ аппаратамъ (чувствилищу), а потомъ къ корковому слою, гдѣ они отлагаются и хранятся. Можно, слѣдовательно, подобно древнимъ, но съ иной точки зрѣнія, сказать, что человекъ есть *микрокосмъ*, такъ какъ въ сѣромъ веществѣ мозговыхъ извилинъ содержатся и хранятся образы внѣшняго міра, настоящаго и прошедшаго. Слово „образъ“ приложимо не только къ результатамъ свѣтовыхъ, но и слуховыхъ, осязательныхъ и т. д. впечатлѣній, и читатель, если онъ внимательно слѣдилъ за нашимъ изложеніемъ, не будетъ удивленъ, если мы скажемъ, что, на ряду съ зрительными образами, у насъ есть образы осязательные и слуховые, и что всѣ эти образы

сложены въ корковомъ веществѣ полушарій головного мозга. Какъ однако же складываются и сохраняются чувственные образы? Вопросъ этотъ рѣшить не легко,—мы принуждены здѣсь прибѣгнуть къ гипотезѣ.

Тотъ фактъ, что нѣкогда воспринятыя нами образы, пребывавшіе въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени въ скрытомъ состояніи, могутъ предстать передъ нами снова въ видѣ воспоминанія, грезы или галлюцинаціи, легче всего объяснить такимъ образомъ, что нервная клѣтка коркового вещества, приведенная однажды извѣстнымъ впечатлѣніемъ въ опредѣленное дѣятельное состояніе, обладаетъ способностью приходить опять въ то же состояніе подѣ влияніемъ новаго возбужденія. Возбужденіе это можетъ быть результатомъ волевого акта; оно можетъ исходить изъ самого мозга, съ периферіи тѣла, изъ внутреннихъ органовъ. Какимъ бы образомъ клѣтка ни была возбуждена, разъ она вибрировала извѣстнымъ образомъ, она будетъ воспроизводить тѣ же вибраціи при новомъ возбужденіи. Вотъ одно возможное объясненіе.—Но нѣкоторые физиологи и психологи, не желая признать за нервной клѣткой этой способности приходить снова въ то же дѣятельное состояніе, въ какомъ она была въ моментъ воспріятія, полагаютъ, что всякое колебательное движеніе, сообщенное корковому веществу, тамъ продолжается, ослабѣваетъ, но не исчезаетъ совершенно. Всякій новый импульсъ можетъ оживить это движеніе, и оно будетъ тогда распространяться отъ корковыхъ слоевъ къ чувственнымъ центрамъ и органамъ чувствъ, проходя путь обратный тому, какой оно прошло при воспріятіи. По ихъ мнѣнію, если бы движеніе прекращалось совершенно, оживаніе образа не было бы возможно, что и наблюдается при утратѣ извѣстныхъ воспоминаній. Въ такомъ представленіи много увлекательнаго; преимущество его состоитъ въ томъ, что мы не должны тутъ признавать за клѣткой способности, природа которой намъ непонятна.

Какъ бы то ни было, какъ бы ни объяснялось разсматриваемое явленіе, мы должны признать, что въ кор-

ковомъ слоѣ имѣется рядъ клѣтокъ, содержащихъ въ себѣ образы въ потенциальномъ состояніи. Пусть этимъ клѣткамъ данъ будетъ любой изъ указанныхъ выше импульсовъ,—импульсъ волевой, возбужденіе какой нибудь точки на периферіи тѣла, *любой точки организма*,—и образы, соотвѣтствующіе опредѣленному дѣятельному состоянію этихъ клѣтокъ, будутъ распространяться по проводникамъ благаго вещества до чувственныхъ центровъ и органовъ чувствъ. Если движеніе слабо, останавливается, дойдя до чувственного центра, или достигаетъ чувственного аппарата, теряя почти всю свою интенсивность, мы имѣемъ передъ собой явленіе, относящееся къ области памяти—*воспоминаніе*. Если, напротивъ того, сообщенный толчокъ достаточно силенъ и достигаетъ чувственного аппарата, сохранивши почти всю свою интенсивность, то чувственный аппаратъ снова приходить въ то состояніе, въ какомъ онъ находился въ моментъ реального воспріятія, и получается *галлюцинація*.

Можно ли думать, что въ головномъ мозгу должны существовать опредѣленные измѣненія, благодаря характеру или мѣстонахожденію которыхъ и возникаютъ галлюцинаціи?

Такое представленіе о необходимомъ и постоянномъ существованіи опредѣленныхъ статическихъ поврежденій при галлюцинаціяхъ свидѣтельствовало бы о крайне ошибочномъ пониманіи этого явленія. Если существуетъ вообще чисто-функціональное разстройство центральной нервной системы, то ужъ конечно такимъ разстройствомъ слѣдовало бы признать галлюцинацію. На это съ очевидностью указываетъ замѣчательная аналогія, вѣрнѣе тождество, существующее между извѣстными родами сновидѣній и галлюцинаціей. Болѣе того. Если мы припомнимъ живость и яркость нѣкоторыхъ воспоминаній—воспоминаній о сценахъ, произведшихъ на насъ сильное впечатлѣніе—мы должны будемъ признать, что между мыслью—точнѣе говоря, между образами воспоминаній и галлюцинаціей существуютъ различія только въ степени интенсивности. У нѣкоторыхъ совершенно здоровыхъ

людей — и притомъ, не самыхъ бездарныхъ людей — граница, отдѣляющая образы мысли отъ галлюцинаціи, исчезаетъ и мысль объективируется.

Должны ли мы отсюда заключить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ у галлюцинантовъ поврежденія въ веществѣ головного мозга, эти поврежденія не играли никакой роли въ созданіи галлюцинаціи? Мы не думаемъ этого. Эти поврежденія могутъ вызывать галлюцинаторныя разстройства, но ихъ нельзя считать необходимымъ *субстратомъ* послѣднихъ. Другими словами, галлюцинація не есть патогномическій признакъ опредѣленнаго поврежденія вещества головного мозга, по присутствію галлюцинацій нельзя судить о характерѣ и локализациі этого поврежденія ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, это поврежденіе можетъ помѣщаться въ корковомъ слоѣ или другомъ участкѣ головного мозга, и изъ больного мѣста можетъ исходить возбужденіе, которое, достигнувъ тѣхъ или иныхъ областей коркового вещества, вызоветъ галлюцинаціи; характеръ галлюцинаціи будетъ мѣняться въ зависимости отъ того, какая группа клѣтокъ сѣраго вещества возбуждена. Слѣдуетъ однако же помнить, что возбужденія, порождающія галлюцинаціи, могутъ исходить не только изъ головного мозга, но также изъ периферическихъ участковъ и внутренностныхъ точекъ организма. Такъ, на примѣръ, у дѣтей нерѣдко возникаютъ галлюцинаціи влѣдствіе присутствія

¹⁾ По вопросу о локализациі страданій головного мозга, который можно считать причиной галлюцинаторнаго разстройства, между психиатрами существуютъ значительныя разногласія. Люисъ (Luys) и Ритти локализуютъ ихъ въ зрительныхъ буграхъ; Тамбурины — въ корковомъ слоѣ; Фовилль-отецъ — «въ тѣхъ частяхъ нервной системы, которыя служатъ посредствующимъ звеномъ между чувственнымъ аппаратомъ и центромъ воспріятія, — другими словами, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ оканчиваются чувствующіе нервы». Наконецъ, по словамъ проф. Балля и ученика его Режи «нѣтъ ни одной точки въ чувственномъ аппаратѣ, начиная съ самой периферической ея точки до самой глубокой, расположенной въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ мозговой территоріи, которая подъ влияніемъ извѣстнаго заблужденія не могла бы сдѣлаться у *предрасположеннаго субъекта* источникомъ галлюцинаціи». (*Société médico-psychologique*, засѣданіе 27 февраля 1882 г.).

глистовъ въ кишечномъ каналѣ. Сходнымъ образомъ галлюцинаціи вызываются раненіями роговой оболочки глаза. Къ этой же категоріи относятся состоянія возбужденія у душевно-больныхъ, сопровождаемыя особенно бурными галлюцинаціями и зависящія отъ желудочнаго разстройства; съ устраненіемъ послѣдняго галлюцинаціи исчезаютъ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ точекъ организма — изъ мозга, внутренностей, периферическихъ точекъ тѣла — могутъ исходить возбужденія, которыя, достигнувъ корковыхъ слоевъ, вызываютъ галлюцинаціи; и если нѣтъ опредѣленныхъ страданій головного мозга, необходимымъ образомъ вызывающихъ галлюцинаціи, если возбужденія, вызывающія появленіе галлюцинаторныхъ образовъ, могутъ исходить изъ всѣхъ точекъ организма, то есть одинъ отдѣлъ головного мозга — *корковый слой, дѣятельнымъ состояніемъ котораго всегда сопровождается галлюцинація*. Клѣтка коркового вещества необходимо должна быть возбуждена, и это возбужденіе должно распространяться въ направленіи къ органамъ чувствъ. На вопросъ о томъ, какова природа этого возбужденія, отвѣтить трудно; по всей вѣроятности, дѣло идетъ здѣсь о движеніи и преобразованіи движенія.

Этого движенія и преобразованія движенія мы не можемъ наблюдать въ самой нервной системѣ, мы приходимъ къ заключенію объ ихъ существованіи косвеннымъ путемъ. Дѣйствіе свѣта на сѣтчатку состоитъ, какъ мы видѣли, въ рядѣ колебаній. Мы видѣли далѣе, что чувственный аппаратъ при галлюцинаціи находится въ томъ же состояніи, какъ и при реальномъ воспріятіи, а, значить, находится, какъ и при послѣднемъ, подъ влияніемъ колебательнаго движенія. Движеніе, котораго мы не могли наблюдать во время его передачи по нервнымъ аппаратамъ, обнаруживается передъ нами въ его конечной точкѣ. Но движеніе можетъ быть вызвано только движеніемъ, а потому мы должны допустить, что само возбужденіе представляетъ, въ сущности, не что иное, какъ движеніе, которое, достигнувъ нервной клѣтки, вызвало въ ней тѣ же колебанія, какія передъ тѣмъ вызвало въ ней реальное воспріятіе, или усилило сохранен-

ное ея колебательное движеніе, а затѣмъ волнообразное движеніе по приводящимъ нервамъ передалось органамъ чувствъ. Рядъ функциональныхъ измѣненій, совершающихся въ нервной системѣ при галлюцинаціи, вызванной органическимъ возбужденіемъ, можно представить въ видѣ слѣдующей схемы: движеніе, исходящее изъ данной точки организма, — преобразование этого движенія въ нервной клѣткѣ коркового вещества, — передача движенія по направленію къ органамъ чувствъ. Съ этой точки зрѣнія, намъ кажется, явленіе объясняется легко; мы не придаемъ, однакоже, приведенному объясненію большаго значенія, чѣмъ оно можетъ имѣть, и напоминаемъ читателю, что это — только гипотеза, правда, весьма вѣроятная.

Но если мы можемъ только съ крайнею осторожностью высказываться объ интимной природѣ динамическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ галлюцинаціи, то есть пунктъ, относительно котораго мы можемъ высказаться опредѣленно. Появленіе галлюцинаціи, навѣрное, сопровождается особымъ измѣненіемъ кровообращенія въ головномъ мозгу. Въ самомъ дѣлѣ, при галлюцинаціи мы имѣемъ дѣятельное состояніе головного мозга, а всякое дѣятельное состояніе головного мозга — какъ съ несомнѣнною доказали работы Моссо — сопровождается расширеніемъ мозгового сосудистаго ложа. Прибавлю, что состояніе набухлости мозгового вещества при сновидѣніяхъ — которое можно было наблюдать непосредственно при извѣстныхъ поврежденіяхъ черепныхъ костей — подтверждаетъ нашъ взглядъ, такъ какъ галлюцинація и сновидѣніе — явленія тождественныя.

„РУЧНОЙ ТРУДЪ“

Руководство для домашнихъ занятій ремеслами. Составилъ А. Графини. Переводъ съ франц. Около 400 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Бумага и полотно: Пропускная бумага, прозрачная бумага для срисовыванія. Непроницаемая и свѣтящаяся бумага. Работы изъ картона. Коробки, абажуры, маски. Формовка изъ бумаги и тисненіе фигуръ. Китайскія тѣни. Брошюровка и переплетъ. Изготовленіе рамокъ. Стѣнные обои и отдѣлка комнатъ. Рисовка занавѣсокъ. Искусственные цвѣты. Змѣи и летающія птицы. Аэростаты. Фейерверки. II. Глина, воскъ, стекло, фарфоръ: Лѣпные работы изъ глины и воска. Формовка. Чистка, раскрашиваніе и покрываніе гипса металломъ. Живопись по фарфору, фаянсу и

стеклу. Волшебный фонарь. Фантасмагорія. Граненіе хрустала. Гравировка на стеклѣ и хрусталѣ. Мозаика. Гравированіе на дорогихъ камняхъ. III. Дерево: Столярныя работы. Окраска и украшеніе столярныхъ издѣлій. Работы на токарномъ станкѣ. Художественное вырѣзываніе изъ дерева. Деревянная мозаика. IV. Металлы: Слесарныя работы. Гравировка. Любительская механика. Любительская электро-техника. Гальванопластика. Никкелированіе. Покриваніе металлами издѣлій изъ глины. Металлизація тканей. Любительское часовое мастерство.

СОЧИНЕНІЯ

А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическія очерки, литературныя характеристики. 1868—1887.

Содержаніе: Новое время и старые боги. — Русское недомысліе. — Прудонъ объ искусствѣ и сатурналіи нашихъ эстетиковъ. — Герои голубинаго полета. — Теорія Ласкаля. — Живая струя. — Дм. Ив. Писаревъ. — Старая правда. — Чего нужно добиваться реальному поэту. — Сорокъ лѣтъ русской критики. — Герои вѣчныхъ ожиданій. — Волны русскаго прогресса. — Графъ Левъ Толстой. — Старый идеализмъ въ современной оболочкѣ. — Сентиментальное пре- краснодушіе. — Наши грядущіе Бисмарки. — Литературныя противорѣчія. — Винигредъ современной морали. — Наша современная беззавѣтность. — Бесѣды о русской словесности (три письма). — А. И. Левитовъ. — Н. А. Некрасовъ. — Разладъ художника и мыслителя. — Наше современное легкомысліе. — Гл. Успенскій, какъ разрушитель иллюзій. — Новодворскій (Осиповичъ). — В. М. Гаршинъ. — Новый человекъ деревни. — Бесѣды о графѣ Толстомъ. — Власть тьмы. — Мысли о женской неволѣ. — Русскій историческій романъ. — Женщины Островскаго. — А. С. Пушкинъ.

Цѣна за все собраніе въ двухъ большихъ томахъ — 3 руб.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ

Профессора Г. ЖОЛИ.

(С.-Петербургъ, 1890 года. 350 стр. 2-е изданіе. Цѣна 1 р.).

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Подготовка гения культурнымъ ростомъ народа. Явленія гениальности труднѣе поддаются изученію чѣмъ помѣшательство. Три главные отдѣла нашего предмета: великій человекъ, гений, вдохновеніе. Мнѣніе Гете о послѣдствіяхъ долговѣчности отдѣльныхъ семей и цѣлыхъ народовъ. Всякій ли народъ способенъ породить великаго человека? Наиболѣе благоприятныя времена для появленія великихъ людей.

II. Вліяніе семейной наслѣдственности. Существуетъ ли наслѣдственная подготовка, ускоряющая появленіе гения? Братья, сестры и матери великихъ людей. Наслѣдственность вкусовъ, причудъ и выдающихся способностей. Гений и успѣхъ. Различія между естественной и юридической семьей, между кровью и именемъ, между святымъ и великимъ человекомъ. Законныя обобщенія. Теорія чередованія. Если гений не есть неврозъ, то не чередуется ли онъ съ неврозомъ? Страсти и великіе замыслы.

III. Великій человекъ и современная ему среда. Великій человекъ не разрушаетъ ничего кромѣ того, что является помѣхою жизни: онъ не вноситъ въ человечество усилій, клонящихся къ раздѣленію людей, но только успѣя, направленныя къ временному соглашенію, къ союзу и единству. Какимъ образомъ среда требуетъ своего великаго человека. Какъ относится великій человекъ къ своимъ предшественникамъ, къ своимъ учителямъ и къ своимъ предтечамъ. Примѣры. Въ чемъ состоитъ оригинальность великаго человека. Его вліяніе на людей, которыми онъ пользуется для своихъ цѣлей, и на идеи, которыми онъ овладѣваетъ. Не гений получаетъ жизнь отъ тѣхъ элементовъ, которые онъ организуетъ, а наоборотъ—онъ самъ даетъ имъ новую жизнь.

IV. Гений и вдохновеніе. Уничтожаетъ ли гений роль случая? Приостанавливаетъ ли онъ законы необходимости? Случай не дѣлаетъ даже открытій.—Примѣры. Колумбъ и открытіе Америки. Ньютонъ и открытіе міроваго тяготѣнія. Лейбницъ и его ученіе объ активной субстанции. Леонардъ де Винчи и Тайная Вечера. Бетховенъ и нѣкоторыя изъ его симфоній. Является ли великое дѣло при своемъ возникновеніи въ формѣ цѣльнаго замысла. Фенелонъ и Ж. Ж. Руссо. Моцартъ и Бетховенъ. Лихорадочное возбужденіе ума. Истинныя условія вдохновенія. Анализъ элементовъ гения. Проверка этого анализа. Личности, которымъ не доставало то одного, то другаго изъ условій гениальности и величія. Заключительные выводы.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы (Луковникова, „Новаго Времени“, Карбасникова, Салаевыхъ, Калмыковой и др.) продаются слѣдующія книги Я. В. Абрамова:

1) **Новѣйшіе успѣхи знанія.** Популярныя очерки. Ц. 2 р.

Содержаніе: Микроскопическіе друзья и враги человечества.—Чудеса хирургіи.—Бѣшенство и предохранительныя прививки.—Азіатская холера.—Душевные болѣзни и общественная жизнь.—Изъ области психофизиологій.—Народная медицина.—Изъ области гигіены.—Слѣпые и глухонѣмые.—Изъ области техники.—Землетрясенія.—Культурные вопросы нашего народнаго хозяйства.

2) **Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ** Ц. 2 р.

Содержаніе: Земства и городское здравіе.—Земство и народное образованія.—Земство и экономическое положеніе населенія.—Наше законодательство и земская инициатива.

3) **Вниманію интеллигентныхъ провинціаловъ** Ц. 30 к.

4) **Женскіе врачебные курсы.** Ц. 30 к.

5) **Обзоръ дѣтской литературы за 1885—1888 гг.**

Руководство при выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. Ц. 75 к.

„НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ“

Знакомство съ явленіями природы путемъ игръ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ приборовъ. Составилъ Г. Тисандъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. 2-е, значительно дополненное изданіе. Съ 352 рисунками. Цѣна 2 руб., въ переплетѣ 2 руб. 75 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Научныя занятія на открытомъ воздухѣ.—II. Физическіе опыты безъ приборовъ. Давленіе воздуха. Паденіе тѣлъ. Различныя силы. Инерція. Гидростатика. Сифоны. Волосность. Равновѣсіе тѣлъ. Центръ тяжести. Телота. Акустика и звуки. Свѣтъ и оптика. Электричество.—III. Зрѣніе и оптическая иллюзіи.—IV. Анализъ случайностей и математическія игры.—V. Химія безъ лабораторіи. Металлы простые и драгоцѣнные. Искусственное окрашивание цвѣтовъ. Фосфоричность. Примѣненіе химіи къ фокусамъ. Спирально разрѣзанная бутылка.—VI. Спиритизмъ.—VII. Научныя игрушки. Магическій волчекъ и жирокосы. Приборы для механическаго полета. Электрофоръ Нейффера. Маленькій воздушный пароходъ. Циркулирующій фонтанъ. Магическія рыбы. Американскія копыла. Оживающія электрическія украшенія и различныя игрушки.—VIII. Домъ любителя науки. Пинцетная машина. Электрическое перо. Швейма-

гическій карандашъ. Хромографъ. Электрическій штемпель. Камиллометръ. Небесный индикаторъ. Астрономическіе часы. Глобусъ-теллуриі. Солнечный хронометръ. Загадочныя часы. Новыя круглыя счеты. Шагомеръ. Водной барометръ. Телефонъ, микрофонъ и фонографъ.—IX. Наука и домашняя жизнь. Швейная машина, приводимая въ движеніе собакою. Способъ быстро рыть колоды. Приборъ Карре для искусственнаго приготовленія льда. Починкъ, показывающій время. Лампа будильникъ. Газолиновая лампа. Экономическая мышеловка. Хорошее устройство крапа.—X. Средства для перевозки. Безконечныя рельсы. Парусные вагоны. Новый снарядъ для плаванія. Водяной волоснедъ. Тюлень-буракъ. Двойная лодка. Наименьшій пароходъ въ свѣтѣ. Лодки на льду. Кареты, запряженныя блохами.—XI. Ваканціи. Приложеніе: Газовая свѣча Пункарева (ночникъ, свѣча, лампа и кухня).

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Составилъ *В. Селзневъ*, бывший преподаватель химической технологии въ Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ. Съ 70 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: ОБЩІЙ

ОТДѢЛЪ. I. Общія приемы и аппараты. Измельченіе твердыхъ тѣлъ. Смѣшиваніе. Раздѣленіе неоднороднаго размолъ или природнаго зернистаго матеріала на продукты болѣе однородныя по размѣру и плотности зеренъ. Раздѣленіе жидкостей. Отдѣленіе жидкихъ тѣлъ отъ твердыхъ. Отдѣленіе растворимыхъ частей отъ нерастворимыхъ. Поглощеніе газовъ твердыми тѣлами и отдѣленіе поглощаемыхъ газовъ отъ непоглощаемыхъ. Поглощеніе газовъ жидкостями и отдѣленіе растворимыхъ газовъ отъ нерастворимыхъ. Механическіе приемы передачи матеріаловъ.—II. **Топливо и развитіе теплоты въ печахъ.** Топливо. О горѣніи. Объ устройствѣ печей. Утилизациа излишней теплоты продуктовъ горѣніи. Нагрѣваніе жидкостей. Высушиваніе.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

I. Углеводы. Общія замѣчанія. Броженіе. Хлѣбное зерно, мука и хлѣбъ. Добываніе крахмала. Пивовареніе. Винокуреніе. Свекло-

сахарное производство.—II. **Жиры.** Составъ и свойства жировъ. Выгонка сала. Добываніе растительныхъ маселъ. Мыловареніе. Производство стеарина.—III. **Волокнистые матеріалы.** Растительныя волокна. Волокна животнаго происхожденія. Окраска тканей и пряжи. Обзоръ важнѣйшихъ красокъ. Бѣленіе пряжи и тканей. Окраска тканей. Выдѣлка бумаги. Выдѣлка кожъ.—IV. **Сухая перегонка.** Общія замѣчанія о сухой перегонкѣ. Добываніе древеснаго угля. Смолокурение. Добываніе древесной воды и главныхъ продуктовъ ея перегонки: уксусной кислоты и метиловаго спирта. Добываніе свѣтильнаго газа.—V. **Нефть и ея обработка.** Свойства нефти. Перегонка нефти и продукты ея. Киръ, озокеритъ, нафтагиль, асфальтъ.—VI. **Сѣрная кислота и сода.** Производство сѣрной кислоты. Производство соды.—VII. **Силикаты.** Общія замѣчанія. Глина. Стекло. Гидравлическій цементъ. Стеклодѣліе. Выдѣлка гиняныхъ издѣлій.